

ГАНС-ДИТРИХ ГЕНШЕР, КРИСТИАН ЛИНДНЕР

НАВОДИТЬ МОСТЫ

ДВА ПОКОЛЕНИЯ, ОДНА СТРАСТЬ

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

ФОНД ФРИДРИХА НАУМАННА
ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Ганс-Дитрих ГЕНШЕР
Кристиан ЛИНДНЕР

НАВОДИТЬ МОСТЫ

Два поколения, одна страсть

Москва **2014**

УДК 32.001+323/324(430)
ББК 66.0+66.3(4Гем)
Г34

Перевод с немецкого В. Брун-Цехового

Геншер, Г.-Д.

Г34 Наводить мосты : Два поколения, одна страсть / Ганс-Дитрих Геншер, Кристиан Линднер. — Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2014. — 184 с.

ISBN 978-5-903135-51-6

В 1979 году, когда Кристиан Линднер родился, Ганс-Дитрих Геншер уже был председателем Свободной демократической партии Германии и министром иностранных дел социал-либеральной коалиции. В своих беседах, которые велись с декабря 2012 по февраль 2013 года в Бонне, два либерала, политический старейшина, с одной стороны, и действующий политик, облеченный ответственностью, — с другой, говорят о том, за что они борются, и о своем пути в политику, о характере их партии, спутниках и противниках, о Германии и Европе, о том, почему «новое мышление» крайне необходимо. И не в последнюю очередь о том, что ими движет, — о страсти к свободе. Эта книга — дискуссия между двумя поколениями, между которыми тем не менее существует преемственность и взаимопонимание.

УДК 32.001+323/324(430)
ББК 66.0+66.3(4Гем)

ISBN 978-5-903135-51-6

© Фонд Фридриха Науманна, 2014
© Фонд «Либеральная Миссия», оформление, 2014
© Валерий Брун-Цеховой, перевод, 2014
© Михаэль Данненманн, фото

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Наведение мостов между Германией и Россией	4
Вместо введения	8
«Мы оба дети своего времени»	10
Европа — мастерская будущего	40
Ответственная экономика	68
«Сто процентов на образование!»	88
Политика, СМИ, гражданин	100
Развернуть знамя за социально-экологическое рыночное хозяйство	115
Либеральный ответ на вызовы времен террора и интернета	126
Мир вчера, мир завтра	137
СвДП: «Наводить мосты, а не окапываться»	164
Об авторах	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАВЕДЕНИЕ МОСТОВ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ

85-летний Ганс-Дитрих Геншер, бывший министр иностранных дел Германии, и 34-летний Кристиан Линднер, председатель партии немецких либералов (СвДП), ведут диалог, в котором стремятся навести мосты между либералами двух разных поколений. Поначалу кажется, что разговор ведется о послевоенной истории и будущем Германии. Но постепенно в дискуссии о роли Германии в мире они все чаще обращаются к России. И вскоре в этом подлинном диалоге читатель находит принципиальные вопросы, актуальные как для России, так и для Германии. Оба считают, что «принятие индивидуальной и коллективной ответственности является наиболее гуманным принципом свободы при формировании общества граждан». Конечно, имея различный жизненный опыт, эти либералы по-разному оценивают ту или иную ситуацию, благодаря этому получился захватывающий разговор на равных.

В свою очередь 80-летний Евгений Григорьевич Ясин, бывший министр экономики России, и 33-летний Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен, руководитель Московского бюро немецкого либерального Фонда Фридриха Науманна за свободу, решили внести свой вклад в наведение мостов между поколениями и поговорили о значении для России диалога двух немецких либералов.

Фрайтаг-Лорингховен: Евгений Григорьевич, как и Ганс-Дитрих Геншер, вы сыграли важную роль в исторический момент кризиса и пробуждения вашей страны. На ваших глазах происходили невероятные изменения, вы непосредственно участвовали в этих процессах, наблюдали и размышляли об этом. Вы очень быстро отреагировали на предложение перевести на русский язык диалог между Гансом-Дитрихом Геншером и Кристианом Линднером. Чем вас привлекла эта книга?

Ясин: Прежде всего, меня восхитила форма изложения — открытый разговор двух важных публичных деятелей, представляющих два разных поколения. Как профессор Высшей школы экономики и президент фонда «Либеральная Миссия», я тоже всегда веду диалог с молодым поколением, но такой вид публикации стал открытием для меня. И, честно говоря, очень мне

понравился. Кроме того, я считаю исключительно важной публичную беседу либералов разных поколений, чтобы подчеркнуть ценности свободы.

Фрайтаг-Лорингховен: А разве не были «упакованы» в форму диалога философские тексты Платона?

Ясин: Тексты Платона — это не настоящие диалоги, а хорошо спланированные вопросы-ответы, тогда как в этой книге мы слышим голоса двух независимых мыслителей. Кроме того, мне понравилось, что, критично обсуждая прошлое и настоящее, оба собеседника-либерала конструктивно смотрят в будущее.

Фрайтаг-Лорингховен: Их мысли о будущем мы можем применить в отношениях между Германией и Россией или Европой и Россией. С начала кризиса в Украине и особенно после присоединения Крыма отношения между Россией и остальной Европой нарушились. Геншер призывает создать общеевропейские структуры безопасности, которые будут охватывать «всю Европу, в том числе и Россию». Как вы думаете, насколько это реалистично сейчас?

Ясин: В России к Крыму относятся несколько иначе, чем в Европе, не просто с точки зрения соблюдения обязательств, принятых в определенных условиях. Лично я уверен, что обязательства и репутация важнее. Но в России многие думают иначе. Я — оптимист. Я думаю, что Россия с ее интеллектуальными традициями, ее ценностями и ее корнями уже давно принадлежит европейской культуре. В этом я могу только поддержать Геншера, который подчеркивал, что на восточной границе Польши начинается «Восточная Европа, а не Западная Азия». В долгосрочной перспективе я все-таки думаю, что создание такой общей архитектуры безопасности и экономики вполне возможно.

Фрайтаг-Лорингховен: Ваш оптимизм заразителен. В долгосрочной перспективе я разделяю ваше мнение и никогда не хотел бы отказаться от такой цели, даже несмотря на отдельные неудачи. Но в то же время кажется, что перспективы общего рынка и общего пространства безопасности просматриваются лишь в очень далеком будущем. Напротив, страны, недавно ставшие членами ЕС и НАТО, пытаются увеличить свой оборонный потенциал, нацеленный против России. Еще до кризиса ЕС и Таможенный союз России противостояли друг другу в Украине. Что можно сделать в настоящий момент, чтобы снова добиться «общего дома Европы»?

Ясин: Я тоже задаю себе этот вопрос. Мне кажется, нужно больше времени, чтобы правильно оценить происходящее. Я никогда не занимался внешней

политикой и вообще много лет назад оставил политику. Сегодня мне интересны конкретные проекты и научные знания. В последние годы я много занимался теорией переходного периода...

Фрайтаг-Лорингховен: ...что нашло отражение в нашей совместной конференции в Москве с участием Стива Вебба, Джона Джозефа Уоллиса и других исследователей переходного периода из России и Германии.

Ясин: Точно. С этой точки зрения мне кажется также очень важным продолжать работу над строительством надежной правовой системы в России. Правовой вопрос является решающим не только для нас, но и для инвесторов в российскую экономику. Об этом говорил в книге Кристиан Линднер, приводя примеры из жизни. Позитивным сигналом в этом смысле стало освобождение Михаила Ходорковского в конце прошлого года, и важную роль в этом сыграл Геншер. Но России еще многое предстоит сделать, чтобы обеспечить частным лицам и предпринимателям реальную правовую безопасность.

Фрайтаг-Лорингховен: Для меня это звучит как утверждение Геншера о том, что «основу успешной внешней политики составляет доверие». Он подчеркивает, что можно и нужно иметь разные мнения и противоречить друг другу, но при этом надо оставаться «абсолютно предсказуемым». Именно поэтому главный ущерб, который нанесла себе Россия действиями в Крыму и Восточной Украине, это потеря доверия. Для восстановления потерянного доверия требуется много сил и много времени.

Ясин: В беседе Геншера и Линднера я высоко ценю спор. Но в связи с этим я хотел бы обратить внимание в первую очередь на значение правовой безопасности для дальнейшего развития страны. Выступая на Форуме Гайдара — Науманна в 2013 году в Берлине, Алексей Кудрин подчеркнул, что правовая безопасность и развитое гражданское общество — краеугольные камни успешной экономической политики. Как либералы, мы уверены, что государство должно обеспечить только надежную основу, которой индивидуумы смогут свободно и самостоятельно пользоваться, полагаясь на личную ответственность.

Фрайтаг-Лорингховен: Это хорошо сочетается с темой о будущем ЕС, о которой говорят Геншер и Линднер в своей книге. Линднер пропагандирует концепцию «единства в многообразии», Геншер указывает на историческое значение соглашения между странами Западной Европы после Второй мировой войны, но оба приходят к аналогичным выводам: между централизмом и субсидиарностью должен быть либеральный баланс. Интересно, что раньше вы четко помещали Россию в Европу. В последние годы я все чаще слышу, в пер-

вую очередь по российским телеканалам, что Европа для России — это нечто другое, что российская цивилизация самостоятельна. Что вы на это скажете?

Ясин: Конечно, география России иная, чем в Европе. Конечно, русская культура самобытна и, конечно, Россия — многонациональное государство. Но начиная с Петра I, с XVIII века, Россия вошла в европейскую цивилизацию и породила целый ряд мыслителей, которые, как во Франции или Германии, занимались ролью личности в обществе. Поэтому мне кажется, что дискурс о распределении ролей государства и гражданского общества должен быть либеральной дискуссией, благодаря которой мы многому сможем научиться в нашей стране. А сейчас я просто надеюсь, что наш диалог продолжится. Я желаю читателям того же воодушевления и вдохновения, которыми наполнена каждая строчка этой книги.

Фрайтаг-Лорингховен: Здесь уместно процитировать Ганса-Дитриха Геншера: «Народы ЕС и России судьбоносно связаны друг с другом. Русские — это европейский народ». Надеюсь, что наш разговор тоже станет мостиком к пониманию между поколениями, между либералами и нелибералами, между Европой и Россией и в первую очередь между нашими народами.

Москва, май 2014 года

Трудно представить более несовпадающие исходные позиции, чем у нас, и именно это мы сочли привлекательным. Мы оба — дети своего времени.

Ганс-Дитрих Геншер

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Нам надо поговорить» — так начинается разговор, если возникают трудности какого бы то ни было рода. «Нам надо поговорить» — так нередко начинались и наши беседы на протяжении прошедших месяцев. Дело в том, что наша партия, СвДП, столкнулась с трудностями и внутри нашего сообщества, и в отношениях с остальным миром. Слишком уж многие сомневаются в либеральной партии.

Причины этого мы вновь и вновь обсуждали по телефону, за обедом или в кулуарах различных мероприятий. При этом мы обращали взгляд назад, но прежде всего смотрели вперед: на задачи, которые должна решить Германия — у нас дома, в Европе, и в условиях нового мирового порядка. В результате возникла идея с помощью этой книги приобщить к обмену мнениями и других.

Кое-кто утверждает, что де либерализм напобеждался до смерти, что тема XXI века не свобода, а ее ограничение. Мы же по-прежнему считаем, что наиболее гуманный принцип формирования человеческих обществ — на основе индивидуальной и общей ответственности в условиях свободы. Именно в глобализованном мире нельзя забывать об индивиде в экономической, общественной и частной сферах его жизни. Обращение к человеку — постоянная задача либерализма, который не заикливается на технократических операциях, а делает своим критерием наличие у индивида шансов на то, чтобы состояться в жизни. И потому данная книга должна способствовать наведению мостов.

Наши идеи не претендуют на то, чтобы стать программой. Их не следует понимать и как указания к действию для нашей партии. В лучшем случае эта беседа послужит для читателей импульсом к дискуссии.

Прежде всего это приглашение познакомиться с убеждениями и размышлениями двух свободных демократов, принадлежащих к двум поколениям. И в этом смысле книга суть наведение мостов между 85-летним и 34-летним политиками, между послевоенной историей и устремлением в будущее, между традицией и обновлением.

СвДП приняла на себя ответственность за все важнейшие решения в истории Федеративной Республики Германия и участвовала в их реализации — в пользу социального рыночного хозяйства, за интеграцию в систему союзов Запада, за европейское единство и политику преодоления раскола Германии и Европы. При этом наша партия всегда была поборником нового мышления. Либералы неоднократно ставили на карту политическое существование партии ради своих убеждений. Эта традиция, в формировании которой участвовал старший из нас двоих, придает уверенности в том, что СвДП окажется способной устоять перед вызовами современности и будущего.

Младший из собеседников и его поколение стоят перед историческими развилками, значение которых выходит далеко за границы Германии. Осуществление в новых условиях социального рыночного хозяйства как идеи экономики ответственности, честные возможности продвижения благодаря образованию, дальнейшее развитие Европейского союза, соблюдение гражданских прав в «оцифрованном» обществе, сбережение естественных основ жизни без авторитарных требований и содействие формированию глобального порядка сотрудничества, который все могут ощущать как справедливый, — вот темы, о которых мы говорим с разных точек зрения, но с общей страстью. За свободу! Так мы наводим мосты.

*Ганс-Дитрих Геншер,
Кристиан Линднер*

Февраль 2013 года

«МЫ ОБА ДЕТИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ»

Линднер: 8 мая 1945 года считается часом ноль будущей Федеративной Республики, Рихард фон Вайцзеккер в своей знаменитой речи 1985 года назвал его «днем освобождения». Как вы пережили этот день, где были и что чувствовали?

Геншер: Для меня час ноль пробил уже 7 мая 1945 года. Несколькими неделями раньше мне исполнилось всего лишь 18 лет, но к тому времени я провел уже более двух лет на военной службе, сначала во вспомогательных подразделениях техником люфтваффе в вермахте. Я служил в армии Венка, генерала, которому на последней фазе войны было поручено деблокировать Берлин, где находился Гитлер. Но он не выполнил этот приказ, сказав своим офицерам: «Я не поведу десятки тысяч молодых солдат, доверившихся мне, в бессмысленное сражение. Я поведу армию на Запад и надеюсь, что мы окажемся в американском плену».

Линднер: Освобождение благодаря плену... Тяжелые перспективы для восемнадцатилетнего.

Геншер: Конечно, мы спрашивали тогда, что же теперь будет. Мы ведь знали, что война проиграна и что она очень скоро закончится. Мама навестила меня еще в казарме в Виттенберге в день рождения, 21 марта 1945-го, когда мне исполнилось 18 лет. Провожая ее на вокзал, я сказал: «Что-то кажется мне, что теперь мы очень долго не увидимся. Нам скоро в бой. Но я чувствую, — и этим я хотел успокоить маму, — что все это переживу. Все дело лишь в том, к кому в плен попаду».

Так примерно все и складывалось. Последнюю ночь, с 6 на 7 мая, мы провели в усадьбе поблизости от Эльбы под Тангермюнде, на восточном берегу реки. В этой усадьбе родился Бисмарк, и мы теперь лежали там в сарае. Мы знали, что на следующий день, вероятно, перейдем Эльбу, двигаясь на Запад. Армия уже несколько дней перебиралась по развалинам моста. Только представьте себе, сколько времени потребовалось для перехода 80 тысяч человек по деревянным мосткам. Так вот, когда мы вечером лежали в соломе, я сказал: «Ребята, пора теперь и нам сматывать удочки, может быть, вы позже сможете сказать вашим детям и внукам, что провели последнюю ночь войны у Бисмарка. Только не говорите, что это было в сарае».

О чем мы не подозревали, так это о том, что на следующий день нам предстоял еще один тяжелый бой. Мы должны были защищать предмостное укреп-

пленение от наступавших русских, которые хотели лишить нас возможности бегства. Мы находились в маленьком селении под названием Вуст — это место, где родился несчастный лейтенант фон Катте, воспитатель Фридриха Великого. Его семья происходила из Вуста, и там он и был похоронен после казни в Кюстрине.

Линднер: А вы сами участвовали в боях?

Геншер: Да, и еще как! Самое трудное заключалось в том, чтобы оторваться от противника, да так, чтобы он не заметил. Мы получили задание защищать Вуст нашим батальоном до 15:30 7 мая. Под конец нас осталось только десять. Потом ушли и другие, так что в конце концов мы оказались всего лишь втроем...

Линднер: В том числе и вы?

Геншер: Я был одним из троих. На западной окраине селения, на маленькой высоте мы стреляли во все стороны, чтобы создать у русских, выглядывавших сверху из слуховых окон домов, впечатление, что нас еще много. Так мы хотели как следует пальнуть по ним! А потом одного из нас, последних троих, ранило разрывной пулей, его рука безжизненно повисла, так что я сказал другому: «Выведи его из-под огня, я удержу позицию». Вот я и лежал один, с мыслью, что если теперь меня ранят в ногу, то уже не выбраться. Но все обошлось. Я действительно добрался до Эльбы. Там ждало множество немецких и американских санитарных автомобилей, медсестер, санитаров и врачей. Прозвучало: «Раненые направо», и вдруг война закончилась за считанные минуты.

Линднер: Такой опыт, пожалуй, не забывается никогда.

Геншер: Да, даже если самое глубокое переживание длилось две-три недели. Ночью я в одиночку отправился на командный пункт нашего батальона, находившийся в маленькой деревне. Сплошной линии фронта больше уже не было. Обе стороны прощупывали друг друга прежде всего по ночам. Когда я в темноте стоял на крестьянском дворе и пытался сориентироваться, совсем рядом со мной тихо и осторожно открылась дверь во двор около больших ворот. Я держал автомат наготове. В одном-двух метрах от себя я увидел полное страха детское лицо с широко раскрытыми глазами, выглядывавшее из-под русской каски. Он так же держал наготове свой калашников, как и я мой автомат. Его ужас был уж точно не меньше моего. Без движения стояли мы друг против друга. Секунду, а может быть, три или пять. Не могу сказать точнее. Но никто из нас не мог выстрелить в человека, которому смотрел прямо в глаза. Настало мгновение, когда два молодых человека, русский и немец, подарили друг

другу жизнь. Потом я прыгнул вперед и захлопнул открытую дверь, оставив за ней моего визави. В этот момент над воротами, ведущими во двор, уже появились четыре-пять русских касок. Началось русское наступление. Я поднял тревогу и смог в темноте ночи ускользнуть от выстрелов красноармейцев, ворвавшихся во двор. Осталось воспоминание о юном русском, с которым я на несколько секунд моей жизни оказался связан судьбой, и теперь этот «мой Иван» навсегда сохранится в моем сознании, в том числе и как постоянное напоминание.

Линднер: Чувствовали ли вы себя побежденным или освобожденным?

Геншер: Я чувствовал благодарность. Благодарность за то, что выжил. Благодарность за то, что оказался не в русском, а в американском плену. Благодарность за то, что гитлеровской Германии больше не было и с этой точки зрения я был освобожден. Тогда я еще и знать не знал, что уже через несколько дней возникнет советская оккупационная зона, где имел силу принцип «освобождены, не став свободными».

Линднер: В этот момент для вас уже началась новая Германия?

Геншер: Да, мы это чувствовали. Когда мы немного ранее двинулись на Запад, находясь к югу от Берлина, — всегда только ночью, так как русские истребители-бомбардировщики днем контролировали дороги, — пришлось вдруг остановиться. Подъехал мотоциклист с информацией для нашего командира, и батальон — все еще около 80 человек — сгрудился вокруг него. Нас проинформировали о смерти Гитлера. Венк сообщил нам об этом не столь высокопарно, как Дениц, по словам которого фюрер умер, до последнего вдоха борясь с оружием в руках. Приказ Венка гласил: «Солдаты 12-й армии, фюрер мертв. С сегодняшнего дня отдаением чести снова будет прикладывание правой руки к головному убору. Венк, генерал танковых войск».

Следует знать в данной связи, что после покушения 20 июля вермахту предписывалось отдавать честь гитлеровским приветствием, что воспринималось как унижение. Теперь снова вводится правильное приветствие — таково было единственное замечание Венка по поводу смерти Гитлера. Это показало, что думал человек. Мне же эти слова внушили невероятной силы доверие: такой, как он, сумеет вытащить нас отсюда. Несмотря на это, нами владели смешанные чувства. Что будет с нами, с нашей страной? Наконец, мы узнали, что в Германии происходило нечто ужасное.

Линднер: В своей речи Рихард фон Вайцзеккер сказал также: тот, кто не закрывал глаза и уши, слышал, «что по стране катятся поезда с депортируемыми». Вы тоже знали это?

Геншер: Только представьте себе, г-н Линднер, тогда я еще не слышал слова «Аушвиц», но хватало и «преследования евреев». Было достаточно того, что мы видели людей, заклеенных звездой. Людей, которых изолировали потому, что они были евреями. Было достаточно того, что мы слышали — например, о ситуации на русском фронте. О лагерях пленных, где в первые годы войны умерло с голоду множество русских военнопленных. Мы и сами сталкивались с русскими военнопленными, добровольно вступавшими в зенитную артиллерию, чтобы избежать голодной смерти. Что должно было побудить человека на это?.. Я понял, что нечто подобное вызовет чувство мести. Но что конкретно будет это означать? Конечно, я не мог себе и представить, что дело дойдет до разделения Германии. Для меня это была единая страна.

Мы не входили в категорию ответственных лиц Третьего рейха, но чувствовали, что разделяем ответственность нашего народа — как в добром, так и в злом, в бесконечно злом. И нас охватила уверенность в том, что нашу страну потребуют теперь к ответу, чем бы это ни обернулось. Для меня же лично было мигмом большого облегчения случайно узнать, что Галле заняли американцы...

Линднер: А не русские...

Геншер: ...в тот момент я знал, что моя мама не подверглась тому, что пришлось испытать многим другим женщинам при вступлении Красной Армии. Но пережила ли она вообще военные действия? Вопрос о ее судьбе не оставлял меня. И другой вопрос тоже: можно ли сбежать отсюда? По Тагермюнде нас гнали в плен, справа и слева американские солдаты. Но если армия распадается, воцаряется полный хаос. В этом-то и заключался шанс. Товарищ, который шел рядом со мной и с которым я с самого начала был в одной казарме, спросил меня: «Ты так задумчив — и над чем это ты голову ломаешь?»

«Я как раз принял два решения», — сказал я.

«И какие же?»

«Во-первых, я, как только удастся, сматываюсь отсюда».

Он ответил: «Ну и я с тобой. А второе?»

«С этой минуты я делаю только то, что мне нравится».

Это означало: я больше не хочу, чтобы мною командовали, отбывать имперскую трудовую повинность, служить солдатом в вермахте. Теперь я хочу делать то, что хочу. В значительной степени мне это удалось. Сегодня я сказал бы, что теперь хочу взять на себя ответственность за себя самого. Как раз это и отличает либерала: хотеть свободы в том числе и для того, чтобы иметь возможность действовать, руководствуясь ответственностью за самого себя. Свобода без ответственности означает необузданность. Осознание того, что свобода и ответственность — сиамские близнецы или две стороны одного и того же, означает постоянный вызов: действуй ответственно в условиях свободы.

Линднер: Не только получать приказы, но и самим определять, какой будет твоя жизнь. Может быть, это и был тот момент, когда вы стали не только автономным, но и политически активным молодым человеком?

Геншер: Нет, сказать об осознанном шаге было бы неверно. Позвольте мне вернуться к прошлому, в то время, когда я был маленьким мальчиком, и в те условия, в которых я вырос. Дедушка заменял мне отца, умершего, когда мне было девять лет. Он был связан с деревенским священником, принадлежавшим к Евангелической церкви. На селе это имело большое значение. Гестаповцы вновь и вновь допрашивали священника, а иногда его и арестовывали на более или менее длительное время. Постоянные усилия моего деда, которые он, мирянин, создававший свою ответственность, прилагал в общине ради освобождения священника, сказывались и на моей семье. В первый школьный день — после Пасхи 1933 года — быстро перестроившийся учитель потребовал: «Давайте-ка мы теперь будем выглядеть как гитлерюгенд!» Я, шестилетний, возразил: «Не могу, мы из немецких националистов»¹. Вслед за чем одноклассник рядом со мной крикнул: «Я тоже не могу, мы из коммуны»². Его отец был коммунистом.

Вечером отец услышал в кегельном клубе от учителя: «Ну, ты и запудрил сыну мозги. Он отказался сегодня маршировать вместе со всеми, подражая гитлерюгенд». Ночью, когда отец вернулся домой, он разбудил меня и сунул в руку «крышку люка». Так он называл монетку в пять марок, и это было высшее отличие, которое могло присуждаться в семье. Мне он сказал только: «Вот тебе “крышка люка” за то, что ты сегодня в школе сказал учителю».

Таков был мой отец. От дедушки мне досталась связь с Францией. Там, в лотарингском Дитенхофене³, в конце XIX века он проходил военную службу. С тех пор он восхищался французской культурой и страдал из-за того, что он, как старший, должен был вступить во владение приусадебным хозяйством. Он предпочел бы учиться, но после года учебы пришлось уйти из школы, так как прадед заявил: «Так уж у нас повелось, что старший наследует хозяйство».

Дедушка умер в 1947 году. Вспоминаю, как я навестил его 1 января 1946 года в деревне, чтобы пожелать всего самого лучшего в новом году. Советский майор, преподаватель германской филологии в Ленинграде, который очень хорошо говорил по-немецки, был с тремя сослуживцами расквартирован у дедушки. Когда майор не мог расслышать, я сказал: «Надеюсь, они вскоре уберутся!»

¹ Речь идет о националистической консервативной партии в Германии во времена Веймарской республики. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Характерное для веймарского периода название коммунистов.

³ После франко-прусской войны 1870–1871 гг. часть Лотарингии была присоединена к Германской империи и возвращена Франции по результатам Первой мировой войны.

«Мальчик мой, они останутся на пятьдесят лет», — ответил мне дедушка.

«И представить себе не могу», — сказал я.

«Вот погоди», — откликнулся он. И оказался почти прав.

Я иногда думаю, может быть, он видит, что я немного способствовал тому, что все это не затянулось на целых пятьдесят лет.

Линднер: Вернемся еще раз в 1945-й: вы не верили в «окончательную победу»?

Геншер: Расскажу вам историю из 1944 года. Когда я проходил обязательную трудовую повинность, у нас был товарищ, которому мы дали кличку Сталин из-за его прически — коротких волос ежиком, как у Сталина. Он был большей частью очень углублен в себя и едва участвовал в разговорах. Я всегда дежурил по казарме вместе с ним, и как-то вечером за ужином один товарищ из Берлина рассказал: «Я получил сегодня письмо от мамы. Отец добровольно вступил в вермахт». Это было, как я уже говорил, в октябре 1944 года.

«Ну и глупо», — откликнулся я.

«И вовсе нет».

«А почему же это?»

Вот что он ответил: «Отец у меня адвокат, и, как защитнику по назначению, ему приходилось выступать перед “народным судом”. И мама ему сказала, что порядочный немецкий адвокат не выступает перед этим кровавым судом».

На это я ответил: «Тогда снимаю шляпу перед твоими родителями».

Потом мы с «моим» Сталиным понесли миски на кухню, и он обратился ко мне: «А знаешь, мне понравилось, что ты только что сказал».

«Ты тоже против этого?» — таково было ключевое слово, говоря «против этого», можно было отговориться, если дело принимало серьезный оборот.

Он признался: «Я коммунист».

«А разве это лучше?» — спросил я.

«Да! Коммунизм — это будущее. Я хочу сказать тебе одно: если я попаду на фронт, перебегу к русским. За ними будущее».

«А откуда ты это знаешь?» — осведомился я.

«От моего отца».

«Как это?»

«Отец, коммунистический функционер, был в двадцатые годы на учебе в Советском Союзе. Ну а ты-то со своими буржуазными предрассудками что думаешь?» — полюбопытствовал он.

«Будущее? Я представляю его себе как в Англии или Америке».

«Ах, да все это устарело, — возразил мой собеседник. — Коммунизм — вот будущее».

Только семь недель мы провели вместе в «Трудовой повинности», после этого я больше ничего о нем не слышал. Как-то раз я прочитал, что «мой»

Сталин, которого в действительности звали Вернером Яровинским, стал членом Политбюро ЦК СЕПГ. Позже он спросил постоянного представителя ФРГ Ханса Отто Бройтигама за официальным обедом: «Вы иногда видите в Бонне г-на Геншера?»

«Да».

«Передайте ему, пожалуйста, сердечный привет».

Бройтигам: «Вы знаете г-на Геншера?»

«Да, по старым временам».

Позже Бройтигам заговорил со мной об этом, думая, что мы вместе учились. Но я ему возразил: «Это было еще раньше». В памяти Яровинского, как он позже рассказывал одному журналисту, наша встреча сохранилась — так же как и в моей. Я охотно встретился бы с ним снова после революции, но он умер в начале 1990 года.

Как видите, из двоих юношей 1944 года, имевших свои собственные представления о времени после Гитлера, сформировались двое мужчин, из которых каждый на свой лад остался верен своим представлениям.

Линднер: То, что вы пережили в молодые годы, нам сегодня трудно себе и представить. В разлуке с семьей, Германия оккупирована, будущее — только неясная идея...

Геншер: Нас называют поколением техников люфтваффе. Оказаться в пятнадцать лет призванным на военную службу — такое даром не проходит. Первыми техниками люфтваффе стали те, кто родились в 1926 и 1927 годах. Нас призвали 15 февраля 1945 года — реакция на проигранную битву под Сталинградом. Мы должны были занять места солдат, которые служили в зенитной артиллерии в Германии, а теперь были отправлены на фронт, где формировали новую 6-ю армию. В этом поколении все идеи распространялись с быстротой молнии. После нашего увольнения из «Имперской трудовой повинности» в начале декабря 1944 года и перед призывом в вермахт в начале 1945-го мы — мои одноклассники и я — встретились утром 1 января 1945 года. Мы все знали, что теперь наша очередь. У нас был приказ о призыве на 6 января, и мы знали, что в наступающем году делу конец. В этом мы были едины, вот и договорились в январе 1945 года, когда и где нам встречаться.

Один из нас спросил: «Как по-вашему, кто вернется первым?» И мы выбрали имя. Он действительно вернулся первым. Можете себе такое представить? Я был третьим, кто вернулся — 7 июля 1945 года.

Всеми нами владело чувство: теперь надо сделать нечто новое, что-то лучшее. Мы и сами не знали точно, в чем будет заключаться это новое. Ясно было только одно: больше никакой диктатуры. И все-таки нам всем пришлось увидеть, как новая диктатура все отчетливее показывает свое лицо...

Линднер: Первые контуры ГДР.

Геншер: Тогда это еще была советская оккупационная зона. В июне там были разрешены четыре партии: социал-демократы, коммунисты, Христианско-демократический союз и Либерально-демократическая партия. Уже несколькими неделями позже стало ясно: коммунисты хотели принудительного объединения.

Линднер: КПГ и СДПГ были объединены в СЕПГ.

Геншер: Да, и все складывалось драматически: руководящие социал-демократы уезжали, так как они были не согласны с этим, некоторых арестовывали. Скоро началось давление на неудобных и в других партиях. Все начиналось снова, опять нельзя было говорить, что хотелось сказать. Критиков этого пути поносили как «фашистские элементы». Таковыми они, конечно, не являлись! Это была политика.

Линднер: Против этого вы хотели создать оппозицию.

Геншер: Верно. И в этой ситуации мне импонировали именно ораторы, которые особенно критически высказывались против оккупации и СЕПГ. Чем жестче кто-то выступал, тем сильнее мы воодушевлялись. Так началась борьба за высшую школу. На предприятиях формировались производственные группы партий, в университетах — вузовские группы. Там, в высших учебных заведениях, Либерально-демократическая партия почти повсюду была сильнейшей, причем с большим отрывом. Я вспоминаю настоящего кумира, Вольфганга Натонек в Лейпцигском университете. Ему, подвергавшемуся при нацистах преследованиям расового характера, уже приходилось заниматься принудительным трудом. Как жертве национал-социалистских преследований, после войны ему поначалу дали больше возможностей открыто высказывать то, что он думал и хотел. Эти столкновения вокруг высшей школы играли огромную роль, все более политизируя меня. Я превращался в по-боевому настроенного молодого человека, либерала. На первых коммунальных выборах в Галле — а выборы в крупных городах были относительно свободными — Либерально-демократическая партия получила большинство голосов.

Линднер: В вашем родном городе была, очевидно, и соответственно настроенная либеральная среда?

Геншер: И очень сильная! Я и сегодня помню, как распределились места, настолько сильное впечатление произвел на меня результат: 29 — ЛДПГ, 27 — СЕПГ, 19 — ХДС. Правда, тогда и социал-демократы, которых не убедили раз-

говоры об объединении, очень активно голосовали за Либерально-демократическую партию.

Линднер: И тогда вы вступили в ЛДПГ...

Геншер: Это стало результатом длительных поисков. О коммунистах для меня не было и речи, как и об СДПГ, западногерманский председатель которой Курт Шумахер очень импонировал мне. Ведь не приходилось сомневаться, что под давлением советской оккупационной администрации дело дойдет до принудительного объединения СДПГ и КПГ. У христианских демократов мне нравилось их намерение объединить конфессии в политическом отношении. Но затем я пришел на собрание, где выступал невероятно страстный оратор, сказавший следующее: «Либерализм — наиболее всеохватывающая альтернатива любой форме несвободы». Тут мне подумалось, что я нашел людей, которых искал. Так созрело мое решение в пользу либеральной партии, членом которой я и стал 30 января 1946 года.

Линднер: Была бы для вас социал-демократия возможна в качестве политической родины, если бы тогда продолжала существовать СДПГ?

Геншер: Вероятно, нет. Меня удержало и от ХДС в конце концов то, что в одном предвыборном воззвании говорилось об их приверженности христианскому социализму. Социализм, будь он христианского или какого-то другого характера, был для меня неприемлем. Правда, два человека в СДПГ произвели на меня впечатление, и одним из них был Курт Шумахер. Он боролся против принудительного объединения, видел в себе противника Отто Гротвеоля, первого премьер-министра ГДР, вышедшего из рядов СДПГ, и говорил об СЕПГ как о «фашистах, замаскированных под красных». Фашисты, замаскированные под красных...

Линднер: Слово-то очень резкое...

Геншер: Заострить до такой степени мог только тот, кто пришел из концлагерей. Затем во всем Берлине началась борьба против принудительного объединения. Франц Нойман, подлинный рабочий лидер, во главе СДПГ боролся как нельзя более мужественно против принудительного объединения в Берлине, и СДПГ продолжала существовать еще долгое время в восточном секторе города. Она выдвигала депутата бундестага в Бонне, жившего в Восточном Берлине. На городской электричке он ездил в Западный Берлин, а оттуда летел на заседания бундестага.

Линднер: Бывало ли так, что и вы, как кое-кто из вашего поколения, считали себя использованным во зло и подавшимся соблазну?

Геншер: Нет, с соблазном не получалось. От этого меня уберегла семейная среда, да и школа тоже. Это для меня очень важно. Незадолго перед тем, как я стал техником люфтваффе, нам надо было написать сочинение — за пять часов. Темой была цитата из драмы Франца Грильпарцера «Жизнь — сон». Я не забыл эти слова: «Счастлив на земле лишь тот, кто, вины ни в чем не зная, мир душевный обретет. Слава — призрак, а величье — лишь пустое торжество. Много ль ты от них получишь? Им отдашь себя всего!» Битый час я грыз ручку. Потом меня осенило, и я написал, что, очевидно, Грильпарцер рассматривает внутренние ценности и человека как он есть. Каждый не похож на другого, но дело во внутренних ценностях. Если верно все то, что пишет Грильпарцер, а я полагаю, что это правильно, то мне следовало бы спросить себя, почему все люди у нас носят форму — мы унифицированная страна. В заключение я перечислил все виды униформы.

Когда учитель вернул работу, он заметил — должен сказать, он очень хорошо относился ко мне — следующее: «Есть у меня чувство, что тема несколько трудна». Это значит, что заранее предписанной темы не было и он сам ее выбрал. «В сущности, только один и понял, о чем идет речь, — Геншер. Ты, собственно, заслужил единицу¹, но, так как ты, как всегда, сделал две ошибки в пунктуации, я смог поставить тебе только два с плюсом».

Был у него пунктик с запятыми. Потом он вернул всем работы, только мою не отдал. «А где мое сочинение?» — спросил я. «Ах да, — ответил он, — я и забыл сказать, что, когда проверял, опрокинул чернильницу и выбросил твою работу».

Когда урок закончился и я вышел наружу, он положил руку мне на плечо: «Не правда ли, мой мальчик, теперь во всем этом большом мире только два человека, а именно ты и я, знают, почему было лучше выбросить твою работу?»

Понимаете, если вы переживете нечто подобное... — я был поистине счастлив!

Линднер: У вас был союзник, но вы достаточно рано приобрели и опыт, которого мы сегодня больше не знаем, — опыт большой несвободы, если рискуешь, уже интерпретируя поэтическое слово.

Геншер: Я счел его реакцию просто классной! Дома я сразу же рассказал о происшедшем. Мама ответила на это: «Я всегда тебе говорила, что не надо даже писать, что думаешь».

Линднер: Позже вы избрали политику профессией. Намеревались ли вы стать политиком уже в это время, по окончании войны?

¹ Высшая оценка по шестибальной системе в Германии.

Геншер: Ах, да вообще нет! У меня была совершенно другая цель, когда я в 1952 году приехал в Западную Германию: стать адвокатом. В ГДР, где я начинал изучать право, я и без того никогда бы не стал политиком. Я хотел стать адвокатом, чтобы быть самостоятельным. Мне импонировала возможность помогать людям!

Линднер: А как адвокат стал политиком?

Геншер: В 1946 году, как я говорил, я стал членом ЛДПГ. Я вспоминаю, что очень скоро испытал разочарование, так как партийное руководство в Берлине показалось мне недостаточно твердым. Я, молодой, ожидал, что СЕПГ открыто скажет, как обстоят дела.

Правда, на это осмелился Курт Шумахер, но с безопасного Запада. Да, а потом на Рождество в 1946 году я получил туберкулез легких, который сначала полностью «изъял меня из обращения». Я лежал в больнице, и как-то раз главный врач присел ко мне на койку: «Мои коллеги сказали тебе, что у тебя мокрый плеврит и воспаление легких. Это верно, но это только половина правды. У тебя тяжелый двусторонний туберкулез легких. Поражены четыре из пяти долей легких, и я должен тебе сказать, что мы, врачи, можем сделать вовсе не так уж много. Самое малое 50 процентов выздоровления ты должен добиться сам, ты должен хотеть победить болезнь».

А потом он выступил передо мной, как я сказал бы сегодня, с лекцией, давшей мне сильный импульс. Мне нельзя когда бы то ни было объяснять поражение болезнью. Я должен хотеть лучшего в учебе. Но прежде всего я должен, как он сказал, хотеть жить, всегда, в том числе и с женщинами. Мама, когда я позже рассказал ей об этом разговоре, сочла это неслыханным. Слова врача были стимулом, который действовал и после болезни. Не сдаваться, а побеждать! Тогда туберкулез, вроде того, что был у меня, если и не означал смерть, то, во всяком случае, с ним никогда нельзя было стать по-настоящему трудоспособным. Перспектива открывалась в высшей степени удручающая. После шести семестров я сдал экзамен на референта, хотя в университете провел только три с половиной семестра. В больнице я продолжал учиться. Тогда политика больше не стояла для меня в центре внимания.

Линднер: А когда она вернулась в центр внимания?

Геншер: В 1946 году я еще впервые участвовал в предвыборной борьбе — в коммунальных выборах и выборах в ландтаг. Затем я полностью отошел в сторону и просто не проявлял активности. В партии оставался, чтобы показать нежелание быть в СЕПГ, но в политическом отношении между мной и партией возникала дисгармония. В душе я пристал к другому политическому берегу, так как за это время сформировалась альтернативная модель. По радио можно

было получать на сей счет хорошую информацию. В Западной Германии можно было писать в газетах что угодно. Вновь и вновь друзья ездили в Западный Берлин; они читали газеты, в которых открыто велась резкая полемика с СЕПГ. Наподобие реликвий газеты передавались друг другу и читались у нас в университете, а вскоре за ними последовал и «Шпигель»¹. Возможно, я был лучше информирован о развитии событий в Федеративной Республике, чем некоторые мои будущие товарищи по университету в Западной Германии, не интересовавшиеся политикой.

Линднер: Так вашим государством была Федеративная Республика, а не ГДР и в это государство, на выбранную политическую родину, вы и отправились?

Геншер: Сначала в Западный Берлин, а потом в Бремен, чтобы продолжить и завершить обучение на референдария. Мама сначала еще оставалась в Галле. Я уехал оттуда 20 августа 1952 года. Прибыл на Ангальтский вокзал в Берлине или, скорее, на его развалины. Вокзал находился на территории ГДР. Спустившись на две ступеньки вниз, можно было попасть в английский сектор Берлина. Сойдя с последней ступеньки на перрон, я понял: «Вот теперь ты на Западе».

После того как я обосновался в Бремене и смог работать у адвоката, так что располагал определенной материальной основой, приехала и мама. Она приехала в Бремен как раз в тот день, когда услышала еще в поезде о смерти Сталина. Увидев меня, она спросила с сомнением: «А я не ошиблась, уехав именно теперь, когда он умер?»

Линднер: Может быть, там будет лучше...

Геншер: Я возразил ей: «Конечно же, правильно, что ты приехала, ведь я не могу себе представить, что там многое изменится». Ничего и не изменилось, но, конечно, реакция была понятна.

Линднер: Вернемся еще раз в Бремен, ведь там вы начали активную деятельность в СвДП, сделали, так сказать, свой второй шаг в политику.

Геншер: Причем сразу же. Для меня речь шла о либеральной партии, куда я действительно хотел. Вот я и пришел в Бремене в местную организацию и заявил, что хочу продолжить членство.

Линднер: А потом? Многие из вашего поколения отвернулись тогда от политики, разочаровавшись или озлобившись.

¹ Der Spiegel («Зеркало») — один из известнейших еженедельных журналов Германии, основанный в 1947 г.

Геншер: Так и было с некоторыми сокурсниками. Но те, кто приехали с Востока, были политизированы сильнее. Мотив многих заключался в том, чтобы сделать что-то для своей страны, ощутить свою сопричастность. Я тоже чувствовал это уже в 1945 году: мы должны сделать теперь нечто новое, и притом мы сами. Для меня к этому добавлялось в качестве второго политического мотива желание достичь объединения разделенной страны. Поэтому я и оценивал людей прежде всего по их отношению к вопросу о разделении Германии. Я проходил, например, обучение в прокуратуре; в Галле среди прокуроров был всего один юрист, имевший полную профессиональную подготовку, все остальные были «прокуроры из народа». Я сумел до него добраться: д-р Гайсслер, в прежние времена обер-бургомистр Гливице, до прихода к власти нацистов член Партии центра. «С Конрадом Аденауэром, г-н Геншер, нам надо быть осторожными, — сказал он мне. — К нам здесь, на Востоке, он не имеет никакого отношения».

Все-таки д-р Гайсслер был членом ХДС. Аденауэра же он знал со встречи обер-бургомистров, членов Партии центра, в Прусском государственном совете. Это заставило меня насторожиться: если кто-то, подумалось мне, придерживается такого мнения о собственном однопартийце в высшем руководстве, то в этом что-то должно быть. Позже последовала большая дискуссия о разделении страны и о том, что следует сделать. Я могу еще вспомнить о той ночи, когда Томас Делер и Густав Хайнеман свели счеты с Конрадом Аденауэром по вопросу объединения. Слушая дома радио, я едва не свихнулся. Я мог бы обнять Делера!

Линднер: Теперь-то вы знали, что вступили в правильную партию.

Геншер: Представьте себе, что СвДП в Бремене была подлинно современной партией. В СвДП ганзейские либералы принадлежали к либеральному крылу, я имею в виду как гамбургцев, так и бременцев. Вместе с баденвюртембергцами и баварцами они создали либеральный лагерь, а на другой стороне находилась СвДП Северного Рейна — Вестфалии...

Линднер: ...имевшая тогда черты национального объединительного движения.

Геншер: Например, бургомистр Шпитта в Бремене три раза разрабатывал бременскую Конституцию — один раз в империи¹, один раз в начале республики, а потом по поручению американцев после Второй мировой войны. Он был одной из символических фигур. И так, там я вступил в СвДП и в «Молодые демократы» и быстро стал заместителем председателя земельной организа-

¹ Речь идет о Германской империи, существовавшей с 18 января 1871 по август 1919 г.

ции «Молодых демократов», но это было только начало. Единственный раз я баллотировался в бюргершафт¹ — в качестве кандидата на бесперспективное место.

Линднер: На первый взгляд это определенный парадокс — Галле и единство остаются базисом и политической целью, кодовыми словами, которые ассоциируются с вашим именем. Тем не менее вы не пришли к национал-либералам.

Геншер: Именно так! Я чувствовал, что национал-либеральное течение скорее цементирует то, что есть, и закрывает возможности объединения, вместо того чтобы открывать пути к единству.

В Бремене я сдал второй государственный экзамен, тогда надо было еще полгода проработать помощником адвоката. Затем я был допущен в адвокатуру и сначала работал как государственный адвокат. Позже я с одним коллегой создал свою адвокатскую контору. Как-то раз управляющий делами земельной организации, принявший меня осенью 1955 года, сообщил, что к нему поступил запрос, согласно которому фракция бундестага в Бонне ищет юриста, имеющего полную профессиональную подготовку, на должность научного ассистента: «Заинтересовало бы это вас?» Случайно я прочитал ранее большую газетную статью о работе американского сената и о том, как сенатор оснащен, то есть о вспомогательном персонале, которым он располагает. Поэтому я имел представление о предложенной мне работе и думал, что два-три года пробы уж точно не повредят. Меня пригласили на собеседование. Фракция создала комиссию из трех человек, которая меня опросила, и, наконец, мне пришлось представиться фракции во главе с Томасом Делером как ее председателем, пока пожилая Мари-Элизабет Людерс не решила просто: «Он из Галле, ну так берем его». Тогда это было можно.

Линднер: С этого времени вы оказались на плывуне.

Геншер: Тем самым я включился в политику, действительно не чувствуя, что она-то и станет моей профессией на всю жизнь.

Линднер: Но такое развитие событий соответствует человеку вашего склада, который всегда хочет быть первым и лучшим, как и советовал врач пациенту-туберкулезнику. Я думаю о вашем замечании насчет того, что на вас сильное впечатление произвел оратор, говоривший о либерализме как наиболее всеохватывающей альтернативе любой форме несвободы...

¹ Парламент в двух ганзейских городах — Бремене и Гамбурге.

Геншер: Понимаете, это было событие политического значения. Ведь это означало, что речь шла об альтернативе не только нацистам, но и любой форме несвободы, то есть и тогдашней несвободе в советской оккупационной зоне. Сегодня слушатели поняли бы это совершенно по-другому, чем в Галле в конце 1945 года. Тогда каждый понимал, что речь идет о нынешних господах.

Линднер: К этому-то я и клоню.

Геншер: Тогда говорили: «Какова молитва на ночь у немцев в советской зоне оккупации? Господи Боже, дай нам рейх пятый, четвертый — как третий, такой же проклятый». Изречение было смертельно опасное, но, конечно же, полностью отвечало тогдашним ощущениям людей. Но вернемся в 1956 год. Я приехал в Бонн не для того, чтобы стать профессиональным политиком, а так как считал увлекательной возможностью участвовать в деятельности законодательного и политического аппарата большого парламента. Вот что меня привлекало. Я думал: «Это продвинет тебя дальше, да тебе и как адвокату может понадобиться многое». Чем глубже я погружался, тем более захватывало меня то, чем я занимался. Внезапно я продвинулся на место руководителя федерального партийного аппарата, когда с этого поста ушел Карл-Герман Флах. Мне было сказано, что я должен занять эту должность на время, ищут еще кого-то. И действительно, нашли Ханса Фридрихса, который позже стал федеральным министром экономики.

Я поехал с Эрихом Менде, тогдашним председателем партии и фракции, в главный земельный комитет Рейнланд-Пфальца в Майнц, где заседал партийный орган, и там молодой человек выступил с пламенной речью.

Я ни с того ни с сего сказал Эриху Менде: «Пусть приходит тот, кто может стать руководителем федерального партийного аппарата».

«Вы так думаете?» — переспросил он осторожно. Так Ханс Фридрихс, тогда управляющий Торгово-промышленной палатой, пришел в руководство СвДП в Бонне. Я, собственно, хотел вскоре вернуться в Бремен, но появился Вилли Вейер и заявил, что теперь самое время для того, чтобы я прямо включился в политику. Я говорю о 1962 годе, когда Аденауэр еще занимал пост канцлера, а ХДС/ХСС и СвДП были коалиционными партнерами. «Вы должны в следующий раз войти в парламент. У меня есть для вас на примете уже и избирательный округ: Вупперталь. Я знаю там председателя окружной организации». До тех пор я еще никогда не был в Вуппертале, и, следовательно, когда меня там представляли в правлении окружной организации, я впервые очутился в этом городе. Так происходило тогда в политике. Многие было возможно, многие не представляло сложности.

Сегодня, в ваше время, дело обстоит по-другому. И ваш путь в политику был, вероятно, другим. Каковы же были ваши первые шаги, г-н Линднер?

«Я ХОТЕЛ ДЕЙСТВОВАТЬ»

Линднер: Я был полон желания участвовать, действовать. Я был членом ученического Совета, но был готов к большему. Вот я и всматривался в партии в моем родном городе Вермельскирхене. В СДПГ суетились мои учителя. Молодежный союз¹ собирался прежде всего чтобы посидеть за пивом — но друзья у меня уже были, для этого я не нуждался в партии. «Зеленые» не казались мне необычными и либеральными — скорее безрадостными и пессимистичными. В СвДП можно было встретить лесовода, мастера-ремесленника, парикмахершу, учителя, вышедшего на пенсию, юриста — энергичных, открытых людей, испытывавших радость от своей профессиональной деятельности, но этим не довольствовавшихся, а по окончании рабочего дня активно выступавших за решение проблем своего города. Я считал, что у либералов наиболее позитивное среди всех представление о человеке, так как они считали каждого отдельного человека способным на что-то и тем самым доверяли ему.

В это время отец снял с полки «Фрайбургские тезисы», которые в семидесятые годы вышли отдельной книгой в издательстве «Ровольт», и дал мне их почитать. Он был, кстати, не приверженцем какой-либо партии, а только заинтересованным наблюдателем. Эта партийная программа захватила меня — я говорю о главном положении: «Дело не только в свободах и правах как просто формальных гарантиях гражданину со стороны государства, а в социальном шансе в повседневной действительности общества». Полагаю, что и по сей день это один из лучших документов, представляющих современный либерализм. В особенности, кстати, это касается введения, написанного Вернером Майхофером.

Геншер: С этим я согласен...

Линднер: Вы только что процитировали прекрасные слова, которые произвели на вас, молодого человека, сильное впечатление: либерализм — наиболее всеохватывающая альтернатива любой форме несвободы. Если их спроецировать на современность, то я бы сказал так: сегодня нет больше прежнего тоталитарного государства, которое наступает сапогом на лицо отдельного человека и низводит его до положения подданного. И слава богу! Самоопределение сегодня утрачивается, например, если на недостаточно упорядоченных рынках частные игроки могут бесконтрольно властвовать над людьми. А либеральное правовое государство — гарант свободы. С другой стороны, ограничение свободы может исходить и от слишком заботливого социального государства, так как оно втискивает нашу жизнь в политически

¹ Молодежная организация ХДС.

приемлемые шаблоны. Парадокс заключается в том, что и индивидуализированные общества имеют тенденцию к однообразию, так как некие стражи добродетели едва ли могут смириться с материальными различиями и биографиями, отличающимися от идеала положительного образа жизни. Когда люди сегодня прямо-таки требуют законов, запретов, а то и регулирования, я воспринимаю это как определенную форму лишения самого себя дееспособности. Влюбленность в статус-кво, отсутствие созидательной воли — это угроза для свободы, так как структуры в таком случае закостеневают.

Геншер: Можно сказать, угрозы стали изощреннее.

Линднер: Или, говоря словами Карла-Германа Флаха, «свобода умирает по капельке!»

Геншер: Он был прав.

Линднер: И в этом смысле СвДП необходима как либеральная сила, даже если мы живем в либеральной, сильной, толерантной, открытой стране, как мы оба считаем. Но именно это было поставлено под вопрос в середине девяностых годов, когда я начал искать и занимать определенную позицию. Я вспоминаю о том, что в нашей школе была разложена для продажи газета «Райнишер Меркур»¹. На первой полосе была карикатура, которую я и сегодня помню вполне отчетливо. Тогда еще сокращенное название партии писалось с точками — Св.Д.П., а точки были заменены черепами. Так виделось будущее СвДП. Кстати, сегодня «Райнишер Меркур» всего лишь приложение «Цайт»², а мы существуем, как и прежде. Во всяком случае, я чувствовал: «Вот куда тебе теперь надо, кое-что поставлено на карту».

Геншер: То, что вы, г-н Линднер, только что сказали, показывает: мы оба — дети своего времени. Мой первый политический импульс был такой: то, что произошло, не должно повториться, мы должны теперь начать нечто новое. Вторым импульсом было обозначавшееся все сильнее разделение Германии, которое нам надлежало преодолеть. Вот эти два импульса побудили меня сначала заинтересоваться политикой, а потом попытаться и самому участвовать в ее формировании. У вас были совершенно другие мотивы, вы описываете вызовы своего времени, свой приход в политику, но у вас та же, что и у меня,

¹ Газета христианской и консервативной направленности, существовавшая как самостоятельное издание в 1946–2010 гг.

² Со 2 декабря 2010 г. под названием «Крист унд Вельт», унаследованным от одноименной еженедельной газеты евангелической ориентации, выходившей в 1948–1971 гг.; «Ди Цайт» — выходящая с 1946 г. в Гамбурге еженедельная газета центристской ориентации.

причина, та же основная идея — свобода. Это важно для нас обоих. Но так как угроза свободе приобрела теперь другой характер, иным стало и отношение к ней.

Линднер: Задача либеральной партии в том и состоит, чтобы с точки зрения свободы давать ответы на вопросы своего времени. Либерализм не должен закоснеть, превратившись во что-то вроде религии Писания.

Геншер: Но вот что еще меня интересует: сыграли какую-то роль в том, что вы приняли решение в пользу нашей партии, те или иные личности? Видите ли, это было важно для меня, для моего пути — у меня вызывали восхищение два человека. Один был Томас Делер, другой — Райнхольд Майер. Не Теодор Хойс, а Делер и Майер. Делер — ввиду его ясной позиции приверженца правового государства и большой активности, направленной на воссоединение. Майер — потому что он, кроме сказанного, воплощал для меня принципиальную позицию либеральной партии. Это были для меня маяки, а потом к ним добавился Вольфганг Дёринг в Северном Рейне — Вестфалии.

Линднер: Мы только что почтили его память в связи с пятидесятой годовщиной со дня смерти.

Геншер: Он был борцом за либеральные ценности, который в час испытания — во время кризиса вокруг «Шпигеля» в 1962 году — проявил мужество и смелость. Он оказался подлинно человеческим по отношению к Аугштейну и называл его своим другом. Надо учесть, что мы еще входили в коалицию с ХДС и канцлером Аденауэром, который, так же как и Франц Йозеф Штраус, санкционировал арест Аугштейна и, соответственно, обыск в редакции «Шпигеля». Аденауэр говорил об измене родине. В то же время Дёринг проводил линию к судьбе еврейской семьи своей жены и добавлял: «Так как это никогда больше не должно происходить, то нельзя согласиться с попыткой заткнуть рот “Шпигелю”». Это значит, что он связывал противостояние «Шпигель» — Штраус с тем, что произошло в Германии. Вы видите, что перед вами иной тип представителя военного поколения, чем, например, Эрих Менде. Хотя они оба накопили сходный опыт, Дёринг был совершенно другим человеком. Он являлся антиподом и тем «вчерашним», которые нашли убежище в земельной организации СвДП Северного Рейна — Вестфалии. Он был действительно приверженцем либерализма с социальной ответственностью. А какую роль играли личности для вас?

Линднер: Конечно, личности произвели впечатление и на меня. Например, вы — так как вы, находясь на посту министра иностранных дел, писали историю. В ту пору я и представить себе не мог, что когда-то мы с вами будем рас-

сказывать друг другу истории. А теперь мы сидим здесь... Тогда еще был молодой человек, входивший в наш круг молодых либералов, настаивавший на обновлении и справедливости в отношении разных поколений. Слишком уж прочно застряла на одном месте черно-желтая коалиция. Он, Гидо Вестервелле, предлагал формулировки, более удобные для запоминания, чем у других. Основным мотивом моей активности был, однако, политический либерализм как таковой. Поэтому я и интересовался работами Карла-Германа Флаха, Ральфом Дарендорфом и Фридрихом Августом фон Хайеком. Вопрос, найду ли я сам путь в профессиональную политику, в это время передо мной вообще не вставал. Политика была для меня миром, далеким от моей действительности. Я хотел просто быть либералом.

Геншер: В этом смысле Вальтер Шеель однажды великолепно сформулировал: «Тот, кто приходит к нам, прошел раньше мимо котлов с мясом в крупных партиях и знал, что он берется за трудное дело».

Линднер: Пожалуй, так можно сказать. Мой первый опыт предвыборной борьбы во время выборов в бундестаг относится к 1994 году. Тогда мы стояли на еженедельном рынке в Вермельскирхене, пребывая в подавленном настроении. Обращение гласило: «Избирайте СвДП, чтобы Коль остался канцлером». Большинство проходило мимо нашего стенда, никто не хотел взять у нас даже шариковую ручку или воздушный шарик. Как-то к нам пришла председатель местной организации ХДС — с горячим кофе и жалостливым взглядом. Это осталось у меня в памяти и напоминает мне вновь и вновь по сей день о том, что мы как СвДП должны хранить нашу самостоятельность, в том числе и находясь в коалициях. Вот видите, СвДП уж точно не была тогда первым адресом для тех, кто хотел сделать карьеру.

Геншер: Так какова же была ваша цель с профессиональной точки зрения?

Линднер: У меня не было плана на чертежной доске, меня больше толкало стремление к независимости. Я еще учился в школе, когда переехал в собственную квартиру. Быть независимым уже тогда означало для меня необходимость самому оплачивать свою жизнь. О том, чтобы уйти из родительского дома и в то же время пользоваться поддержкой родителей, не могло быть и речи. Вот я и зарегистрировался в качестве предпринимателя и открыл рекламное агентство. Толчок дала мне работа, которой я до тех пор занимался в школе. Одно предприятие искало менеджера для кафе, в котором посетителей в качестве рекламного мероприятия приглашали попутешествовать по интернету. Я этим и занялся, но посетителей не было. Тогда я предложил предприятию начать маленькую кампанию, чтобы информировать о предложении. Это вполне удалось, и я подумал: «А ведь такое же можно устроить и для других».

Потом я семь лет, до конца 2004 года, продолжал эту деятельность, сотрудничая также со знаменитыми клиентами, включая профессионалов своего дела. Некоторое время даже наряду с учебой и политической деятельностью. Параллельно участвовал несколько месяцев в работе одного предприятия так называемой New Economy¹, занимающегося интернетом. Когда мы — трое партнеров и я — взялись за дело, индекс котировки акций DAX стоял на 8000 пунктах. Когда мы с нашим предложением хотели выйти на рынок, он снизился до 2000 пунктов. Высотный полет закончился. Наши потенциальные клиенты — другие предприятия, работающие в сфере интернета, и отдельные разработчики — тем временем растворились в воздухе. А позже и наше предприятие. Таким образом, одно начинание на ниве свободной экономики оказалось успешным, другое только поучительным.

Геншер: Воспринимали ли вы происшедшее как поражение?

Линднер: Конечно, мы были очень разочарованы. У нас была команда сотрудников, частный инвестор с обычными инвестиционными средствами, много душевных сил, а рынка-то как раз и не было. Кстати, примечательно, что о моей предпринимательской активности, которая приносила хорошие плоды в течение ряда лет, впоследствии будут редко вспоминать. Напротив, несколько месяцев участия в проекте, оказавшемся под конец безуспешным, характеризуют меня, с точки зрения политических конкурентов и наблюдателей, не с лучшей стороны, и они этот козырь охотно используют. Сам-то я знаю, как с этим справиться, но спрашиваю себя, какое впечатление подобные неудачи могут оказать на молодых людей, которые осмеливаются сделать шаг в самостоятельность со всеми ее рисками. Пусть они спросят себя: позволю ли я себе в случае успеха быть объектом зависти, в случае неудачи — насмешек? Вот я и агитирую за более реалистическую картину и другую ментальность.

Геншер: Я разделяю эту точку зрения. А как вы пришли в политику? Я впервые увидел вас в 1998 году, когда вы были членом правления земельной организации, а я еще депутатом бундестага.

Линднер: Может быть, вы также вспомните, что весной 1998 года студенты хотели добиться того, чтобы в СвДП возобладала их точка зрения (проект «Абсолютное большинство»). Для одних это было, конечно, только хэппенингом, другие действительно хотели что-то изменить. В партии это воспринималось крайне критически. В свое время говорилось, что мы не должны позволить использовать наше большинство. Я счел это примечательным: многие

¹ Новая экономика (*англ.*) — предприятия в сфере телекоммуникации, компьютерных и информационных технологий.

молодые люди желали прийти в СвДП, они хотели изменить политику в области образования и провозглашали: «Мы сделаем СвДП нашей партией!», но у нас началось противостояние этой базисной инициативе. Конечно, в числе ее приверженцев были и мешавшие, протестовавшие и сбившиеся с пути, но все же ими дело не ограничивалось. Так я, во всяком случае, думал. В 19 лет я впервые выступил на земельном партийном съезде с речью по этому поводу и сказал: если они пытаются захватить СвДП и хотят повернуть курс партии, то почему мы не сделаем наоборот? Если молодые люди стремятся к нам, желая чего-то достичь, реформируя образование, то почему мы не убеждаем их в правоте либерализма и не используем этот потенциал? В тот же день я решил баллотироваться в правление земельной организации, причем спонтанно и без принятых обычно соглашений. Все прошло успешно. С этого момента я был в политике и хотел большего, хотел затем баллотироваться для участия в выборах в ландтаг в 2000 году. Против меня были кандидаты от оппозиции в районе, в округе, в земельном правлении, но на земельном съезде я добился девятнадцатого места в списке, хотя никто и не верил, что оно действительно приведет в парламент. По опросам нам давали четыре процента. В день выборов, 14 мая 2000 года, мы получили 9,8 процента, и я стал вдруг депутатом ландтага.

Геншер: Я вспоминаю об этой предвыборной борьбе. Успех в мае 2000 года был поворотным пунктом для СвДП, которая после выхода из федерального правительства в 1998-м еще не пришла как следует в себя.

Линднер: Да, в Северном Рейне — Вестфалии мы находились во внепарламентской оппозиции, при которой несладко пришлось премьер-министру Вольфгангу Клементу. Союз¹ оказался ослаблен своими скандальными историями с пожертвованиями. Наш первый кандидат Юрген Мёллеман умело использовал это, позиционировав СвДП в качестве полюса, противоположного «зеленым». Мы были во внепарламентской оппозиции, но он смог привлечь внимание людей и СМИ своим непринужденным и остроумным подходом к политическим вопросам. Этот «Проект 8» был предшественником позднейшего «Проекта 18» федеральной партии. Правда, задним числом я оцениваю этот документ критически, так как он мог создать впечатление, что СвДП занимает только она сама и ее собственный рост как партии, а не проблемы страны. Тем самым СвДП отошла от своей традиции партии, являющейся опорой существующего государственного строя, и серьезной альтернативы народным партиям.

Геншер: Верно, но в тогдашней ситуации это видели только немногие. Нечто подобное формирует собственную динамику. Но как вы, молодой депутат в совершенно новой фракции, восприняли этот шаг в профессиональную политику?

¹ Имеется в виду ХДС.

Линднер: Я был просто подчеркнута самонадеян, как признаю теперь, оглядываясь назад. Думал, что во фракции только меня и ждали. Я хотел заниматься политикой в сфере высшего образования; в конце концов, я был студентом и полагал, что практические знания о положении в университетах очень даже могут быть полезны в соответствующем комитете ландтага. Вот я и претендовал на работу во фракции в этой сфере. А потом в тот день, когда избирали представителей, мне позвонил Мёллеман — в 6:30 утра. Надо сказать, что Мёллеман работал со своим списком телефонов по утрам, с 6:30 до 9:00, и чем позже он звонил, тем выше оказывалась степень его благосклонности к собеседнику. Он позвонил мне, как я уже сказал, в 6:30.

«Линднер, я слышал, что вы хотите заниматься университетами».

«Совершенно верно, господин Мёллеман».

«Но вы, Бэмби, как самый молодой депутат ландтага, с биографической точки зрения стоите, собственно, ближе к детскому саду, чем к высшей школе...»

Геншер (смеется): Что ни говори, тема по меньшей мере со столь же большим будущим!

Линднер: Как раз тогда Герхард Шрёдер заявил, что политика в отношении семьи — «излишние сложности». Поначалу и мне так казалось. Но потом я подумал, что теперь-то и нужно добиваться лучших результатов. В земле Северный Рейн — Вестфалия политика СвДП в отношении детей, молодежи и семьи была тогда слишком расплывчатой. Отсутствовала и программа. Вот я и углубился в тему, перерыл горы литературы, поставил множество вопросов земельному правительству. Но прежде всего я ходил по учреждениям. Тогда-то я и узнал о действительной жизни и потребностях семей, одиноких родителей и о детях тоже. Посещения молодежных или детских дошкольных центров часто давали другую картину, чем знакомство с документами. С тех пор, кстати, я довольно умело обращаюсь с фломастером.

«СУДЬБА МЁЛЛЕМАНА ВОЛНУЕТ МЕНЯ ПО СЕЙ ДЕНЬ»

Геншер: Как вам работалось с Мёллеманом в качестве председателя фракции?

Линднер: Он слишком вмешивался во всё. И он не давал передышки фракции, которой был обязан своим избранием в ландтаг. Тогда все еще существовало некое фантастическое представление о возможности социал-либеральной коа-

лиции с СДПГ Вольфганга Клемента. На каждом нашем заседании Мёллеман делал лукавые намеки о каких-то тайных встречах и беседах: «Предчувствую, что скоро, вероятно, что-то произойдет». Так можно было поступать только с фракцией парламентариев-новичков. Ваше, г-н Геншер, особое отношение к нему было, кстати, заметно и наблюдателю со стороны. Я как-то раз был с ним в поездке в Праге, и во время этой поездки — вероятно, это был 2001 год — вы позволили Мёллеману. Хотя вы уже давно знаете друг друга, он в автобусе повернулся к делегации и открыл тайну: «Мне только что позвонил Ганс-Дитрих».

Геншер: У меня действительно был хороший контакт с ним — политический, человеческий и дружеский. Он был длительное время убежденным борцом за принципы либерализма, и его судьба волнует меня по сей день.

Линднер: Дальнейшее развитие Мёллемана напоминает мне просто греческую трагедию. Депутат «зеленых», немец сирийского происхождения Джамаль Карсли собрался в 2002 году покинуть свою партию и присоединиться к СвДП. Юрген Мёллеман хотел проложить Карсли дорогу — в качестве следующего шага для вхождения в правительство. Затем выяснилось, что этот человек придерживается абсолютно неприемлемых взглядов на конфликт между Израилем и палестинцами. Это стало вдруг темой для Юргена Мёллемана и ландтага. Я никогда не забуду, как Вольфганг Клемент в качестве премьер-министра обратился прямо к нему: «Господин Мёллеман, вы запутались, пожалуйста, оглянитесь». Клемент говорил без язвительности, но не достучался до Мёллемана. Тот, опьяненный бесчисленными откликами с одобрением его позиции, в соответствии с девизом «Позволено еще раз сказать...» повторно внес тему в повестку борьбы вокруг выборов в бундестаг. Наконец, кульминацией стала листовка, которую он распорядился разослать всем семьям Северного Рейна — Вестфалии. Во флаере он обвинял премьер-министра Израиля Шарона во введении танков в лагеря беженцев и атаковал Михаэля Фридмана, тогда заместителя председателя Центрального совета евреев Германии. Вовлечение проблемы немецкого отношения к Израилю во внутривнутриполитическую полемику было неприемлемым нарушением табу.

Геншер: Мы оба по одной и той же причине отдалились от Мёллемана. Я написал тогда в «Тагесшпигеле» статью, меседж которой звучал так: «Курс республики не меняется». Это было недвусмысленно истолковано как моя отповедь новому курсу Мёллемана, который он пытался провести с помощью Джамала Карсли. Дело Карсли означало разрыв. Затем у меня был еще один телефонный разговор с Мёллеманом, когда я находился на телевизионной съемке в Гамбурге и снял комнату на день, так как хотел отдохнуть. Он мне туда позвонил, и я полтора часа разговаривал с ним по телефону. После этого я был просто измотан физически, ведь я так орал — речь-то шла об очень тяжелом споре. Я считал и считаю его

отношение к Израилю в корне неверным. Правда, мне и по сей день неясно, что же заставило Мёллемана тогда так радикально поменять позицию. А речь шла, без сомнения, об этом! То, что он всегда дистанцировался от ближневосточного конфликта, и особенно от израильской политики, вопрос другой, но эти внутри-политические выпады против Израиля и то, что стояло за ними...

Линднер: То были драматические дни на заключительном этапе борьбы во время выборов в бундестаг в 2002 году. Я вспоминаю о завершающих мероприятиях в Бонне. Мёллеман хотел прийти. Это был предвыборный четверг. Следовательно, были и последние телевизионные кадры и могло бы возникнуть впечатление, что его позиция превращается в новый курс СвДП. Вот его и «ссадили с корабля». Мы слышали, что если он все-таки соберется участвовать, то Ламбсдорф, Геншер и Вестервелле покинут зал. А потом он подъехал — я это наблюдал, — вышел, поговорил с несколькими операторскими группами у зала, снова сел в машину и уехал. До своего прихода он, очевидно, не считал, что вы настроены серьезно.

Геншер: Скажу, чтобы быть точным: так как я не был уверен, что все уйдут, я пригласил их в мое бюро, находившееся в нескольких сотнях метров от ратуши. Там мы и собрались. Нам позвонили и сказали, что Мёллеман прибыл, а потом ему объявили, что «трое придут только в том случае, если вы не появитесь». Вслед за тем он уехал. Это была душевная рана. Уж поверьте, с человеческой точки зрения все это далось мне действительно очень, очень тяжело — позже я был единственным известным представителем партии, участвовавшим в его погребении. Я снова оказался очень близок ему.

Линднер: В понедельник после выборов в бундестаг Андреас Пинкварт, тогда заместитель председателя земельной организации, заявил, что на чрезвычайном земельном съезде он намеревается сместить Юргена Мёллемана. Вечером после заседания я в телефонном разговоре заверил Пинкварта, что поддерживаю его. Это не было чем-то тривиальным, ведь Мёллеман мог и хотел бороться. Я вспоминаю об интервью, которое я дал своей местной газете примерно в это время, дистанцировавшись тем самым от Мёллемана. Оно появилось во вторник. Когда я взял слово на заседании фракции утром во вторник, у Мёллемана уже было это интервью, он вытащил его из папки, самодовольно зачитал перед собравшимися и, что называется, выдал мне по полной. Разумеется, под конец он недооценил решимость земельной парторганизации не позволить использовать себя для поддержки его курса.

Геншер: Здесь сыграла большую роль активность Андреаса Пинкварта, который благодаря своей безупречной репутации снова превратил СвДП Северного Рейна — Вестфалии в приемлемого собеседника.

Линднер: Пинкварт, конечно, особая личность. Об этом свидетельствует и тот факт, что сегодня, после ухода с правительственной должности в Северном Рейне — Вестфалии он очень успешный ректор Высшей торговой школы в Лейпциге. Я многим обязан Андреасу Пинкварту. Сказав это, я имею в виду не только то, что в конце 2004 года он пригласил меня, очень молодого депутата, на пост генерального секретаря правящей партии на земельном уровне. Его принципиальный подход к проблемам, неидеологическое рассмотрение возможностей их решения, твердость в профессиональной полемике и притом обращение с политическими соперниками, характеризующееся личной порядочностью, — уже этим он повлиял на мой образ мыслей и способ действия. С ним меня связывают пять динамичных лет, полных вызовов, а порой и трудных. Я вспоминаю, как мы вместе предложили выстроить структуру школьной системы в Северном Рейне — Вестфалии на основе гимназии и какой-то другой системы обучения, ориентированной на практику. Это произошло к ужасу партнера по коалиции, ХДС, желавшего во что бы то ни стало придерживаться неполной средней школы, а также перед лицом большого скепсиса в наших собственных рядах. Последовали трудные месяцы внутреннего обсуждения...

В ландтаге я был докладчиком нашей фракции по вопросам политики в сфере высшей школы. Следовательно, я получил ту область деятельности, с которой, собственно, и хотел начать. Главной целью был наш закон о свободе высшей школы. Прежде высшие учебные заведения были в известной степени в подчинении у земельных ведомств, мы же усилили автономию высшей школы и передали высшую школу обществу. Так нам удалось дать региональной среде мощный толчок мотивации, креативности и открытости. Это были пять великолепных лет, на протяжении которых я смог многому научиться и участвовать в формировании нашей политики.

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ. ТЫ ОТ СЕБЯ ЭТОГО ОЖИДАЛ?»

Геншер: Помог ли вам этот опыт, когда в 2009 году вы стали федеральным генеральным секретарем?

Линднер: Я сам и не думал, что стану генеральным секретарем федеральной партии. Конечно, я был воодушевлен задачей, в том числе выработкой новой программы принципов. Но, несмотря на некоторые спекуляции в СМИ, я не причислял себя к кругу кандидатов. А точнее, никто со мной это не обсуждал. Только вечером перед заседанием федерального правления, на котором Гидо

Вестервелле хотел выдвинуть предложение, он позвонил мне: «Ты рассчитываешь на самого себя? Ты понимаешь, что тебе предстоит? Против тебя есть что-нибудь?» Два раза я ответил положительно, а один раз отрицательно — и телефонный разговор был уже, считай, закончен.

Геншер: Некоторые вещи не получается долго готовить, зато можно быстро принять решение, если дело созрело. Я это знаю...

Линднер: Мой ответ был наивен по меньшей мере в одном отношении: я не понимал, что на меня обрушится. Положение дел, а тем самым и характер должности были совершенно другими, чем в Северном Рейне — Вестфалии. В Дюссельдорфе я был плотно вовлечен сначала в коалиционные переговоры, а позже и в повседневную деятельность, так как имел непосредственный контакт с председателем земельной организации Андреасом Пинквартом и председателем фракции Герхардом Папке. В Берлине, напротив, коалиционные переговоры были давно завершены, направления движения намечены, а решения в повседневной деятельности принимались в другом месте. Временами я чувствовал себя более представителем партии, нежели генеральным секретарем, во всяком случае мои возможности влияния казались мне в любом отношении урезанными.

К сожалению, у меня не сложилось и тесное сотрудничество с председателем партии Гидо Вестервелле. О некоторых его поступках — вроде пресловутой статьи с формулой «позднеримское упадочничество» — я узнавал по утрам из газеты. До действительно личного обмена мнениями дошло, лишь когда он больше не был уже председателем партии, а я — генеральным секретарем. Об этом я сожалел. Но это не умаляет его заслуг во главе СвДП. Семнадцать лет, со взлетами и падениями, на посту генерального секретаря и федерального председателя — это немалый путь! С особым и неизменным уважением я отношусь к его способностям как участника дебатов и предвыборной борьбы.

Геншер: Да, Гидо Вестервелле и на своем новом посту федерального министра иностранных дел вполне соответствовал своей должности, и даже более того.

Линднер: Несомненно. И все-таки было правильно, что в мае 2011 года в руководстве партии произошла смена. Кстати, Гидо Вестервелле не надо было подталкивать к этому, как часто необоснованно утверждают. Я знаю, что он и без того планировал с определенного момента сконцентрироваться, подобно вам, на государственной должности. Еще в 2010-м он говорил о том, чтобы уже на выборы в бундестаг 2013 года пойти одной командой. Но он осознал, как и другие, что в первые месяцы работы правительства СвДП в существенной степени утратила компетенцию и доверие. Более быстрая кадровая реорганиза-

ция позволит выверить политические цели, изменить стиль, и в результате станет возможным по-новому оценить СвДП. На это надеялись многие, включая и меня. Надо было помочь людям создать для себя новый образ партии. Гидо Вестервелле освободил путь для такого движения.

Геншер: А каково было ваше отношение к новому председателю партии Филиппу Рёслеру? Вы принадлежите к одному поколению и были — если я не ошибаюсь — друзьями?

Линднер: Я знал Филиппа Рёслера уже давно по федеральному правлению, как-то раз мы вместе издали книгу. После того как в 2009 году мы оба приехали в Берлин — он, как и я, был политиком земельного масштаба, — наш контакт стал теснее. Было совершенно ясно, что он со своим опытом работы в правительстве и в силу более старшего возраста должен приступить к работе как преемник Гидо Вестервелле. Вместе с Даниэлем Баром, вошедшим в федеральное правительство, нас объявили *Workgroup*. Ярлык, который был столь же вреден — СвДП не является проектом одного поколения, сколь и неверен. Ведь Райнер Брюдерле с самого начала занимал как руководитель фракции сильную позицию. Может быть, следовало бы еще лучше использовать его компетенцию экономиста, но это, однако, вчерашний день.

Сотрудничество развивалось, во всяком случае в месяцы после новых выборов руководства, иначе, чем я надеялся. Совершенно закономерно, что в вопросах стратегии, приоритета тем, стиля можно придерживаться разных точек зрения. Я по-прежнему не хочу входить на сей счет в детали. Во всяком случае, осенью я решил уйти с поста генерального секретаря. Пока шел процесс принятия членами партии решения по европейской политике, это было невозможно, так как я не хотел тем или иным образом влиять на его результат. Теперь я мог это сделать — сразу после последней даты отправки документов, относящихся к выборам. Это было 14 декабря 2011 года. В это утро среды я посетил Филиппа Рёслера в федеральном министерстве экономики и лично проинформировал его, затем позвонил, в частности, Райнеру Брюдерле и вам, чтобы вы узнали о моем решении от меня, а не из СМИ. Случаю было угодно, чтобы это произошло ровно через два года после моего вступления в должность. Позже говорили, что на самом деле этот мой шаг якобы должен был вызвать движение, в результате которого я сам стал бы потом председателем партии. Чепуха! Будь это моей целью, я мог бы сразу добиваться статуса преемника Гидо Вестервелле.

Геншер: Я вспоминаю об этом телефонном разговоре. Я сожалел о вашем шаге, но такие ситуации бывают. Это надо решать с самим собой. Вы снискали тогда, и по праву, немалое уважение за то, что сочли личные убеждения важнее политических должностей. Мне импонировало также, что вы затем не тратили лишних слов на сей счет, а возобновили свою работу в бундестаге.

Линднер: Прежде всего я хотел своим поступком не навредить СвДП. От широкой общественной дискуссии все только бы проиграли. Впрочем, разрыва человеческих отношений не было и нет.

Геншер: В результате особого стечения обстоятельств вскоре вам снова пришлось взять на себя ответственность. И даже режиссер едва ли мог бы организовать это драматичнее.

Линднер: Весной положение в дюссельдорфском ландтаге обострилось. Красно-зеленая коалиция меньшинства во главе с Ханнелоре Крафт не учитывала, что СвДП Северного Рейна — Вестфалии, несмотря на скудные два процента, которые давали ей опросы, откажется от бюджета, обремененного долгами, и предпочтет согласиться с роспуском ландтага. Но наши люди под отважным руководством тогдашнего председателя фракции Герхарда Папке сохранили стойкость, вот дело и дошло до новых выборов. Это решение было, кстати, принято как раз в тот день, 14 марта 2012 года, когда у меня в Берлине состоялась офтальмологическая операция. Я-то думал, что выдаться спокойная неделя без заседаний... Мои старые коллеги из Северного Рейна — Вестфалии и многие участники предвыборной борьбы из партийных низов сразу же после заседания ландтага штурмовали меня телефонными звонками и SMS-сообщениями, требуя, чтобы я выдвинулся в качестве первого кандидата. Но это не входило в мои планы. Я хотел погрузиться в решение своей новой задачи в качестве докладчика по вопросам технологической политики во фракции бундестага. С этим твердым решением я на следующий день попрощался в Берлине с женой, чтобы вечером в Дюссельдорфе принять участие в чрезвычайном заседании правления земельной организации. Выйдя с этого заседания, я и предстал перед камерами в качестве выдвинутого первого кандидата, правда с красными после операции глазами и в джинсах.

Геншер: Это был поворотный пункт для партии на земельном уровне и не только. Кто или что побудило вас к этому решению, которое на протяжении ряда лет серьезно влияет и на вашу частную жизнь?

Линднер: Как я говорил, меня просили многие друзья. Мне писали даже сотрудники нашей фракции ландтага, и уже это меня тронуло. Перед чрезвычайным заседанием правления земельной организации ее председатель Даниэль Бар и председатель фракции Герхард Папке попросили меня еще об одном разговоре. В 19:00 должен был заседать большой круг, специально приехал председатель партии Филипп Рёслер. Спустя полчаса мы все еще сидели втроем в соседней комнате. В такой поистине жизненно важной ситуации я не мог и не хотел отказываться.

Я не буюсь трудных задач, хотя сам не поручился бы за успех. Но если я снова возьму на себя ответственность в руководстве, то только располагая действительными возможностями по формированию политических проектов, стратегии и стиля. В этом я поклялся себе, получив берлинский опыт. Поэтому мне было важно претендовать и на председательство в земельной организации, чтобы я в качестве первого кандидата уже мог действовать в предвыборной борьбе на равных с конкурентами. Это было моим условием в том разговоре около 19:45. У меня вызывает большое уважение, что Даниэль Бар согласился после нескольких минут размышления. Это было примером честной игры.

Геншер: У меня камень с души упал, когда я услышал по телефону: «Линднер берется!» Я приехал на предвыборный съезд в Нойсс, чтобы публично и твердо назвать себя вашим сторонником. Жене, которая спросила, нужна ли мне эта поездка после операции на сердце, я сказал: «Он может бороться, и я хочу там об этом сказать. Ведь что производит на меня впечатление: он принял на себя ответственность за эти важные выборы в Северном Рейне — Вестфалии, когда партия получила всего два процента. Главное для него — дело, и люди должны знать это».

Линднер: Решающее значение для позднейшего успеха на выборах имело то, что мы смогли расклеить плакаты с надписью «Лучше новые выборы, чем новые долги». Это сделало вопрос надежности финансовой политики принципиальным. Для меня это было сменой приоритетов СвДП: сначала государство должно заниматься долговой проблемой, а затем можно и задуматься о новых государственных задачах или о желательном облегчении, снятии бремени с него. Наблюдатели восприняли это как давно назревшую корректировку СвДП своей линии, как свидетельство понимания экономически целесообразного. Наряду с этим мы расширили и свой тематический спектр. Речь идет о проведении неидеологизированной политики в области образования с равными шансами для гимназии, которой пренебрегали красно-зеленые, преобразованиях энергетики, организованном с учетом рыночных принципов, защите гражданских прав от проникнутой назидательностью политики запретов. Все это и было новым мышлением, на которое мы претендовали для СвДП. Теперь нам надо работать над распространением этого мышления за пределы Северного Рейна — Вестфалии.

Геншер: Год назад вы подверглись испытанию и выстояли! Это означает признание и уважение, но, г-н Линднер, это и обязательство. Вы нужны партии. В земле — как председатель партии и фракции. Но и с учетом ответственности, которая лежит на вас в руководстве федеральной партии. Вам делает честь, что вы верны своему обещанию: мое место в Северном Рейне — Вестфалии.

Это не исключает участия в деятельности партии на федеральном уровне, а учитывая вес земли Северный Рейн — Вестфалия, включает такое участие. Собственно, председатель земельной организации Северного Рейна — Вестфалии всегда был заместителем федерального председателя.

Для меня либеральная партия все более становилась политической родиной и частью моей политической идентичности. Я с благодарностью чувствую, сколько мне дала партия. Я всегда пытался возвратить этот долг. Часто в ущерб моей семье. Мои мама, жена и дочь не пытались меня удержать, хотя нередко видели границы моей политической активности четче, чем я. Внутренняя связь с либеральной партией не оставляет меня и сегодня. Я радуюсь с ней, с ней я и страдаю. Если я теперь еще проявляю активность тем или иным образом, то именно потому, что дело либерализма так много значит для меня. И так, вероятно, будет всегда.

ЕВРОПА — МАСТЕРСКАЯ БУДУЩЕГО

Линднер: Г-н Геншер, при нашей последней встрече вы говорили о своей личной истории. Вы рассказывали, как Вторая мировая война повлияла на вашу жизнь. Европа более 60 лет гарант мира. Но если сегодня речь идет о Европе, то почти исключительно в связи с кризисами и пакетами помощи. Европа — это для многих телекадры встреч на высшем уровне, на которые затем наблюдатели приклеивают ярлык с указанием суммы, ожидаемой от Германии. Я констатирую сверх того определенную усталость от Европы, в том числе и в моем поколении. Вы по-прежнему говорите о Европе на бесчисленных мероприятиях. А нет ли у вас впечатления, что сейчас мало увлеченных этой темой, больше критически настроенных и много равнодушных?

Геншер: Следует вновь и вновь агитировать за европейскую идею, в этом отношении я признаю вашу правоту. Но не думаю, г-н Линднер, что люди в целом отворачиваются от этого. В моей общине в Вахтберге с ее 20 тысячами жителей я как раз и прочувствовал, как с этим обстоят дела. По поводу присуждения Европейскому союзу Нобелевской премии мира был проведен народный праздник. Он состоялся за пару дней до события в большом актовом зале школы, и там яблоку негде было упасть. Пригласили и двух бургомистров из породненных общин в Италии и Франции. Они прибыли и выступили. Затем пели дети, а евангелический пастор сказал о Европе нечто личное — он ведь женат на француженке. Внес свою лепту и я, обратившись к гостям с такими словами: «Я приветствую вас как европейских немцев, как европейских французов, как европейских итальянцев. Эта община единственная в своем роде, ведь влиятельные люди Европейского союза собрались в Осло. Но мы, будучи гражданами, празднуем Европу здесь, в Вахтберге». Все были в восторге от идеи этого праздника. И так тоже можно.

Линднер: Я все-таки переспрошу. Дистанцированию от европейского проекта способствуют даже те, кто, в принципе, мыслят по-европейски. Они создают впечатление, что о единой Европе говорят между собой одни только элиты, обмениваясь патетическими формулировками и отсылками к истории, реальные же задачи ставятся недостаточно ясно и общественность успокаивают пустыми фразами. Я думаю, нам надо вести дискуссию более наступательно. Единая Европа — давно уже наша повседневность. Европа — это беспощинная посылка из Парижа, Европа — это поездка в Лиссабон без шлагбаума и обмена денег, Европа — это обучение в Риме, Европа — это работа в Варшаве. Европа — наша жизнь. Кто хотел бы отказаться от этого?

Предъявлять на границе паспорта, менять деньги, преодолевать формальности при учебе за границей или поездке за границу по работе, проходить таможенную — кто хочет возвращения этого? Может быть, восторгов мало, поскольку все это воспринимается слишком уж само собой разумеющимся. Напротив, формулировки с оттенком немецкого национализма гарантируют мгновенные аплодисменты.

Геншер: Я боюсь, что нынешняя дискуссия о долговом кризисе в Европе дала во всех странах слишком много простора скептикам и ретроgrадам, которые рассматривают дело с национальных, как они предполагают, точек зрения. Активной дискуссии о причинах и последствиях кризиса давно не было. Да, вы правы: доходило даже до забвения этих проблем.

Линднер: В особенности нами владеет чувство, что Европа победила и теперь мы можем безопасно и эксклюзивно представлять наши немецкие интересы. Нет действительно внятного объяснения и того, чего мы хотим и какая Европа нужна нам в будущем. Правда, федеральный канцлер сказала, что Европа потерпит крушение в случае неудачи евро, но это, на мой взгляд, не было воспринято всерьез и даже отмечалось как преувеличение.

Геншер: Я желаю, как и вы, более активной, но ведущейся согласно принципам общей европейской ответственности дискуссии. За тем, на мой взгляд, дело и стало, если мы хотим, чтобы Европа снова обрела популярность, которой обладала в начале своего становления. Что совершенно не получило развития, так это способность мыслить по-европейски. Мы действительно переживаем некий возврат к прошлому, и это проявляет себя особенно явным образом, когда национальные интересы противопоставляются европейским. Могу ли я надеяться на будущее немцев в условиях мира и высокого благосостояния, если французы и поляки не могут на это рассчитывать? Или я должен думать о будущем Европы не по-европейски, и притом со всех точек зрения? Так как говорить-то: мы в Европе или мы в Германии? Это имеет решающее значение. Мне не хватает разговоров и напоминаний о том, что речь идет о европейской судьбе.

Линднер: Есть такое образное выражение: Германия слишком велика для Европы, но слишком мала для мира. Недавно британский политолог Колин Крауч в примечательной газетной статье в этой связи обратил внимание на то, что цивилизация, глобализованная финансовыми рынками и интернетом, формируется в сетевых структурах. В этих сетевых структурах европейские страны играли лишь подчиненную роль, но сообщая Европа может оказывать устойчивое влияние. Этот текст был адресован евроскептикам в Великобритании, но с ним стоит познакомиться и немецким читателям.

Геншер: Формула, согласно которой Германия слишком велика для Европы, но слишком мала для мира, верна. Даже мы, крупнейшая среди стран — членов ЕС, действительно были бы не в состоянии отстаивать свои интересы в срастающемся мире. Было бы логической ошибкой думать, что немецкие интересы соблюдались бы лучше, если бы в крайнем случае они реализовывались за счет польских или французских. Если мы спросим себя о смысле европейского единения, то главной остается все-таки функция сохранения мира. Это реакция на движение по ложным путям европейской истории с ее многочисленными братоубийственными конфликтами и двумя мировыми войнами XX столетия.

Линднер: Конечно. О том, как 80 лет назад были разрешены современные противоречия между интересами и преодолено неравновесие в европейской экономике, не приходится фантазировать. В этом отношении единая Европа, несомненно, цивилизационно прогрессивное явление. Об этом свидетельствуют уже десятилетия мира. И все-таки, г-н Геншер, этот мотив больше не является главной целью объединения Европы. Осмелюсь утверждать: больше никто из молодежи не может себе представить, что танки из Германии двинутся на Францию или Польшу.

Геншер: А почему, например, лично вы не столь сильно ощущаете тему сохранения мира?

Линднер: Я хочу сказать следующее: для моих дедушки и бабушки Европа означала мир, для родителей Европа означала благосостояние, для меня Европа — свобода. Мои товарищи по университету учились в рамках программы «Эразмус» повсюду в Европе. Я сам на протяжении года почти каждую третью субботу и воскресенье проводил в Риме у моей тогдашней подруги, которая там училась. Мы сидели за одним столом со студентами из всех европейских стран и воспринимали как само собой разумеющееся то, что все мы слушаем одну и ту же музыку, разделяем одни и те же ценности, испытываем одни и те же страхи и надежды. Некоторые контакты остались и по сей день, пусть даже только в «Фейсбуке». Вот мой образ объединенной Европы: сообщество, растущее в повседневной жизни, нуждающееся в политических рамках для общностей, обретенных в повседневности. Я вовсе не хочу, говоря о пережитом мною, исключить, что в будущем могут иметь место острые столкновения по вопросам мировой торговли или другие формы соперничества. Наконец, и в Германии снова слышатся сетования по поводу финансового выравнивания между землями. Но это конфликт иного характера, нежели тот, что пережили вы в качестве участника войны. Поэтому одного только мотива мира недостаточно как аргумента. Следует подчеркнуть:

Европа — наш общий стиль жизни, наш way of life¹ и в долгосрочной перспективе это оправданная инвестиция.

Геншер: Справедливости ради надо добавить, что эйфория немцев в процессе возникновения Европейского сообщества имела под собой особые причины. Приглашение к участию в создании ЕС позволило нам вернуться в семью цивилизованных народов. Этим объясняется и совершенно другая позиция. Для англичан членство в ЕС было идентично концу мировой империи, оно закрепило эту ситуацию. Для немцев, если вам угодно, оно означало восстановление в правах гражданства среди демократий этого мира. Вот в чем различие. Значит, мы просто разными путями пришли в эту европейскую семью.

Но вы уже коснулись этой проблемы, упомянув британского политолога: отцы-основатели европейского единения не могли знать, что с созданием Европейского союза они дали ответ на нынешнюю глобализацию. Возникает совершенно новый мировой порядок, при котором все сближаются друг с другом и ход событий определяется большими структурами. Задача политики, а также элит должна была бы состоять в указании на то, что этой Европе следует при формировании нового мироустройства соблюсти свою ответственность. Меня как-то раз спросили на одном мероприятии, не сможем ли мы сами лучше представлять наши ценности и интересы. А я поставил встречный вопрос по поводу последних Олимпийских игр в Лондоне: «Вам было жалко, что мы не смогли завоевать больше медалей?» — «Да», — ответили мне. «Как так? — спросил я. — У китайцев 38, у американцев 46, а у европейцев 92». Если мы посмотрим на Европейский союз с этой точки зрения, то возникнет кое-что, чего не было раньше, а именно европейское чувство Мы. В настоящее время преобладает немецкое чувство Мы, а именно: мы платим за Грецию, но что, собственно, мы получаем взамен? Отсутствует, по существу, важнейшее: как обстоит дело с Европой в этом мире и несем ли мы ответственность за будущий миропорядок.

Линднер: Европейское чувство Мы подверглось в ходе кризиса евро трудному испытанию. Со всех сторон одни только предубеждения, разговоры о сокращении выплат, безработице, утрате благосостояния, ранее, конечно, финансировавшегося в долг. Если говорить несколько преувеличенно, то приходится оплачивать кровью импортированный диктат стабильности. От Германии ожидают, что мы возьмем на себя изрядную долю ответственности. Мы ведь уже действовали солидарно. Но наша солидарность привязана к взаимности исполнения обязательств, которая часто требует от наших партнеров крайне жестких мер экономии и других изменений. И кое-кто из нас начинает чувствовать, что к нам предъявляют повышенные требования или даже обма-

¹ Образ жизни (англ.).

нывают, так как экономические, культурные и политические преимущества Европейского союза оказались жертвами пренебрежения.

Геншер: Да, это испытание. Солидарный союз нельзя подвергать сомнению. По поводу же фонда взаимного страхования следует сказать: этот вопрос встает заново с каждым новым шагом к экономическому и валютному союзу, ведь при отсутствии влияния на экономическое, финансово- и валютно-политическое поведение других нет оснований ожидать, что последует ответственность за возникшие обязательства, то есть платеж.

Солидарно действовать — это значит, напротив, оценить все за и против и самим принять решение в соответствии с тем, к чему обязывает эта солидарность. Разъясню еще раз: солидарная помощь вытекает из принципа, согласно которому мы связаны общностью исторических судеб. И до сих пор Германия всегда была на высоте этой ответственности. Более далеко идущее обязательство в направлении усиления совместной ответственности требует более значительной унификации экономической, финансовой, валютной и социальной политики. Здесь и кроется различие между солидарной помощью, с одной стороны, и совместной ответственностью, основанной на совместных действиях, — с другой.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ И ИЗ-ЗА НЕМЦЕВ»

Линднер: В том, что вы только что изложили, мне представляются примечательными два аспекта. С одной стороны, вы говорили о Европе как об общности судеб. Обычно это понятие всегда использовалось в связи с нацией — нацией как общностью исторической судьбы. Я это подчеркиваю не для того, чтобы отмежеваться от вас, а только чтобы сделать акцент на том, что сегодня идею общности судьбы следует рассматривать как выходящую за национальные рамки. Европейцы разделяют одну и ту же судьбу при взгляде на них из Бразилии, США или Китая. С другой стороны, из ваших рассуждений следует, что после валютного и экономического союза должен наступить политический союз. В том числе уже в правительственном заявлении Гельмута Коля в 1991 году говорилось, и ответственность за это разделяет Ганс-Дитрих Геншер, что политический союз и валютный союз — две стороны одной и той же медали. Продвижение было, однако, отмечено только в одной сфере — в переходе на общую валюту, в политической области, напротив, нет. В ходе кризиса евро нам жестко напомнили о том, что в этом отно-

шении не было взаимопонимания, которое потребовалось для создания политического союза.

Геншер: Как сегодня охотно говорят, природный недостаток евро заключается в том, что не последовало одновременного введения политического союза. Теперь этого коснулись и вы. Прежде всего, мы знаем, что проект потерпел тогда неудачу — в том числе и из-за нас, немцев. Я говорю это, чтобы не возникало легенд. Влиятельные силы у нас предостерегали от стремления к экономическому правительству. К этому добавлялось и то, что в некоторых европейских странах просто еще не продвинулись столь далеко в идейном отношении. Может быть, определенную роль играл и вопрос о том, как объединенная Германия ведет себя в Европейском союзе. Можно было ожидать двух возможных ответов на этот вопрос. Один гласил: на пути усиленной интеграции объединенная Германия должна умерить свои аппетиты. Другое ожидание, витавшее в воздухе, было связано с не высказанной вслух созабоченностью тем, что эта объединенная Германия может отказаться от привычной политики сдержанности.

Это можно разъяснить на примере одного конфликта. До объединения Германии Франция, Англия, Италия и Германия располагали одинаковым числом депутатов. Теперь, когда численность немцев составила 80 миллионов, этот вопрос снова возник. Это быстро стало очень большой проблемой прежде всего для названных государств — кстати, даже для столь убежденного европейца, как Франсуа Миттеран.

Линднер: Это проблема, возникающая в любой федерации. Такое нарушение баланса встречалось у нас в бундесрате и тем более в американском сенате.

Геншер: Тогда предполагалось решить принципиальный вопрос, не следует ли поставить введение экономического и валютного союза в зависимость от недостающей способности и готовности изменить структуру союза и далее интегрировать Европейский союз. Это было политическое решение.

Линднер: Вы были против того, чтобы ждать политического союза.

Геншер: Да. Мои действия во второй половине восьмидесятых годов очень сильно определялись политическими и экономическими соображениями. Я считал их столь важными, что решился дать новый импульс развитию в направлении экономического и валютного союза. Медлительность наблюдалась со всех сторон, в том числе и в Федеративной Республики Германия. Каковы были мои мотивы?

Во-первых, политические: сближение между Востоком и Западом в Европе все больше прогрессировало. Не забудьте, что это было как раз то время, когда

на Западе, включая и Германию, спорили о том, сколь серьезны были на деле заявления Горбачева. Еще и на протяжении 1989 года англичане, а также американцы и часть членов федерального правительства требовали модернизации ядерных ракет средней дальности. Это пало бы ледяной росой на нежное растение «европейского дома». Я, напротив, доверял Горбачеву, но считал необходимым, чтобы при сближении между Востоком и Западом не пострадала интеграция Западной Европы. Поэтому 26 февраля 1988 года я представил меморандум об экономическом и валютном союзе. Я предпринял этот шаг под свою ответственность в качестве федерального министра иностранных дел, чтобы во время немецкого президентства в ЕС в первой половине 1988 года сделать движение в направлении интеграции необратимым. И акция удалась. На заседании Европейского совета в Ганновере в мае 1988 года были приняты первые решения в этом направлении. Колеблущиеся и сомневающиеся остались ни с чем.

Во-вторых, были мотивы экономического свойства: меня беспокоило, что если возникнет общий внутренний рынок и у каждой страны будет собственный центральный банк, то ревальвация и девальвация все в большей мере станут превращаться в инструмент деформации рынка. Недостаточная конкурентоспособность компенсируется девальвацией собственной валюты...

Линднер: ...механизм, об отсутствии которого кое-кто сегодня уже снова жалеет как о якобы легком ответе на кризис евро...

Геншер: Но мы должны были и должны быть заинтересованы в обеспечении работоспособности рынка и европейской конкурентоспособности. Это было возможно только в том случае, если валюта следовала за рынком. Поэтому я не хотел отсрочки в формировании валютного союза, хотя политический союз и не был создан. Мы полагались на то, что одно разовьется из другого.

Линднер: Кстати, как складывались тогда ваши отношения с Гельмутом Колем? Были ли вы заодно с ним в европейской политике?

Геншер: Не осталось незамеченным, что Гельмут Коль и я, несмотря на хорошие личные отношения, занимали иногда разные позиции по внешнеполитическим вопросам. Так первоначально обстояло дело и в связи с отношениями с Михаилом Горбачевым, и в связи с соглашением по ракетной системе «Першинг 1а». Но в европейской политике мы с Колем всегда делали общее дело. Да, здесь, как и в вопросе о немецком единстве, мы были заодно.

Линднер: Но вернемся к валютному союзу. Для функционирующего европейского внутреннего рынка Маастрихтский договор был важным и уж никак не плохим шагом, как я все еще, несмотря ни на что, считаю. Как документ макро-

экономические направляющие для валютного союза и обеспечения независимости центрального банка верны — по образцу Германского федерального банка. Экономист из Гарвардского университета Кеннет Рогофф однажды оценил критерии стабильности как блестящие. Проблема состояла только в том, что европейцы охотно предавали собственные идеи. Такие государства, как Греция, использовали более благоприятный уровень процента после введения евро не для того, чтобы продвинуться в освобождении своих бюджетов от задолженности, а для того, чтобы именно с помощью кредитов, предоставленных на благоприятных условиях, серьезно расширить объем государственных выплат. А это далеко превышало нагрузку, допустимую для собственного народного хозяйства.

Геншер: И мы должны констатировать, что Германия и Франция были среди первых, нарушивших критерий стабильности с более чем тремя процентами бюджетного дефицита. Превышение у других было и того больше. Но нам такая ситуация известна: один подает дурной пример, другие ему следуют, и притом очень уж ретиво.

Линднер: Прежде всего Грецию нельзя было включать в валютный союз.

Геншер: Было правильно, что Греция стала членом Европейского сообщества. Принятие в валютное сообщество — другая тема.

Линднер: Предпосылок не было, цифры, как мы знаем сегодня, приукрашивались. Но теперь Греция в сообществе — это реальность, с которой нам придется иметь дело. И все-таки нам вновь и вновь предлагают, чтобы Греция срочно ушла из зоны евро, чтобы девальвировать новую драхму. Вы полагаете, что такая операция может пройти без огромных экономических рисков?

Геншер: Нет. Такие игры воображения безответственны. Они разрушают медленно восстанавливающееся доверие. Подобные предложения свидетельствуют также о недооценке усилий, предпринимаемых сегодня в других странах. Мы не можем упрекать греческих граждан, потерявших свои рабочие места, вынужденных справляться с сокращением зарплаток и пенсий, в том, что не по одежке они протягивают ножки. Несмотря на все проблемы, с которыми сталкивается Греция, я вижу в стране большую готовность к проведению реформ, а в лице Самараса¹ — решительно настроенного греческого премьер-министра.

¹ Антонис Самарас (род. в 1951 г.) — греческий политик правой ориентации, занимал ряд министерских постов в правительстве партии «Новая демократия», с 2012 г. возглавляет правительство.

Линднер: Я считаю, что последствия выхода одного из членов валютного союза из этого объединения самым непосредственным образом коснулись бы нас самих. Никто не может сказать с уверенностью, не начнется ли эффект домино, в результате которого государства и банки окажутся один за другим в трудной ситуации. До этого не должно дойти, но исключить такое развитие событий нельзя. Пример банка «Леман Бразерс» показал, как хаотически протекают процессы. И если начнется такая цепь событий, то ее не удержать. Не говоря уже о том, что существуют и политические риски: каковы были бы последствия для процесса европейской интеграции, как развивалась бы политическая ситуация в Греции — члене ЕС и партнере по НАТО? Но хотим ли мы примириться с нестабильностью в Европе или даже усугубить ее? Уж никак не хотелось бы подобного сценария.

Геншер: Нам следовало бы поддержать наших греческих партнеров в проведении реформ. Это и в наших собственных интересах. Поддержать солидарностью и терпением, но и делом тоже. Там все еще нет административных структур, само собой разумеющихся у нас, — я имею в виду кадастровый учет и функционирующее налоговое администрирование. Кроме того, нельзя согласиться с тем, что согласно Конституции судовладельцы освобождены от налоговой повинности. Мы можем помочь в решении всех этих вопросов и побудить греков к проведению смелых реформ.

Линднер: Согласен. Никто не может служить для нас, немцев, примером создания бюрократических структур. В процессе формирования немецкого единства мы накопили опыт, который может пойти на пользу другим. При этом, однако, необходима осторожность. Точно так же как у нас снова вспыхивают обиды в отношении Южной Европы, мы видели в Греции отталкивающие демонстрации против Германии, сопровождавшиеся нацистскими символами. Не должно возникнуть впечатления, будто мы хотим стать финансовым чиновником, комиссаром по экономии для всей Европы. Тем более что исторические предрасположения имеют слишком глубокие корни.

Геншер: К этому ничего не добавишь. Даже и в тяжелой ситуации нельзя лишать народ его гордости, его достоинства. Из этого возникает новое недоверие.

Линднер: Мы более чем когда-либо отдалены от общеевропейского Мы, о котором вы упоминали. Европа расколота по меньшей мере с трех точек зрения: во-первых, на государства — члены ЕС с евро и без него; во-вторых, на страны, проводящие политику солидарности и зависящие от нее; и в-третьих, я вижу государства, настаивающие на возможно большей общности, причем максимально быстро, и другие, которые не могут или не хотят идти в том же темпе. Здесь могут развиваться центробежные силы.

Геншер: Если представить себе, как далеко продвинулся процесс интеграции с момента основания Европейского сообщества, какие барьеры уже преодолены, то, по моему глубокому убеждению, благодаря европейскому умению управлять государством можно справиться и с этими проблемами. Вы должны никогда не забывать, г-н Линднер: исторический процесс европейского единения — новое явление в истории человечества, он не имеет себе равных.

Линднер: Все-таки сформировалась Европа по меньшей мере двух скоростей. Я, например, думаю о предложении создать парламент стран — членов зоны евро. Я не против дифференцированного сотрудничества — напротив, есть, возможно, рациональное зерно в том, чтобы отдельные государства продвинулись в определенных вопросах. Например, Германия и Франция работают над гармонизацией налога с корпораций. Правда, у меня были бы сомнения, дойди дело внутри Европы до формирования эксклюзивного клуба.

Геншер: Процесс объединения не может идти на основе унификации и принуждения. Этому научила нас история. Поэтому мы должны учитывать разные скорости этого процесса — так было и при заключении Шенгенского соглашения, и при введении евро. Важно, что возможность участия имеется в принципе у каждого государства — члена ЕС. Центробежные силы возникают только в том случае, если те, кто уже продвинулись вперед, рассматривают себя как закрытое общество и в соответствии с этим действуют.

Линднер: Как вы оцениваете в данной связи Великобританию и речь премьер-министра Кэмерона, посвященную ЕС?

Геншер: Я с самого начала принадлежал к числу энергичных сторонников членства Великобритании в ЕС. Находясь на своей должности, я встречал активных европейцев на постах премьер-министров и министров иностранных дел. Но я был знаком и с Маргарет Тэтчер. Эта личность производила сильное впечатление. В числе ее исторических заслуг — модернизация Англии, что заложило новые основы конкурентоспособности Великобритании. Но Маргарет Тэтчер одной ногой стояла в прошлом. Она не осознавала политического значения европейского единения. Ее сопротивление объединению Германии было выражением старого мышления. Девиз «разделяй и властвуй» в качестве руководства к политическому действию принадлежал прошлому. Она препятствовала процессу европейского объединения. Попытку воспрепятствовать налаживанию отношений между Востоком и Западом, в том числе с помощью несвоевременного вооружения ракетами малой дальности, мы, слава богу, смогли в 1989 году затормозить.

Возникает впечатление, что нынешний премьер-министр хочет еще раз предпринять попытку создания Европы по своему усмотрению. Я полагаю, что

общие усилия должны состоять в том, чтобы удержать Великобританию в ЕС, но с самого начала создать ясность в одном пункте: награда за это не выражается в деньгах, чье имя евро, — такова цена прогрессирующей интеграции и оздоровления Европы ради будущего. Даже если Кэмерон заинтересован в одном только повышении конкурентоспособности, то ему все равно следовало бы привлечь на свою сторону Германию.

В Великобритании начинается дискуссия о будущем месте размещения производства. Видит ли Великобритания свое будущее в ЕС? Видит ли она это будущее в самостоятельных действиях или во все более тесной связи с США? Эта дискуссия скажется и на внутренних проблемах Великобритании, а значит, будет нарастать интенсивность стремления к автономии. Скажу еще раз: я от всего сердца желаю, чтобы Англия оставалась в ЕС. Но жертвы, которая называется застоєм или регрессом в объединении Европы, быть не может и не должно. Эта цена оказалась бы слишком высокой. И в Лондоне следовало бы осознать, что британские проблемы автономии не могут быть разрешены за счет Европы.

Линднер: Последний раз я был в Лондоне в декабре прошлого года, чтобы встретиться там с британским вице-премьером Ником Клегом. Он, кстати, говорит по-немецки, что уже само по себе доказательство его европейской ориентации. Либеральные демократы были во время моего визита очень обеспокоены речью Кэмерона, так как увидели в ней поворот в сторону от Европы. Я должен сказать, что некоторые пункты речи о Великобритании требуют ясности. Следует согласиться с Кэмероном в том, что Европа нуждается в большей конкурентоспособности, большей субсидиарности и большей демократии.

Теперь нам надо поговорить и о Франции. Как вы оцениваете особые германо-французские отношения? При новом президенте Олланде курс страны существенно изменился... С точки зрения экономических показателей наш сосед скорее южноевропейская страна. Новый министр иностранных дел весьма прохладно говорил в недавнем интервью о германо-французских отношениях. Это сбивает меня с толку.

Геншер: Оказалось очень кстати, что 22 января вместе с нашими французскими друзьями мы смогли отпраздновать в Берлине пятидесятиую годовщину подписания Елисейского договора¹. Произнесенные речи впечатляли, поскольку в них не было напыщенности, они были правдивы и внушали доверие. Стало совершенно ясно: да, мы составляем одно целое, мы, европейские немцы, и мы, европейские французы. Откровенно говоря, в этот момент мои мысли

¹ Елисейский договор, подписанный в 1963 г. Германией и Францией, заложил основы партнерства между этими странами.

были обращены к Востоку. Точнее, к Варшаве. К нашему значимому соседу Польше. Может быть, тогда, 50 лет назад, они, поляки, могли бы присутствовать при подписании договора, если бы советское господство не навязало бы им свою систему и свою внешнюю политику.

Германо-французская дружба в высшей степени важна. Но в долгосрочной перспективе она может только в одном случае стать еще более действенной. Это произойдет, если и великий польский народ, бесконечно страдавший в XX веке и столь бесконечно много сделавший для обретения свободы народами, попавшими в советскую сферу влияния, станет частью германо-французского партнерства. Такой шаг был бы вполне в духе веймарского тругольника.

Линднер: Я хочу еще раз подчеркнуть значимость германо-французских отношений на фоне того, что происходит в Великобритании. Если имеет место дискуссия о реформе Европейского союза, то договоренности между Германией, Францией и Великобританией придаетя особая роль. Не только из-за величины этих стран, но и потому, что все три представляют различные идеалы и интересы. Если удастся прийти здесь к консенсусу, то он окажет формирующее воздействие на весь ЕС.

Геншер: Полагая так, вы не учитываете особого характера германо-французских отношений. Они были и остаются в высшей степени значимыми и поэтому, дорогой г-н Линднер, их нельзя приравнять к остальным. Конечно, очевидно, что между Францией, Германией и Великобританией имеется значительная степень согласия в важных вопросах бюджетной, а также торговой политики. И все-таки германо-французские отношения играют особую роль для Европы. Это уже в 1946 году разъяснил Уинстон Черчилль в своей знаменитой речи в Цюрихе.

Линднер: Я не хочу ставить под сомнение германо-французские отношения. Мне важен только формат беседы, в ходе которой можно говорить о будущем Европы. Но я хочу подхватить вашу ссылку на Черчилля еще и в другой связи: в несравненно более тяжелые времена он верил в Соединенные Штаты Европы, в то время как сегодня открыто высказываются раскольнические идеи. Подумайте, например, о предложении ввести северный и южный евро. Здесь существуют не только экономические, но и политические риски. Прежде всего, как мне кажется, именно последнее и не учли в должной мере сторонники этой идеи. Строго говоря, Франция со своими нынешними показателями не могла бы принадлежать к зоне северного евро. Следовательно, Германии и Франции пришлось бы снова идти разными путями. Это предложение неисторично и отбросило бы все усилия по интеграции на десятилетия назад.

УСИЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНСТИТУТОВ

Геншер: Как бы ни выглядели перспективы проекта «Европа», должен быть преодолен нынешний кризис доверия. Для этого политикам необходимо всерьез заняться союзом европейских государств. Следующий шаг — это соблюдение и усиление действия пакта стабильности по всем его пунктам и правилам. То, что в фискальном договоре удалось закрепить долговые обязательства для всех государств зоны евро, — большой успех немецкой европейской политики. Но теперь следует идти дальше. По сути дела, речь идет о том, что мы сближаем экономическую и финансовую политику и продвигаем их вперед. Это означает также передачу компетенций европейским институтам.

Линднер: Вопрос — каким?

Геншер: Во время второй большой коалиции 2005–2009 годов речь шла, например, о том, должна ли Европейская комиссия получить право высказываться по поводу бюджетов национальных государств. Тогда Германия отклонила это предложение с указанием на то, что права бундестага не должны ограничиваться. В этом были едины все противники европейского единства. В действительности же надлежало аргументировать следующим образом: если комиссия воспользуется таким правом и займет позицию по поводу национальных бюджетов, то Европейский парламент должен быть в состоянии комиссию при этом контролировать. Это был бы правильный ответ. Жаль, что это не произошло раньше.

Линднер: Вольфганг Шойбле снова поставил этот вопрос на обсуждение. Должен сказать, что отрицательная реакция в Германии меня удивила. Благодаря сильным комиссарам по вопросам конкуренции удается приобретать положительный опыт. Рынки открываются и либерализуются, деформирующие субсидии сокращаются. Как отмечалось, в прошлом у одного из земельных правительств это вызвало раздражение. Именно здесь, в Северном Рейне — Вестфалии, могут об этом кое-что рассказать в связи с WestLB¹. И все-таки итог для Европы, а также для Германии позитивен. Для меня это одна из наиболее успешных областей европейской политики вообще. Перенесение достигнутого в сферу валютной политики, с моей точки зрения, есть разумное дополнение фискального договора. Комиссар по валютным вопросам не должен был бы получить право определять структуру государственных бюджетов в каком-либо государстве зоны евро, то есть,

¹ Westdeutsche Landesbank, Западногерманский земельный банк.

например, предписывать нам, немцам, повышение налогов. Тем самым бюджетный суверенитет национальных законодателей был бы лишен своей сути и оправдались бы сомнения по поводу совместимости этого урезания прав бундестага с Конституцией. Чтобы провести такое решение, я нигде не нашел бы большинства. Это даже не обсуждается. Комиссар по валютным вопросам — защитник валютной стабильности и потому должен быть защитником стабильных государственных финансов. Ему следовало бы обращать внимание на дефицит на основе сальдо в отдельных бюджетах. Это позволило бы центральному банку не делать высказываний относительно текущей политики, не входящих, собственно, в его задачу. В случае необходимости комиссар должен быть в состоянии вернуть проект бюджета в парламент, если документ нарушает критерии стабильности. Косвенным образом это, конечно, сказалось бы на социальной и налоговой политике в Европе. Но не хотим ли мы прийти по меньшей мере к конвергенции показателей? И не является ли это основным делом немцев? Так откуда же у нас этот скепсис, если речь идет о том, чтобы должным образом аргументировать пакт о стабильности и росте в Европе?

Геншер: Противники таких шагов и по сей день охотно используют в качестве аргумента в защиту статус-кво утверждение, что права бундестага не должны умаляться. И если подумать о том, что можно услышать в речи, произнесенной в Карлсруэ, согласно которой Конституция открыта Европе, то уже понятно, откуда ветер дует: я боюсь, что Основной закон не понят. Мы не только открыты Европе, но и обязаны ей — в этом большое различие. Поэтому первое требование должно заключаться в усилении прав Европейского парламента. Должно быть совершенно ясно, что парламентский контроль за политическими решениями не уменьшается. Но неважно, где осуществляется этот контроль — в Берлине или в Брюсселе. С точки зрения демократической идеи Европейский парламент равноценен бундестагу Германии. Если я передаю эту компетенцию союзу, то она и на уровне союза должна быть под парламентским контролем.

Линднер: И должно быть судебное рассмотрение в Европейском суде — так, как это возможно в каждой федерации.

Геншер: Как это возможно и у нас. Мы не сокращаем парламентский контроль, но в срастающемся объединении государств не может быть препятствий для такого контроля.

Линднер: Я хочу еще раз сделать шаг назад и вернуться к конкретным следствиям кризиса евро. Имеется принципиальная критика прежней стратегии. Генри Киссинджер сказал, например, в интервью в конце 2012 года: «Вот что

меня беспокоит: я не уверен, что понимаю, как можно обеспечить рост благодаря неукоснительной экономии».

Геншер: Это говорит не только Киссинджер, таков и упрек внутривнутриполитического свойства, который оппозиция адресуется правительству. Но нельзя упускать из виду, что в Европе распределяется исключительно с помощью фондов из Брюсселя. Это немалые суммы. Структурные реформы должны не только способствовать экономии и ликвидировать задолженность в соответствующих странах. Речь идет, например, и о том, чтобы применить эти средства ЕС для содействия росту. Нельзя сказать, что федеральное правительство проповедует политику жесткой экономии, но ответственность в бюджетных вопросах рекомендуется, как и прочные государственные финансы.

Линднер: И все-таки следует принять всерьез упрек в том, что Германия настаивает на определенной стратегии решения проблем. Утверждение, что Германия заботится о порядке в Европе, в долгосрочной перспективе вредно и не приносит желаемых результатов. Томас Манн очень точно говорил о «европейской Германии» в противоположность «германской Европе». Следовательно, мы должны брать на себя ответственность без того, чтобы нам можно было предъявить упреки в стремлении доминировать. Бряцание оружием ведет только к формированию фронтов. Мы не можем бежать от нашей исторической ответственности, поэтому для нас по-прежнему имеют силу другие правила поведения и в международном сообществе, и в Европе. Определенные неприязненные чувства по отношению к Германии или в нашей стране по отношению к европейским партнерам преодолены еще не полностью, и поэтому Германия не может выступать в качестве учителя или надзирателя над нашими европейскими партнерами.

Геншер: В Европе равноправия и равенства народов никто не может выступать учителем или надсмотрщиком. Речь идет о партнерстве, а не о господстве, даже если оно и подразумевается в «приятной форме». Немецкая ответственность в Европе и за нее уходит своими корнями не только в преступления Третьего рейха. Немецкая ответственность вытекает из размеров нашей страны, из ее географического положения и силы. Следствием преступлений Гитлера было и остается то, что мы обязаны по-особому считаться с характером сообщества равноправных и равных народов. Я думаю, что до сих пор нам это вполне удавалось. Но я знаю также, что те, кто хотят побудить Германию вернуться к политике предположительно национальных интересов, разжигают новое недоверие. Вот чем опасна эта активность. Часто один лишь немецкий язык напоминает нашим соседям о том, что было в прошлом.

Линднер: Но к причинам кризиса — а не его симптомам — следует все же подходить с необходимым тонким чутьем. Я вижу проблему жесткой экономии: Греция не может в настоящее время вернуться на рынки капитала, так как реформы привели к серьезной внутренней рецессии, которая в свою очередь обременяет дефицит государственных финансов. Это проблема внутренней девальвации, необходимой в совместном валютном пространстве, не осуществимом без болезненных сокращений бюджета и заработной платы. Вот только попытка осуществить это, двигаясь в другом направлении, то есть с помощью европейских программ расходов и эффектов мимолетного успеха, не приведет к долговременному успеху. Без реформ ничего не выйдет. Мы можем при этом сослаться на наш собственный путь. Наконец, еще несколько лет назад мы были «большим человеком Европы», прежде чем смогли повысить нашу конкурентоспособность благодаря политике, соответствовавшей «Повестке дня — 2010»¹. В Южной Европе и во Франции, например, рынки труда совершенно негибки. В Италии процесс в суде по трудовым делам длится в среднем 969 дней. Если работник выигрывает, он получает заработок за два с половиной года и должен быть снова принят на работу. Даже немецкие профсоюзы не смогли бы заклеить реформу как свертывание социальных программ — это просто проявление косности. В конце концов это оказывается в ущерб лицам наемного труда, ищущим новую работу.

Геншер: Меня беспокоит прежде всего проблема безработицы среди молодежи. Если молодые люди в Европе взрослеют с чувством ее бесперспективности, то спокойной тебе ночи, Европа.

Линднер: Согласен. Правда, у безработицы среди молодежи структурные причины, которые сегодня-завтра не устранить и которые мало общего имеют с Европой. Именно поэтому нам надо показать молодому поколению, что Европа не причина их проблем, а скорее их шанс обрести перспективу будущего. В Германии, например, отмечается недостаток учеников, способных после получения образования заняться квалифицированным трудом. Напрашивается действительно европейское решение, а именно активно агитировать в Испании или Греции в пользу обучения и получения профессии в Германии. На мой взгляд, мобильности еще слишком мало. Можно преодолевать языковые барьеры, оказывая содействие соответствующим программам через европейские социальные фонды.

¹ Социальная программа правительства Г. Шрёдера, направленная на реформу рынка труда и создание новых типов занятости.

«ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЭКОНОМИКО-ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СФЕРЕ, СЕНСАЦИОННО»

Геншер: Да, думать так означало бы мыслить по-европейски. Я хочу еще раз подхватить лозунг «Больше полномочий комиссару ЕС по валютным вопросам!», прозвучавший только что. Европа не должна забывать, что она нечто большее, чем экономическое сообщество и экономическая идея. Поэтому следует продолжать строительство Европы во всех сферах. В этом отношении федеральный канцлер права, указывая на цель и настаивая на необходимости продолжать работу в направлении действительного европейского союза. Некоторые возражают, что имеет место лишь отвлекающий маневр, но это не так. В долгосрочной перспективе граждан в Европе нельзя будет привлечь на сторону одного лишь экономического союза. Этого будет недостаточно, что видно уже теперь. Поэтому я призываю доработать упущенное и ускорить развитие политического союза и его Конституции.

Линднер: Но как мы преодолеем скепсис в людях? Ведь конституционный договор был отвергнут народом на референдумах во Франции и Нидерландах.

Геншер: Национальные государства должны наконец перестать пытаться взвалить все свои проблемы на Европу. «Нам это надо из-за Брюсселя» — я больше не могу слышать эти слова. Во всех государствах имеются политики, действующие так, будто Брюссель — это вражеская держава, пришедшая к нам издалека и теперь господствующая над нами. А Брюссель-то как раз мы сами с нашим представительством в Европейском совете, в парламенте и в комиссии.

Линднер: Внутри СвДП мы вели такого рода дебаты о Европе. В решении членов нашей партии по поводу европейской политики федерального правительства отмечалось, что за Европу можно успешно бороться. Правда, чем дальше, тем настойчивее встает вопрос о том, куда мы хотим прийти с Европейским союзом. Как должна выглядеть Европа через 30 лет?

Геншер: Для меня это Соединенные Штаты Европы. Но я не могу утверждать, что мы можем сделать это одним очень мощным рывком. Европа пребывает в процессе развития. Следует добиваться прогресса там, где это возможно, смотря по обстоятельствам. А значит, политика взаимосвязи может легко привести к застою. Важно, чтобы направление было верным. Важно обеспечение кинетической энергии, динамики. Уже одно это — гигантская задача.

Линднер: Конечно, Европе следовало бы только наметить вехи, достижимые в краткосрочной перспективе. Если речь идет о развитии общих институтов, я

не хочу довольствоваться согласованием интеграционных достижений в отдельных сферах политики, лишенным обязывающего характера. Мы спорим о евробондах или роли ЕЦБ. Все это актуальные и важные вопросы, но нам не следует забывать, что необходимо говорить и о проекте «Европа» в целом. Кризис современности можно понять и как родовые схватки появления на свет расширенной Европы, которая не повторит ошибок прошлого.

Геншер: Я все-таки немного опасаясь называть определенные модели, которым мы должны следовать. Европейский союз является действительно правовой конструкцией *sui generis*¹. Назвать его союзом государств или союзным государством будет неточно. В Европе пришло в движение нечто совсем особенное. Это не будет и федерализмом, как у нас в Германии. Эта брюссельская Европа слишком уж различна в данном отношении. И все-таки: в конце должны быть совместные решения. Как теперь видно, это достижимо. Достоинно уважения то, что мы с начала кризиса евро все делаем вместе.

Линднер: Согласен, будущая Европа не будет, конечно, один к одному копировать модель Федеративной Республики или Соединенных Штатов Америки. Поэтому, кстати, я избегаю понятия «Соединенные Штаты Европы». Ведь и сама идея нации является европейской. Соревнование между нациями на протяжении столетий способствовало гигантскому прогрессу культуры. Но федеральная система для Европы вовсе не должна и не обязана с учетом уроков истории отменять национальное государство. Разве Жак Делор не говорил когда-то о Европе как о федерации национальных государств? С этим я могу себя идентифицировать. В XXI веке государствам придется в определенных вопросах и далее «объединять» свои суверенитеты и передавать на другой уровень, так как проблемы давно уже вышли за национальные рамки. Поначалу это звучит парадоксально, но, на мой взгляд, только передача национальных суверенных прав делает возможным осуществление теперь уже совместных суверенных прав.

Если, например, интернет, рынки капитала, деятельность концернов имеют транснациональный характер, то за этим должно последовать и установление их рамок. Вот только европейская федерация собрала бы огромное количество различных умонстроений, особенностей, связанных как с принадлежностью к разным социокультурным общностям, так и с разной экономической силой входящих в ЕС стран. При желании определить во всех деталях устраивающие всех единые правила и стандарты некоторые страны не «впишутся в поворот». Но федеративная государственность вовсе не означает централизма. У испанцев есть *сиеста*, и мы бы их измучили, навязывая наш немецкий закон о режиме работы магазинов. Поэтому единство в многообразии!

¹ Особого рода (*лат.*).

Геншер: Чтобы для начала вообще могли развиваться творческие силы.

Линднер: Но возникает вопрос, какая главная идея должна объединять такую федеральную систему. И тут я хочу, несколько заострив проблему, различить две идейные школы. Одну я называю по именам Робера Шумана и Жана Монне школой Шумана — Монне, чьи идеи легли в основу создания Европейского объединения угля и стали, которое поставило оба продукта под совместный контроль как важные с военной точки зрения. Главный мотив заключался в обеспечении мира, а методом его реализации стало создание наднационального ведомства. Вторую школу я называю именем Жака Делора, во время пребывания которого на посту председателя Комиссии европейских сообществ зона свободной торговли превратилась в лишенный границ рынок со свободой для перемещения людей, товаров, капитала и услуг. То есть возник действительный «дом свободы», как сказал Конрад Аденауэр. Эта свобода нуждается в правилах, но не в бюрократии.

Для меня ясно, что будущая Европа должна следовать второй линии развития. При этом необходимо согласно общим правилам передать Брюсселю дополнительные суверенные права, чтобы вообще быть в состоянии ответить на серьезные вызовы. В то же время регионы должны получить больше полномочий. По аналогии с тем, как у нас полномочия распределяются между федерацией, с одной стороны, и землями или коммунами — с другой, применительно к Европе также следует поразмыслить вот о чем: какие задачи надлежит решать на самом нижнем, а какие — на более высоком уровне? И здесь я поставлю точку. Полагаю, что мы боязливо упорствуем в сохранении на национальном уровне целого ряда полномочий, которые нецелесообразны в национальном контексте. В то же время мы делегировали Европе определенные задачи, которые не могут быть разумно решены на более высоком уровне, и их лучше передать отдельным регионам.

Короче говоря, я хочу Европы, которая может договориться о единой философии безопасности для атомных электростанций, но не такой, которая принимает решения по самым незначительным поводам вроде запрета ламп накаливания. Европе следовало бы заниматься не квотой для женщин, это вопрос для национальных парламентов, а борьбой с трансграничным отмыванием денег. Итак, Европа должна в принципе, на мой взгляд, расти снизу — только для этой совместной жизни ей нужны политические рамки. Такой поворот к идее субсидиарности мог бы, возможно, убедить и скептиков в других странах. В данной связи я снова думаю о неудавшихся референдумах по конституционному договору.

Геншер: Меня особенно радует, г-н Линднер, что вы так выделяете Делора. Для меня Жак Делор — лучший председатель комиссии, которого до сих пор знало Европейское сообщество.

Позвольте мне здесь на мгновение отойти от темы. Всегда, если всплывает имя Делора, я волей-неволей вспоминаю о нашем телефонном разговоре. Это было в 1989 году, вскоре после того, как тысячам беженцев из ГДР было разрешено въехать из Праги в ФРГ. Делор позвонил мне и спросил: «Ганс-Дитрих, нам в Европейском сообществе надо подготовиться к приему тринадцатого члена?» Вы знаете, г-н Линднер, что ЕС состояло тогда из 12 государств-членов. Вот что я ответил Делору: «Тринадцатого члена нет, но один из двенадцати станет больше». Делор сказал только: «Я понял». Г-н Линднер, в тот момент, когда восточногерманские земли стали частью Федеративной Республики, они стали и частью Европейского сообщества. То был утренний дар¹ ЕС объединенной Германии. Это следовало бы представить себе сегодняшним евроскептикам. Мы ведь видели, как позже государствам — участникам Варшавского договора пришлось годами вести переговоры о вступлении в ЕС.

И тем самым мы вернулись к вашей теме, к идее субсидиарности. Конечно, не следует регулировать все до последней мелочи, но я желал бы большего внимания к этой проблеме со стороны ведомств в странах — членах ЕС и Европейского парламента. При этом нельзя умалчивать о случаях, когда ведомства не могут добиться своего в собственных странах, а потом пытаются отстаивать свои интересы через Брюссель.

Или, иначе говоря, не каждый трубный звук из Брюсселя издает европейская труба.

Линднер: Для институциональной структуры важно еще, кто принимает решение о соподчинении определенной компетенции. Должна ли сама комиссия ставить перед собой задачи? С помощью законодательства или определенного рода свободной, открытой координации государств — членов сообщества, в результате которой, однако, ограничиваются национальные рамки действия? Или с использованием золотой узды согласия на финансирование? Я за ясную организацию компетенций: не по принципу мраморного пирога, а по принципу слоеного торта. Национальное влияние на значимость и объем европейских компетенций должно быть сохранено, даже расширено. Для меня это означает, что решения по данным вопросам должен принимать Европейский совет. Именно вы, г-н Геншер, в высшей степени чувствительны к данному вопросу, и я постоянно ощущаю это. Вы, очевидно, боитесь, что тот, кто всегда требует изменения европейских институтов или, может быть, определенного обратного переноса компетенций, выступает, в принципе, против Европы. Я прав?

Геншер: Нет, дело не в переносе компетенций, в данном случае речь идет об основном направлении европейской политики. Кстати, Европа во многих

¹ Согласно немецкой традиции — подарок молодого мужа новобрачной наутро после свадьбы.

отношениях продвинулась дальше, чем полагают некоторые. Приведу только один пример: возьмите промышленный регион по лево- и правобережью Рейна.

Переплетение экономик зашло со временем столь далеко, что некоторые интересы в Северном Рейне — Вестфалии совпадают больше с интересами в бельгийском промышленном регионе, чем с интересами в Южной Германии.

Линднер: Определеннее не скажешь. Следует также вспомнить о крупных инфраструктурных проектах, которые мы подготовили с бельгийцами и голландцами, — эти проекты показывают, сколь сильно мы уже переплетены. Политические границы сегодня уже не являются границами экономическими.

Геншер: Если мы говорим о региональном, то надо мыслить не только в категориях организованных регионов дня сегодняшнего, то есть немецких земель, географических регионов. То, что срастается в индустриально-экономическом отношении — например, с Польшей, — сенсационно. Европа также намеревается сконструироваться по-новому. Подумайте, насколько мы, несмотря на все еще сидящие в умах эмоциональные предубеждения, соглашаемся с Нидерландами!

Линднер: Кроме футбола.

Геншер: Поэтому немецкая политика сдержанности, проведения которой мы хотели, не только является, собственно, реакцией на прошлое, но и выражает верное чувство того, что в будущем ожидаются другие, более общие ответы, нежели в прошлом. В масштабах национальных государств все это больше не определишь. Иллюстрация тому хотя бы ваши, г-н Линднер, примеры из сферы инфраструктуры.

Линднер: Я хочу затронуть другую критическую точку. Полагаю, что миллиард евро, который поступит до 2020 года в европейский бюджет, расходуется согласно ошибочным приоритетам — слишком высокие аграрные субсидии, слишком мало инноваций. Но я из-за этого не против Европы, а хочу лишь применить другие методы оценки.

Геншер: То, что вы говорите, в высшей степени интересно. Вы обсуждаете вопрос аграрных субсидий как европейскую проблему. В действительности же это следствие узколобых национальных интересов.

Линднер: Да, но это становится европейской проблемой, так как национальные правительства пестуют свои хобби, пользуясь окольными путями Европейского союза.

Геншер: Тогда следовало бы лучше сказать, что так создается проблема для европейской политики. Проблема узконациональная, но она перемещается, будто это и есть европейское мышление. Если кто-то хочет подчеркнуть, что в Европе все неправильно, то в качестве самого убийственного аргумента обычно использует именно расходы на аграрную политику. Это имеет еще и негативное побочное действие, суть которого в том, что мы, субсидируя наши продукты для мирового аграрного рынка, препятствуем возникновению здорового сельского хозяйства в третьем мире. Тем самым мы, в свою очередь, препятствуем и формированию там возможностей для сбыта нашей промышленной продукции, так как в сельском хозяйстве оказывается невозможным создание добавленной стоимости.

Линднер: Вот именно. Если действительно мыслить по-европейски, этого не должно было произойти. Эти деньги следовало бы применить для повышения конкурентоспособности.

Геншер: Кое-что я рассматриваю критически, и не только эти неверно направленные аграрные субсидии. Но если критики придут и заявят, не беря на себя твердых обязательств, мол, нам не нужна европейская валюта, то для меня это кое-что совсем другое.

Линднер: Это и вправду кое-что совсем другое.

Геншер: Вот видите! Имеются разные виды критики. Одна — фундаментальная критика, направленная, собственно говоря, против европейского единства как такового. Демонтаж заканчивается руинами — все разрушается. Решающее значение имеет следующее обстоятельство: кто-то намеревается улучшить Европу или хочет меньше Европы? В этом большое различие. Конечно, ничто не свободно от критики, и в Европе тоже очень многое нуждается в улучшении. Но если я говорю о том, что мне нужны экономический союз, совместная экономическая и социальная политика, то такая позиция вытекает из желания, чтобы Европы было больше, а не меньше. И те, кто отвергают это, хотя в действительности воспрепятствуют продолжению строительства Европы. Мы вели эту дискуссию и сегодня расплачиваемся за это. Я уже упоминал о том, что вопрос о возможности связать совместную финансовую политику с совместной экономической политикой, не нашел положительного ответа из-за позиции других членов ЕС; с нашей стороны последовал убийственный аргумент: никакого экономического правительства. Это значит, что экономическому союзу отказано в важном элементе, без которого он не в состоянии функционировать.

Сейчас мы демонстрируем готовность шаг за шагом преодолевать это противоречие. И вот здесь мнения расходятся. Они расходятся не по поводу готов-

ности к критике — конечно, надо критиковать ситуацию, при которой парламент не обладает должными правами, формирование проевропейского большинства невозможно, так как члены европейского правительства призваны решать национальные проблемы. Это, однако, другой характер критики. Улучшить Европу или меньше Европы — вот в чем расходятся мнения.

Линднер: Конечно, может быть и скрытая повестка дня — критиковать отдельные пункты, чтобы поставить под вопрос весь проект. Но нам нужна, несмотря на это, и в этом мы вполне едины, открытая дискуссия о том, в каких вопросах мы хотим больше Европы и лучшей Европы.

И МЕСТО ТУРЦИИ ТОЖЕ ЗДЕСЬ?

Геншер: К вопросу о том, какую Европу мы хотим, относится и еще кое-что. Вступление Турции не стоит на повестке дня, но слишком многие силы у нас хотят удержать ее за пределами ЕС. Сопротивление в ХДС принимает гротескные формы, в особенности если учесть, что Аденауэр и Эрхард в 1961–1962 годах уже высказывались за то, чтобы быстро вовлечь Турцию в сообщество.

Линднер: Сегодня это актуальнее, чем когда-либо, исходя из одних только геостратегических соображений. Турция — граница между Европой и изменившимся, нестабильным Ближним Востоком. Турция — важный фактор стабильности в этом регионе и, кстати, страна с процветающей экономикой.

Геншер: А знаете ли вы, как возникло соглашение с Турцией? Это было первое соглашение об ассоциации. Обратите внимание на время: документ был подписан осенью 1962 года. Пожалуйста, вспомните, что произошло годом раньше — была построена стена. Доступ из ГДР на западногерманский рынок труда был отрезан, так что в Бонне размышляли, откуда должна прийти недостающая рабочая сила. Поэтому в Португалии, Испании, Италии, Югославии были открыты вербовочные бюро. Но так как соискателей из этих стран было недостаточно, решили спросить турок. Так было принято соглашение. И в число принятых тогда решений входила отмена виз между Турцией и Германией! Это означало, что началась вдруг широкая миграция целых семей. Обязательность виз была поводом для дискуссии между Гельмутом Шмидтом и мной, так как канцлер возражал против нашего превращения в иммигрантскую страну. Я возразил на это, что мы, во-первых, уже являемся таковой и, во-вторых, должны совершенство-

вать нашу иммиграционную политику. Нам следовало бы выбирать именно тех людей, которых мы хотим привлечь к себе, за исключением беженцев.

Линднер: Право на иммиграцию — это и по сей день вопрос, нуждающийся в серьезной доработке.

Геншер: Может ли сегодня быть признано ошибочным то, что было правильным тогда, а именно то, что мы рассматриваем сосуществование турок с немцами в Германии как обоюдодоползное? Можно ли считать ошибочным, что в западном союзе, основанном на общих ценностях, мы издавна рассматриваем Турцию как партнера, приверженного этим ценностям? Разве Турция с момента своего вступления в НАТО и после заключения договора об ассоциации в начале шестидесятых годов прошлого века не добилась значительного прогресса в осуществлении общего ценностного устройства? И не означает ли решение о начале переговоров по вступлению, что имеется общая целеустановка, а именно членство Турции в ЕС?

Конечно, ведутся переговоры с неясным пока результатом. Но пока они не завершены, можно ожидать любых результатов — это азбучная истина, и она верна для любых переговоров. Вопрос в том, ведутся ли переговоры с ориентацией на определенный результат, то есть можно ли говорить о наличии воли привести их к этому результату. Здесь уже требуется ориентация на успех. Любая другая цель переговоров была бы разочарованием для переговорщиков.

Пренебрежительное отношение к Турции по религиозным соображениям было бы нарушением ценностного устройства для нас как немцев, приверженцев Основного закона, и для нас как европейцев, следующих ценностному кодексу Европейского союза. Поэтому вопросы, поставленные здесь, касаются не только отношений между ЕС и Турцией, но и самоосознания нашего Европейского союза.

Линднер: Я заинтересован в Турции. Европа не христианский клуб, да и я не географический пурист. Решающее значение имеют для меня два обстоятельства. Во-первых, готов ли Европейский союз с точки зрения своей внутренней структуры принимать новых членов. Мы кое-что обсуждали в связи с институциональной потребностью в изменениях. Во-вторых, встает вопрос о восприимчивости Турции. Европа разделяет ценности секуляризма и правового государства. В Турции отмечался некоторый прогресс, но, например, воздействие религии на политику и обращение с меньшинствами еще вызывают вопросы. Таким образом, я надеюсь на положительные изменения в Турции. Сегодня это пошло бы на пользу Европе точно так же, как и самой Турции.

Геншер: И применительно к Турции должен иметь силу принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). С помощью Копенгагенских крите-

риев¹ ЕС установил предпосылки для членства страны в сообществе. Если Турция выполнит эти требования, то ворота надо будет открывать и перед ней. Учитывая развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке, я убежден, что Турция и без того становится все важнее. Хотел бы напомнить критикам вступления Турции о том, что во времена конфронтации между Востоком и Западом она, как член НАТО, всегда была надежным партнером в защите южного фланга Европы.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Линднер: Я хотел бы еще услышать ваше мнение по поводу одного институционального предложения. Ральф Дарендорф, который действительно был убежденным европейцем, сетовал на отсутствие европейской общности. Сегодня говорить об этом больше не приходится. Кризис евро выявил связи, существующие внутри Европы. Нас заинтересовал вдруг исход коммунальных выборов в соседней стране, если они свидетельствуют о согласии с политикой тамошнего правительства. Если люди говорят об одном и том же, следят за одними и теми же сообщениями, то формируется общность. Я полагаю поэтому, что тем самым растет число политико-культурных предпосылок для появления избираемого непосредственно гражданами представителя Европы, своего рода европейского президента. Я считаю, что в эпоху транснационального формирования политики международными организациями или путем соглашений между правительствами именно либеральная партия должна иметь в виду влияние парламентов, но наряду с этим не забывать и о возможностях воздействия каждого индивида. В противном случае демократия когда-то начнет работать вхолостую. Конкретно это мог бы быть председатель Европейской комиссии, но избираемый в противоположность своим комиссарам прямым голосованием. Некоторое время назад за это выступил Гидо Вестервелле, и я поддержал его позицию. Европейская личность, поддержанная населением, придала бы новую динамику всему проекту. Это будет проект, который воспринимает людей всерьез и объединяет соответствующие «партийные семьи» в Европе.

Геншер: Мой приоритет, как я говорил, заключается скорее в усилении Европейского парламента. А ваш паневропейский председатель явственно

¹ Копенгагенские критерии — критерии вступления стран в Европейский союз, которые были приняты в июне 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене.

изменил бы структуру института в направлении президентской демократии. Однако, будучи идентификационным фактором, он может оказывать позитивное воздействие, в том числе и на укрепление европейского чувства Мы.

Линднер: Я бы учел президентский характер. Усиление Европейского парламента, за которое вы ратуете, вовсе не противоречит этому. Напротив, складывается двухпалатная система с парламентом и Европейским советом, который исполнял бы функцию нашего бундесрата. В Европарламенте депутаты будут с позиции, неизбежно ориентированной на национальные интересы, обсуждать общие проблемы. Во главе органа исполнительной власти стоял бы, напротив, избираемый непосредственно населением председатель Европейской комиссии, ответственный перед Европой в целом. При прямых выборах была бы возможность совместно обсуждать европейские дела и принимать решения по результатам обсуждения. На мой взгляд, европейские выборы не выполняют эту функцию. Достаточно часто проходят досрочные и дополнительные выборы в бундестаг, оказывающие лишь малое влияние на ход дел в Брюсселе. У руководителя комиссии уже сегодня очень сильная позиция и директивная компетенция. И все-таки только меньшинство европейцев может объяснить, как вообще он вступает в свою должность.

Геншер: Во всяком случае, в чем мы согласны, так это в значении европейских личностей. Чем более срастается наша Европа, тем больше мы узнаем, сколько в ней имеется личностей европейского формата.

Линднер: Такой европейской личностью является Ангела Меркель.

Геншер: Да, я давно уже придерживаюсь такого мнения. И это все более осознается как в Германии, так и в Европе. Канцлер видит немецкую европейскую политику как выражение европейской политики, проникнутой ответственностью. Дорогой г-н Линднер, здесь мы подходим к основному вопросу моего понимания политики. У меня волосы встают дыбом, когда я слышу, как некоторые участники дискуссий легко, чтобы не сказать необдуманно, обращаются с понятием силы и власти, то есть политики силы. Сила — для чего? Против кого? Или, еще хуже, власть — над кем? Мы вошли в такую стадию истории человечества, когда понятие «ответственность» требует максимально широкой и точной трактовки. Ответственность, как ее понимал Ханс Йонас, ответственность отдельного человека. Ответственность целых народов. К числу больших заслуг поколения периода восстановления после Второй мировой войны в Германии относится и то, что оно осознало свою ответственность как немцев. Это включает и нашу ответственность как европейцев. Осознание этой ответственности позволило нам совершенно по-новому оценить наше место в Европе и мире. На этой основе были сформулированы две фундаментальные

цели германской внешней политики, которые, в свою очередь, служили цели более высокого уровня — сохранению мира.

Это, во-первых, приверженность политике европейского единения, с позиции которой Германия рассматривается как член сообщества европейских демократий и участник демократического трансатлантического партнерства. Во-вторых, направленность усилий на мирное преодоление раскола континента и тем самым Германии. Это означало также включение немецкой политики объединения в европейскую. Именно европеизация германского вопроса и позволила нам вместе с процессом СБСЕ стать двигателем политики общеевропейского объединения. В то же время на этой почве родилась самая успешная в истории инициатива, направленная на обеспечение прав человека. Немецкое искусство управления государством пришлось направить на то, чтобы процесс европейского объединения на Западе и процесс сближения между Востоком и Западом не замедляли друг друга, а, напротив, развивались с удвоенной динамикой.

Конечно, в истории ничего не повторяется. Но учиться на ее примерах необходимо. История свидетельствует о нерасторжимой связи немецкой судьбы с европейской. Никто не может уйти со своего места, но не может и освободиться от своей европейской ответственности. Такая позиция сегодня справедлива не только для Европы. Давайте не забывать: объединение Европы было обусловлено кровавым опытом европейской военной истории. Европа сделала из нее выводы. Миру же еще предстоит выдержать этот тест. Если мы говорим о ситуации мирового соседства, то нам надо понять, что в мире все соседи, даже если и нет общих границ. Глобальные эпидемии, угрозы естественным основам жизни всего человечества, международный терроризм, оружие массового поражения, которое откуда угодно в мире может достичь кого угодно, — все это заставляет создавать всемирный порядок сотрудничества, соответствующий подобным вызовам. Это реально. Европа может это показать. Это причина, по которой мы можем говорить о Европе как о мастерской будущего. Но это не европейское тщеславие, а европейская ответственность. Этой меркой нас и будут мерить.

Линднер: Великолепное заключительное слово.

Геншер: Еще не совсем. Европа — это и вопрос души. Некоторые, напротив, видят ее только как политический проект или, что еще сомнительнее, только как экономический. Это сужение понимания Европы — источник вновь раздваивающихся национальных эгоизмов.

Г-н Линднер, я должен еще раз подвести итоги и хочу подчеркнуть: Европа — наше будущее! Не будет пустой фразой добавить: и другого у нас нет! Разве только случится регресс и мы начнем повторять националистические ошибки прошлого. Здесь действительно возникает нечто совершенно новое, нечто единственное в своем роде, нечто такое, чего еще не было в истории человечества. Народы осознают свое прошлое и ошибки, совершенные в прошлом.

Они приходят к историческому решению: мы хотим рассматривать наше будущее как общее и формировать как общее! Поэтому Европа и стала мастерской по созданию нового мирового порядка. В других регионах мира мы и сегодня еще сталкиваемся со старым мышлением, от которого Европа избавлялась на своем столь горьком опыте. Чтобы избежать этого, необходимо историческое решение в пользу отхода от соперничества, определяемого национальным эгоизмом, к сотрудничеству, определяемому ответственностью.

А что же страны, задающие тон в этом мире? Одни из них только теперь ощутили непосредственную угрозу своему внутреннему и внешнему миру. Другие осознают, что и для них лучше признавать другие страны и народы в качестве партнеров с равными правами и равным достоинством, а не рассматривать их как сферы и объекты влияния. И это предполагает равноправное и равноценное сотрудничество. Для них Европа тоже мастерская будущего. Ведь и в Европе странам-лидерам тоже пришлось сначала научиться равноправному и равноценному обращению друг с другом. Уж немцы-то знают, о чем речь.

И все же нам потребовалось время, чтобы полностью усвоить исторический урок. В моих ушах все еще звучит крайне резкая критика духовного склада немцев и немецкой внешней политики, которые, мол, сначала были одержимы идеей превосходства, а теперь забыли о власти силы. Насчет одержимости идеей превосходства, к сожалению, верно. Но забывшие о власти силы? Мне было бы более по сердцу, если бы теперь прозвучало: осознающие свою ответственность. Вот прекрасное слово для нас. Но это как раз и требует от нас быть на высоте нашей европейской ответственности. Скажу, что мы выстоим в XXI веке только в том случае, если с самого начала сможем мыслить по-европейски. Только тот, чьи чувства основываются на европейском чувстве Мы, придет к верным решениям. Таким, которые следует принимать согласно законам глобального миропорядка, мира с высокой степенью взаимозависимости, в котором нет отдаленных территорий и где каждый сосед каждому, с общей границей или без нее.

Дорогой г-н Линднер, не судите, пожалуйста, меня слишком строго, если я кое в чем повторяюсь. Но я вырос в мире войны и террора и хотел бы в девятом десятилетии своей жизни быть уверенным в том, что мои внуки живут в мире, который становится все более мирным и на все более широких своих пространствах может ощущаться как справедливый. В Европе мы продвинулись уже очень далеко, но в глобальном масштабе нам предстоит преодолеть еще немалый путь.

ОТВЕТСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Линднер: Германия выдержала финансовый и экономический кризисы прошлых лет на удивление хорошо. Тем не менее наблюдается значительная утрата веры в социальное рыночное хозяйство. Государству, налогоплательщикам, всем нам пришлось взять на себя ущерб, вызванный действиями отдельных игроков на рынках капиталов. У средних слоев складывается обоснованное впечатление, что на их положении рост больше не скажется. Еженедельные газеты спрашивают в своих заголовках об «альтернативах капитализму». Как раз в Германии и растут сомнения в том, может ли еще рыночное хозяйство вообще быть социальным. Я встречаю убежденных приверженцев рыночного хозяйства, скажем кустаря-ремесленника, которые, с одной стороны, сетуют на бюрократические оковы в своей повседневности, но с другой — оказываются беззащитными, выданными на милость ничем не сдерживаемых рынков капитала.

Геншер: Утрата веры в рыночное хозяйство, которую вы описали, на фоне событий последних лет не ошеломляет и не является чем-то неза заслуженным. Но мы имеем дело не с недостатками социального рыночного хозяйства, а с недочетами в его практическом воплощении, поэтому я хотел бы напомнить о том, что после Второй мировой войны было обоснованно принято решение в пользу социального рыночного хозяйства. Этому соответствует и наша Конституция, определяющая наше государство как свободное и социально-правовое. Там приведены оба понятия. Основной закон не предписывает экономический строй, он только констатирует: социальное государство — это важно. Для нас, как либералов, уже с точки зрения представления о человеке социально-правовое государство нечто само собою разумеющееся. И так и должно оставаться. Включая постулат «социальная справедливость».

Линднер: Идея порядка, свойственная социальному рыночному хозяйству, и по сей день не названа со всей определенностью в Основном законе, что я считаю упущением, но она все же лучше всего соответствует названным вами конституционным принципам. Согласно Конституции наше государство — это социальное правовое государство, которое, однако, должно уважать и свободу каждого гражданина. Для меня суть социального рыночного хозяйства — принципиальный приоритет свободы индивида, но в корректных правовых рамках, которые предоставляют шансы и более слабым.

Геншер: Да, так мы видим это сегодня. Правда, об этом шли дискуссии на этапе создания Федеративной Республики. Серьезные силы внутри ХДС говорили о «христианском социализме». Я говорю в данной связи о Якобе Кайзере или Карле Арнольде, втором премьер-министре Северного Рейна — Вестфалии, и о так называемой Аленской программе¹. СДПГ так или иначе еще предстоял Годесберг². Именно СвДП сплоченно и решительно поддержала Людвиг Эрхарда как федерального министра экономики в его намерении реализовать социальное рыночное хозяйство. Речь шла, однако, не только об отмежевании от социалистической альтернативы системе, но и о новых прогрессивных идеях. Они проявились, например, в вопросе, вводить ли нам картельное право и ведомство государственного надзора за деятельностью картелей. Эту борьбу за ограничение экономической власти следует толковать как принципиальную полемику вокруг правильного понимания рыночного хозяйства. «Отец экономического чуда» Людвиг Эрхард и его статс-секретарь Альфред Мюллер-Армак были теми, кого тогда называли неолибералами. Они представляли прогрессивный экономический либерализм. И потому мне жаль, если слово «неолиберал» применяется в отношении таких политиков, как Джордж Буш-младший. Он для меня не неолиберал, а неоконсерватор...

Линднер: ... который делает ставку на капитализм, руководствующийся принципом *laissez-faire*³ и являющийся противоположностью неолиберализму. Имеется достаточно историческое доказательство того, что неупорядоченный рынок как раз не является «невидимой рукой», которая все устроит как нельзя лучше. Так полагал Адам Смит в XVIII веке. Но это либерализм каменного века, который сегодня нельзя больше принимать на слово. Вместо этого я вновь и вновь возвращаюсь к словам Александра Рюстова, сказавшего в разгар мирового экономического кризиса тридцатых годов: «Во всяком случае, новый либерализм, оправданный сегодня, требует сильного государства, государства над экономикой, над заинтересованными лицами, там, где ему и место».

Геншер: Людвиг Эрхард также рассматривал государство как институт, устанавливающий нормы, а не как партнера. Поэтому имеет место фальсификация понятий, если словом «неолиберальный» обозначается прославление экономической власти или преуменьшение роли государства, не «отягощенное» размышлениями. Отмечалась прямая противоположность, речь шла об усмирении подобных явлений с помощью установления политических рамок.

¹ Программа ХДС британской оккупационной зоны, принятая в феврале 1947 г. в городе Алене.

² Речь идет о Годесбергской программе, принятой на Бад-Годесбергском съезде партии в ноябре 1959 г. и действовавшей до 1989 г.

³ Никаких стеснений свободы (*фр.*).

Линднер: В этом я вижу глубокую причину утраты доверия к социальному рыночному хозяйству: государство в слишком малой степени было и остается арбитром и слишком сильно вовлечено в выяснение отношений. При определении и осуществлении правил игры оно было настолько слабо, что рынки капитала могли жить собственной жизнью. Вместо того чтобы навести здесь порядок, оно преследовало собственные предпринимательские интересы с участием земельных банков, хотя должно было финансироваться с помощью налогов, а не прибылей государственных предприятий. Люди точно чувствуют это. Насколько, с одной стороны, требуется дисциплинировать финансовые рынки, настолько — с другой, многие скептически относятся к намерениям государства вмешиваться в рынок, принимая решения, предназначенные для отдельных случаев. Я вспоминаю о дискуссии вокруг «Опеля», когда едва не была навязана общая налоговая политика «Дженерал Моторс», чтобы исправить ошибочные решения, принятые в Детройте. Райнер Брюдерле снискал большое уважение за свое нет, потому что большинство немцев обладало более ясной структурно-политической интуицией, чем существенная часть немецких политиков. Люди не осознали, что они в качестве клиентов приняли решение против предприятия, но политики вознамерились скорректировать это решение своими деньгами, налоговыми средствами.

Геншер: СвДП должна придерживаться этих важнейших убеждений и в изменившееся время. Я выбрал из «Фрайбургских тезисов»¹ кое-что, применимое и к современности: «Где... из-за свободной игры сил... целям либерального общества угрожают тенденции к извращению либерального общества, необходимы целенаправленные контрмеры государства с помощью правовых средств». Так жестко и так ясно формулировали мы тогда.

Линднер: Так жестко и так ясно надо говорить и сегодня. Нам нужна «реформа капитализма», как того требовали «Фрайбургские тезисы». Вот только сегодня мы понимаем под капитализмом нечто иное, чем тогда.

Геншер: Да. Только нам не надо применять слово «капитализм». С этим словом у меня проблемы, так как оно происходит из классовой борьбы.

Линднер: Позвольте мне тем не менее какое-то время продолжать пользоваться этим словом. Капитализм как понятие не означает ничего иного, кроме частной собственности на средства производства. Она может реализоваться в форме капитализма по принципу *laissez-faire*, существующего в США, российского олигархического капитализма, капитализма, центром которого является государство, как в Китае, — или как раз в виде социального рыночного хозяй-

¹ Приняты в 1971 г. В них СвДП выступила за перестройку общества снизу вверх.

ства. Поэтому я всегда спрашиваю критиков системы, какой, собственно, капитализм они имеют в виду.

Но теперь я хочу поговорить о другом. В своем последнем эссе Ральф Дарендорф критиковал Pumpkapitalismus. Так как проценты с инвестиций в реальный сектор экономики больше не удовлетворяли, были созданы замкнутые кругообороты, в которых из заемных средств можно было сделать больше денег. Дарендорф отличал от этого Sparkapitalismus, в котором честные коммерсанты реализовали свои цели с помощью сэкономленных денег. Я предпочитаю говорить о «капитализме полного каско», так как инвесторы могли совершенно законно распределять на рынке свои собственные риски с помощью страховых продуктов и внебиржевых сделок таким образом, что системная опасность долгое время оставалась скрытой. С помощью дешевых денег государственные центральные банки создали систему снежного кома. Эти денежные галлюцинации указываются в балансах. Вместо этого нам нужен капитализм, проникнутый ответственностью...

Геншер: Я согласен с вами по сути, но, что касается понятия «капитализм», г-н Линднер, сохраню в силе свое возражение. Слово «капитализм» — это словесный раздражитель, понимаемый по-разному. Вот мое контрпредложение: экономика ответственности! При этом я трижды подчеркиваю слово «ответственность». Свобода без ответственности означает хаос, несправие и отрицание ценностей. Ответственность — это мораль свободы.

Линднер: Согласен: экономика, проникнутая ответственностью. С этим я хочу связать два аспекта. Во-первых, нельзя отделять друг от друга деятельность и ответственность. Возможность индивидуального поражения — естественный тормоз для рисков. Либералы должны поэтому определить экономический строй, создающий корректные условия конкуренции. Но, во-вторых, одних только «голых» рыночных правил недостаточно, если они не проживаются в умонастроениях честных коммерсантов. Бреши в системе имеются всегда. Поэтому экономика, проникнутая ответственностью, требует от отдельного человека, чтобы он — даже если и ищет свою выгоду на рынке — мог указать причины своего действия, выходящие за рамки краткосрочной выгоды.

В свете вышеизложенного я, кстати, считаю опасным также, что автоматизированная торговля посредством компьютеров приобрела такое значение. Скажем, 6 мая 2010 года в США драматическим образом обрушился рынок акций, чтобы затем так же быстро восстановиться. В течение 10 минут торговалось 1,3 млрд акций. Причины flash-crash¹ не удалось выяснить полностью, но они связаны с торговыми программами, управляемыми компьютером. Если транзакции на рынках осуществляются в доли секунды с помощью автопилота,

¹ Мгновенный обвал (англ.).

то когда-то ответственно действующий человек просто-напросто оказывается не у дел. Ответственность означает для меня возможность оправдать собственные решения здравым человеческим смыслом, моралью или общим благом. Если кто-то на рынках капиталов осуществляет рискованные сделки, способные привести к крушению системы, то он не может это оправдать — даже если и получил свою индивидуальную прибыль.

Тем самым я не требую наивной этики, ибо предприниматель мог бы, например, оправдать сокращение персонала, если успешное существование его предприятия в противном случае было бы поставлено под угрозу. Здесь я хочу, кстати, реабилитировать старика Адама Смита, которого только что закончил читать. Его первая книга рассматривала «этические чувства», обязательные для состоявшегося общества. Только при наличии данной предпосылки Смит делал ставку на то, что незапланированное взаимодействие в экономике и обществе будет точно сформировано «невидимой рукой» рынка для движения к благосостоянию, новым знаниям и общественному благу.

Геншер: Следовало бы и политикам взять на себя ответственность. В настоящее время их действия не производят впечатления наступательных. Даже понятие «рынки» свидетельствует об этом. Кого, собственно, имеют в виду, говоря, что «рынки» требуют того и этого от нас, ирландцев, португальцев, греков? Рынки — это суммирование всех их участников. Я тоже часть рынка, если решаю купить пару обуви. Рынки — это деятельность субъектов.

РЫНОК НУЖДАЕТСЯ В НОВЫХ ПРАВИЛАХ И ПРОЗРАЧНОСТИ

Линднер: Определенно да. Может быть, мы, как либералы, скажем когда-нибудь: рынок — это искусственное место. Он был создан только правилами, которые мы дали ему. Самые последние кризисы финансовых рынков напомнили о том, что участники рынка иной раз действуют столь иррационально, честная коммерция столь мало сама собой разумеется и правила могут быть столь ошибочными, что все это даже дестабилизирует систему. Ключевая задача со структурно-политической точки зрения заключается поэтому в новой конфигурации рынка, чтобы мы все не могли стать заложниками немногих.

Геншер: Эксперты СвДП должны работать над этим день и ночь. Впрочем, нам нужен в будущем глобальный порядок, следующий за тем, что разумеется само собой. Это мы сегодня и обсуждаем: больше прозрачности рынка и правила,

создаваемые в результате установления рыночных условий. Мы считаем это необходимым — внутри Европейского союза это и происходит, пусть осторожно, но все-таки. И чем больше мы становимся частью общего экономического порядка, тем больше это необходимо в глобальном масштабе, так как в противном случае высвобождаются силы, ведущие к тому, что мы пережили.

Линднер: Я упоминал вначале о моих разговорах с представителями среднего класса, жаловавшимися, что их предприятия, например здесь, в Бонне, будут затронуты, если в Нью-Йорке рухнет инвестиционный банк «Леман Бразерс». Им не хватает защиты государства. С другой стороны, те же люди обрели опыт, согласно которому предоставление предприятию краткосрочного кредита стало в высшей степени бюрократической процедурой, не говоря уже о других частных инвестиционных сделках. Тем самым я хочу сказать: финансовая система издавна сильно зарегулирована. Поэтому, чтобы обязать финансовые рынки выполнять их служебную роль, не требуется большего количества правил — требуются правила лучшего качества! Нельзя смешивать бюрократизацию и регламентацию в деталях с законами рынка, необходимыми для стабильности.

Геншер: Конкретизируйте это, пожалуйста, на примере какого-либо рыночного закона.

Линднер: Мы уже говорили о вопросах ответственности. Потребность в действиях представляется мне неизменно высокой, чтобы без угрозы стабильности в целом был возможен действительный уход с рынка банка, потерпевшего неудачу, то есть его ликвидация за счет собственников. Вторая основная проблема — это прозрачность рынка, как вы сами сказали. Существуют теневые банки — название и всё! На рынке обращаются миллиардные суммы, не подлежащие никакому настоящему регулированию. Следовательно, дела можно проворачивать втихаря, то есть вне публично наблюдаемых торговых площадок, и тем самым непрозрачно. Я бы это пресек: не должно быть финансовых трансакций, происходящих не на публично наблюдаемых торговых площадках, где каждый партнер по договору поддается идентификации, так что финансовый надзор может распознать риски на рынке.

Геншер: Полагаю, что после великого поворота 1989–1990 годов и после прорыва к глобализации политика утратила возможность обзора вновь возникающих глобальных рынков, она перестала знать, что происходит. Я с середины девяностых годов выдвигал в своих речах аргумент, согласно которому мы на глобальных финансовых рынках нуждаемся в большей прозрачности — именно так, как вы, г-н Линднер, только что излагали. Это имеет решающее значение: мы должны знать, что происходит и какие возникают риски. Государство — таково

наше либеральное понимание — не должно вмешиваться в экономические процессы и решения в области экономики, но оно должно создать ясные правила относительно хода принятия экономических решений. Это важно. Но оно не должно вмешиваться и определять, что кто-то должен купить этот или тот дом.

Нам следует всегда сознавать: глобализация и глобальная взаимозависимость означают глобальную взаимность. Все в мире влияет на все. Больше нет отдаленных областей. Мои действия могут затронуть кого-то, живущего на другом континенте, и пример тому — американский ипотечный кризис. Соседство означает не только географическое сосуществование, но и непосредственную затронутость без географической близости.

Линднер: Я хотел бы свести это для СвДП в единую задачу, спросив, что стал бы делать граф Отто Ламбсдорф. Он взял бы слово, призвал к порядку и заявил, что рынки, с одной стороны, должны подчиняться правилам, характеризующимся политической ответственностью. Это задача государства как института, устанавливающего порядок. С другой стороны, оно должно предостерегать от определенной экономической безграмотности и продиктованного вкусовщиной отклонения рынков капитала в целом. Как бы мы ни сетовали на неправильное развитие, мы тем не менее зависим от инновационных финансовых продуктов. Предприятия страны, ориентированной на экспорт, должны в глобальной экономике быть в состоянии застраховаться от колеблющихся валют и от колеблющихся цен на сырье. Для этого и существуют финансовые инструменты. Требование запретить все это только заменило бы старые риски новыми. Пеер Штайнбрюк высказывается временами в этом смысле. Мы в отличие от этого играем посредническую роль, которая демонстрирует экономическую компетентность СвДП: приводить рынки в порядок, но не демонизировать.

«ЛИКВИДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА — ГЛАВНЫЙ ПРОЕКТ ВАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ»

Геншер: Хорошо, что вы сослались на графа Отто фон Ламбсдорфа. Я уже давно считаю его одним из лучших умов среди либералов в Германии. Когда в 1977 году Ханс Фридрих неожиданно заявил мне о своем намерении оставить должность министра экономики, чтобы перейти в Дрезднер Банк, я позвонил графу Отто фон Ламбсдорфу и сказал: «Теперь ваше место в министерстве экономики». Я ни с кем это не обсуждал, но для меня не подлежало сомнению: занять этот пост может только Ламбсдорф. На него можно было положиться. Наши отношения характеризовались как большим личным уважением, так и

настоящей человеческой привязанностью. Меня восхищало, как он был энергичен, несмотря на свое тяжелое военное увечье. Это была совершенно особая форма мужества. Он не утратил своего достоинства и стойкости характера, даже когда был привлечен к суду по делу о партийных взносах.

Пусть это прозвучит старомодно, но граф Отто фон Ламбсдорф был примером прусской самодисциплины. Для нашего общения разумелось само собой, что мы уважали соответствующие знания друг друга и ни разу не обсуждали публично различия во мнениях. К сожалению, добродетель скромности стала реже встречаться в современной политической жизни. И у нас с Ламбсдорфом бывали порой тяжелые разговоры, и он мог и повысить голос, но наши дискуссии с глазу на глаз никогда не становились достоянием гласности. Вы и по сей день не найдете об этом ничего в какой бы то ни было газете, и так останется и впредь.

Будь граф Отто фон Ламбсдорф теперь здесь и слышал бы, как мы говорим о рынке и ответственности, он, вероятно, попросил бы нас перенести наше представление об экономике ответственности и на государство. Меня беспокоит государственный долг, который ляжет бременем на ваше и последующие поколения и в этом отношении сократит сферы созидательной деятельности в будущем. Это побудило нас в том числе и к тому, чтобы вести оказавшуюся в конце концов успешной борьбу за долговой тормоз.

Линднер: Это сопоставимо по образу мыслей. На рынке кому-то не доставало доходов от реального сектора экономики, чтобы утолить голод на проценты. Экономика государства не была достаточно эффективной, чтобы финансировать политические обещания от выборов к выборам.

Геншер: Именно это и было решающей внутривнутриполитической причиной поворота в Бонне¹. Об этом я уже писал годом раньше, в 1981-м, в письме, адресованном СвДП, в действительности же — общественности и, конечно, СДПГ. В ситуации нараставшей безработицы и увеличивавшегося государственного долга тогда требовалось новое мышление. Вот я и сформулировал следующее положение: «В самом общем виде необходимо усилить понимание того, что никакой результат не может быть гарантирован государством и обществом, если он прежде или затем не должен был бы быть востребован сообществом, то есть каждым из нас».

Линднер: На мой взгляд, это не изменилось и по сей день. Ориентированная на предложение, зиждущаяся на принципах рыночного хозяйства экономическая политика, укрепление бюджета — именно благодаря этому страна и добилась успехов еще до достижения германского единства. Если я правильно

¹ Речь идет о смене осенью 1982 г. социал-либеральной коалиции христианско-либеральной.

помню, Тео Вайгель, занимавший в начале девяностых годов пост федерального министра финансов, представил сбалансированный бюджет, в то время как в США вырос дефицит.

Геншер: Моральным обоснованием этого является заповедь справедливого отношения к поколениям, согласно которой нынешнее поколение не может в экологическом и тем более в финансовом отношении жить за счет следующего.

Линднер: И этого требуют все больше людей. В Северном Рейне — Вестфалии недавно были опубликованы результаты опроса общественного мнения. Согласно этим данным, почти 80 процентов опрошенных, представляющих все партии и поколения, предпочитают в настоящий момент снижение государственного долга постановке государством новых задач. Обнаруживается достойное внимания противоречие с политикой красно-зеленой коалиции в Дюссельдорфе. Граждане чувствуют, что обещанное Ханнелоре Крафт¹ благосостояние за счет государственного долга рискованно с экономической точки зрения.

Геншер: Следовательно, новое мышление нам нужно и для того, чтобы благосостояние в обществе шло вровень с тем объемом новых задач, которые государство может взять на себя. Граждане с полным правом ожидают от государства защиты. В то же время дающий себя знать кризис государств и банков показывает, где необходимы изменения. Государство должно обеспечивать равенство шансов и прозрачность. Оно должно соблюсти свою ответственность и уберечь одних участников рынка от воздействия безответственных эксцессов, вызванных действиями других. Позвольте мне применить в качестве ссылки меткое слово *Boni-Unwesen*².

Линднер: У государства сегодня два суверена — его граждане и его кредиторы. Ведь тот, кто устанавливает порядок на рынке, принимает необходимые правила, должен одновременно принимать во внимание и то, что эти правила означают для него как заемщика. Это добровольное наложение обязательств на самого себя. Следует покончить с этой зависимостью государства от рынков капитала.

Геншер: Хорошо, что СвДП снова осознала это. Некоторое время преобладал призыв к снижению налогов. А кто же охотно платит налоги? Освободить тру-

¹ Социал-демократический политик, с 2010 г. премьер-министр Северного Рейна — Вестфалии.

² Букв. «бесчинство с бонусами». Имеется в виду выплата крупных сумм в виде ежегодных бонусов ведущим менеджерам немецких фирм и дискуссия вокруг этого.

дящееся население от бремени — это, конечно, желательная цель. Инфляция и налоговое право почти съели хорошие результаты, достигнутые во время подъема. Меня, как налогоплательщика, особенно сильно расстраивает, когда я вижу, сколько уплаченных мною налогов уходит на оплату процентов по долгам.

Линднер: Во время земельной избирательной кампании мы в высшей степени наступательно представляли эту смену приоритетов. У меня впечатление, что многие из поддерживавших нас только того и ждали. Это давно уже назрело. Экономическая ситуация полностью изменилась с выборов в бундестаг 2009 года. Мы еще чувствовали себя связанными обещанием уменьшить нагрузку, когда люди давно уже по-другому оценивали положение. Желание уменьшить нагрузку и обеспечить прочную, устойчивую финансовую политику внезапно оказались противостоящими друг другу — Вольфганг Шойбле весьма искусно инсценировал такое противостояние. Наши финансово-политические полномочия оказались просто-напросто растерты между жерновами, имя которым «обещание уменьшить нагрузку» и «прочность государственных финансов». Теперь мы видим это яснее.

Геншер: Следовало всегда сохранять для себя свободу реагирования на изменившуюся ситуацию. Тот, кто ничего не хочет менять, не сможет и ничего создать.

Линднер: Ликвидация задолженности в итоге должна, однако, последовать с помощью повышения нагрузки. Это был бы простейший путь, вступления на который сейчас от нас и требуют слева. Я сомневаюсь, что он принесет устойчивый успех. Остается проблема политической культуры — с удовольствием распределять в ходе предвыборной борьбы то, чего вовсе нет. Поэтому я уже один раз ставил вопрос о том, нельзя ли наряду с долговым тормозом предусмотреть в Основном законе и второе правило — предел нагрузки, или «налоговый тормоз». Федеральный конституционный суд уже один раз вынес решение, согласно которому никто не должен отдавать в казну более половины своего дохода.

Геншер: Поэтому я считаю ликвидацию государственного долга, во всяком случае, одним из основных проектов вашего, г-н Линднер, поколения. В Баварии уже начали погашать старые долги. Если продолжить движение по этому пути, то будут высвобождены средства для инвестиций в образование, еще необходимые сегодня для уплаты процентов. Это служит установлению справедливости в отношениях между поколениями, так реализуется основное право на образование, но это разумно и с политико-экономической точки зрения. Не в последнюю очередь мы даем тем самым пример стабильного хозяйствования во всей Европе.

Долговой тормоз, которого мы требуем для других, сначала должна учитывать сама Германия. По поводу же налоговой политики позволю всего лишь одно замечание: на пути упрощения налогового законодательства важно восстановить прозрачность. С бесчисленными исключениями создана более непрозрачная налоговая система, которая по-прежнему заслуживает реформы. Наша партия должна придерживаться этой позиции.

Линднер: Да! На протяжении подходящего сейчас к концу периода легислатуры был, к сожалению, не прорыв — отмечались только отдельные улучшения в деталях. Но это не причина для того, чтобы отказываться от представления о более простой и более справедливой налоговой системе в целом, с более низкими ставками налогообложения. Напротив, партия должна и далее настаивать на этом. Ограничить роль стратегий избежания налогов ясными и объяснимыми каждому правилами — это вопрос справедливости. Простое налоговое право придает прочность и предпринимательским решениям. Они должны приниматься исходя из веры в идею, а не по причинам налогово-правового характера. Такое уже встречалось: после достижения немецкого единства в санирование безнадежно устаревшей недвижимости в новых землях было вложено бесконечно много денег. Произошло это только из-за тоски по утратам, приемлемым для использования с налоговой точки зрения.

Геншер: Это отрицательный пример. Тем не менее налоги для меня — средство управления, соответствующее требованиям рынка, если оно применяется обдуманно. Приведу положительный пример. К концу Второй мировой войны Германия была в значительной степени разрушена, жилье отсутствовало. Как удалось добиться сильной концентрации имевшегося капитала на социальном жилищном строительстве? Тогда имелся знаменитый параграф 7b, практически запустивший гигантскую программу жилищного строительства и тем самым предложивший общественно желательное решение проблемы. Государство не строило, а давало людям шанс строить — чтобы у каждого снова была крыша над головой и возможность жить в условиях, достойных человека. А сверх того в большом количестве возникали рабочие места. Точно так же тогда был дан толчок судостроению и другим отраслям промышленности. Надо только внимательно следить за тем, чтобы такие меры не нарушали принципа справедливого налогообложения, и следует позаботиться о том, чтобы они были прекращены, если исчезнет повод для их введения.

Линднер: Помимо этого для меня упрощение налогового права только один проект. Все источники права — трудовое, жилищное, налоговое право и другие, с которыми граждане имеют дело в повседневной жизни, следует формулировать понятным для каждого языком, исходя из текста закона. Как насчет

того, чтобы бундестаг в каждой легислатуре формулировал кратко и упрощал эти кодексы по одному.

ХВАЛА ПОЛИТИКЕ ШРЁДЕРА, ОСНОВАННОЙ НА «ПОВЕСТКЕ ДНЯ — 2010»!

Геншер: Это и в самом деле было бы классно. Но теперь я хочу затронуть и другую сферу. Мы живем в такое время, когда больше не формируются образы профессий, предсказуемые на протяжении десятилетий. Во времена моей молодости кто-то выбирал определенную профессию и мог точно оценить, как впоследствии будут развиваться события. Был ли он чиновником, служащим или ремесленником, средним предпринимателем или менеджером — в сущности, имелся устойчивый портрет профессии. В ваше время, г-н Линднер, это выглядит совсем по-другому. Каждый сталкивается со все новыми вызовами, возможностями выбора, изменениями в профессиональной деятельности, но одновременно открываются и новые шансы.

Линднер: Сегодня гибкость требуется ото всех, кто вовлечен в экономическую жизнь: сколь мало люди должны сегодня полагаться на возможность заниматься одной профессией на протяжении всей своей трудовой деятельности, быть занятыми у одного работодателя, столь же и предприятия испытывают неведомое ранее давление инноваций и конкуренции. К тому же рынок труда разделен. Одни должны бороться за свое профессиональное существование, на котором можно было бы выстроить жизнь. Во многих случаях речь идет о тех, кто имеет низкую квалификацию и особенно сильно затронут экономическими изменениями. В то же время немало и таких, у кого растет желание автономно формировать собственную биографию на основе принципов самоопределения — от семейного бизнеса с частичной занятостью, желания длительного творческого отпуска до гибкого перехода на заслуженный отдых. Я исхожу из того, что эти желания индивидуализировать образ жизни растут и далее, и понимаю происходящее как достойный одобрения шаг к освобождению. В то же время речь идет и об основной потребности обладать в своей жизни определенной возможностью планирования и ощущением надежности. Следовательно, вот вызов, с которым сталкивается политика рынка труда: примирение растущих со всех сторон требований гибкости с потребностью людей в безопасности.

Геншер: Здесь кроется большой шанс и в то же время большая задача для либеральной политики в нашем социальном рыночном хозяйстве.

Линднер: Да, я бы сказал так: немецкое государство всеобщего благосостояния организовано все еще в высшей степени консервативно. Его цель — обеспечение статуса. Наемные сотрудники обладают гарантированными правами. Это профессионалы. Их права являются в то же время барьерами для аутсайдеров и начинающих. Полагаю, что мы можем поучиться у Скандинавских стран, к примеру Дании, даже если на нашу ситуацию не все можно перенести из страны с пятимиллионным населением. Там говорят о Flexicurity. Это слово означает соединение Flexibility и Security, то есть гибкости и обеспеченности. Но там под ним подразумевается не сохранение однажды достигнутого статуса, например с помощью жесткого запрещения необоснованного увольнения, а активное сопровождение в процессе переориентации с помощью сравнительно высокой материальной поддержки и активного содействия, профессионального обучения и так далее.

Геншер: Взгляд за национальную границу показывает нам хорошие и плохие примеры того, как можно обходиться с изменениями. Такие дискуссии необходимы. Правда, советую вести их с большой осторожностью. Здесь затрагиваются страхи перед социальным падением. Я хорошо понимаю это. И слишком легко может сложиться впечатление, что рабочая сила человека — товар, как и любой другой. Мы с вами одного мнения: таковым она не является.

Линднер: Да, большое число немцев связывает слово «реформа» уже не с улучшением, а с ожиданием того, что у них что-то должны отобрать.

Геншер: Совсем по-другому, чем, скажем, в начале семидесятых годов, когда со словом «реформа образования» связывалось пробуждение общества! Изменение значения имеет некоторое отношение к дискуссии о законах Харца.

Линднер: При этом нынешняя сила Германии в большой степени обязана политике Герхарда Шрёдера, в основе которой «Повестка дня — 2010». Так как нам, либералам, доверяют не безусловно, я хочу добавить: важную роль играет и умная тарифная политика профсоюзов и работодателей. Законодатель не мог из-за идеологических столкновений следовать многочисленным требованиям гибкости. Профсоюзы сделали их на местах возможными с прагматической точки зрения благодаря союзам ради труда на уровне предприятий. В определенных вопросах я и сегодня констатирую значительное согласие с представителями профсоюзов. У меня в гостях, во фракции ландтага, был, например, председатель IG BCE (профсоюза работников горнодобывающей, химической и энергетической промышленности) Михаэль Вассилиадис. Как он сказал, члены его профсоюза задеты трижды — в качестве taxpayer¹, «покупа-

¹ Налогоплательщик (англ.).

телей электричества» и обладателей ставших теперь ненадежными рабочих мест. Поэтому в энергетической политике нужны новые tools¹, под которыми он подразумевал больше конкуренции и меньше субсидий. Весьма прогрессивный человек, произведший впечатление на моих коллег. Надеюсь, г-ну Вассилиадису не повредит эта похвала из рядов СвДП...

Геншер: Хорошо, что вы дифференцированно изобразили роль профсоюзов. В прошлом и СвДП давала недифференцированные оценки. Мы не хотим забывать, что стороны в рамках тарифного договора в социальном рыночном хозяйстве, называемом Германия, обеспечили нормальную трудовую атмосферу на предприятии. В международном масштабе это является большим преимуществом нашей страны. Нас миновали длительные трудовые конфликты, подобные происходившим во Франции и Великобритании.

Линднер: Для полноты описания ситуации требуется сказать, что нельзя скрывать проникнутые духом классовой борьбы лозунги ver.di — объединенного профсоюза работников сферы обслуживания, СМИ, учреждений культуры и образования. На мой взгляд, для такого выступления должны быть причины организационно-политического свойства. IG Metall² и IG BCE работали скорее конструктивно с экономическими императивами, а ver.di должен, вероятно, вербовать новых членов с помощью кампаний, отчасти довольно шумных.

Геншер: Во всяком случае, «Повестка дня — 2010» сделала рынок труда в целом более подвижным. С положительным эффектом, как показывает сегодня снижение уровня длительной безработицы, и рекордной численностью занятых. Существенные элементы «Повестки дня — 2010» содержались, кстати, уже в тогдашнем документе Ламбсдорфа, например объединение пособия по безработице и социального пособия. Видно, что до осуществления в политике правильной идеи иногда требуется много времени.

Линднер: Миллионы людей, снова имеющих теперь рабочее место, стали бы оспаривать утверждение, что все это было в свое время «свертыванием социальных программ». Я осмелюсь сказать это, несмотря на увеличение сферы низкооплачиваемого труда. Слишком часто в разговорах со мной эти трудовые отношения подвергались критике, так как они якобы социально несправедливы. Следует сказать при этом: тот, кто занят в этой сфере, раньше часто был без работы. Хоть какая-то работа с перспективой социального продвижения, структурирование повседневности, чувство сопричастности — это лучше без-

¹ Инструменты (англ.).

² Профсоюз металлистов.

работицы. Труд — это не только доход, но также идентичность и смысл. Поэтому к социальной справедливости относится прежде всего справедливость участия, право на участие в рынке труда.

Также и по этой причине было бы неверно снова отступать от позиций «Повестки дня — 2010», как того требуют в рядах СДПГ и «зеленых» в ходе нынешней борьбы за власть, развернувшейся по итогам выборов в бундестаг. Надо идти не в сторону дезориентации, проникаться идеями не социальной реставрации, а социального новаторства. Я хочу привести на сей счет актуальный пример — продолжение выплаты пособия частично безработным в условиях спада конъюнктуры. Это показывает, как можно соединить обеспеченность для лиц наемного труда с внимательным отношением к производственно-экономическим потребностям предприятий. Будущие изменения должны быть в этом смысле задуманы в форме обмена: здесь дополнительная гибкость, там новые формы обеспеченности. Это захватило бы людей, ибо они понимают, что рынок труда, как и мир, пребывает в процессе изменения. Они хотят только не быть оставленными на произвол судьбы. Большинство было и остается готово к изменениям, но следует показать людям, что они не выданы безо всякой защиты на милость рынка с его требованиями.

Геншер: Я согласен. К чему бы конкретно вы приступили, действуя в интересах занятых?

Линднер: Передо мной встает вопрос, в какой мере мы еще можем усилить солидарную ответственность работодателя за квалификацию своих сотрудников. Прежде всего это, конечно, вопрос личной ответственности, что я не хочу ставить под сомнение. В обществе знаний утрата квалификации — новый риск наряду с безработицей, болезнью, потребностью в уходе или несчастным случаем. Тот, кто на протяжении многих лет использует квалификацию сотрудников, но однажды сталкивается с тем, что она больше не соответствует требованиям времени и он не может больше воспользоваться ею, действует безответственно. Поддержание высокого уровня квалификации коллектива и тем самым его способности действовать на рынке труда в соответствии с требованиями времени согласуется равным образом с долгосрочным собственным и общественным интересом.

После всего, что я слышал, существовавший до сих пор учебный отпуск неудобен. Он не соответствует вызову, заключающемуся в «непрерывном образовании». Не способствует популярности такого отпуска на рабочем месте, когда кому-то приходится просить о его предоставлении. Можно было бы обсудить добровольные обязательства сторон при заключении трудового соглашения, дальнейшее развитие страхования по безработице с акцентом на идею ее предотвращения, с возможностями более обязывающего характера при освобождении от работы или совместной «экономии ради

образования» лиц наемного труда и работодателей. Но я со всей определенностью заявляю, что у меня в багаже еще нет готового решения, понимаемого как наша экономика ответственности.

НЕ ДОПУСТИТЬ РАСПАДА РЫНКА ТРУДА: ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА

Геншер: Государство тоже могло бы участвовать в этом, предоставив во время школьных и студенческих каникул свободные ресурсы профессиональных или высших учебных заведений. В других странах summer schools¹ давно уже утвердились. Но я хочу затронуть еще один круг проблем, о котором вы только что упомянули, говоря о тех, кто должен бороться за профессиональный базис.

Линднер: Неустойчивая занятость, временная работа, сфера низкой оплаты...

Геншер: Да. Не следует ли и нам, либералам, задуматься об основных правилах, ограничивающих распад рынка труда?

Линднер: Да, г-н Геншер, следует. Это вопрос справедливости в оценке результатов, волнующий многих людей. Для меня это, с одной стороны, означает, что каждый должен выигрывать сообразно своей индивидуальной трудоспособности. При средних доходах в результате сильно растущей кривой прогрессии казна вмешивается очень сильно — уже инфляция ведет к увеличению налогового бремени вследствие так называемой холодной прогрессии. Если в результате от подъема больше выиграет государство, чем обеспечившие подъем, это будет некорректно. Я критически подхожу и к нынешним требованиям более высокой максимальной налоговой ставки. Этими требованиями затронуты все, кто получает примерно в 1,4 раза больше средней заработной платы. Это не элита общества, а средние слои и квалифицированные служащие. Если здесь произойдет явное повышение, то предельная нагрузка когда-то возрастет до более чем 50 процентов. Необходимость отдать больше, чем можно оставить себе, — это противоречит моему пониманию справедливости. Совсем уж независимо от того, что с экономической точки зрения ослабление среднего класса вредно. В этих вопросах, на мой взгляд, оценка, данная СвДП, ясна и не вызывает возражений.

¹ Летние школы или курсы (англ.).

Теперь посмотрим на рынок труда с другой стороны. Если много людей работают за очень низкую плату и не могут содержать себя или семью, это не может никого оставить равнодушным. Если кто-то усерден и активен, но вынужден отдавать большую часть заработанного, это противоречит справедливости. Здесь нет повода для ортодоксии, ибо приверженность СвДП рыночной экономике основывается не на сплошном отказе от любого рода регулирования, например в виде нижних границ оплаты труда. Это противоречило бы и конкретным действиям правительства, так как мы ведь сделали минимальную оплату возможной, к примеру, в области профессий, связанных с уходом и попечением. Полагаю к тому же, что сетование на отсутствующую минимальную оплату отчасти точно так же политически преувеличено, как и предостережение от разрушительных последствий, которые наступят с введением нижней границы оплаты труда. Оба лагеря в идеологическом отношении вооружены как нельзя лучше. При этом речь идет, по сути дела, только о том, чтобы в определенных сферах реализовать основные правила.

Геншер: Я думаю, что для такой страны, как Германия, считающая себя социальным государством, должно иметь силу положение, согласно которому доход, получаемый в течение полного рабочего дня, достаточен для жизни. Следовательно, этот минимум должен быть обеспечен нормальным объемом работы. Он может и должен также быть больше. Ведь для достойного человека общества должно разумеется само собой, что кто-то, работающий в течение полного рабочего дня, может заработать на жизнь. Но это не означает аннулирования прерогативы государства в установлении тарифа, ибо она в силу своей успешности является важным элементом немецкого рынка труда.

Линднер: Я позволю себе только дополнить сказанное тем, что ситуация усложняется, как только речь заходит о семье. Тогда претензия на социальные выплаты оказывается иной раз столь высока, что соответствующая минимальная зарплата наемного работника должна достичь величины, которая действительно приведет к сокращению рабочих мест. Применительно к ученикам и людям, имеющим значительные осложнения при приеме на работу — стоит подумать хотя бы о долговременно безработных, — нижняя граница заработка могла бы превратиться в непреодолимый барьер. Для этих случаев напрашивается сочетание достойной заработной платы и поддержки со стороны общества. При этом следует, однако, исключить злоупотребления — неприемлемо, если в некоторых отраслях экономики модель деловых отношений может выстраиваться на столь плохой оплате занятых, что социальному государству придется еще и добавлять им денег. Это предпринимательский эгоизм в ущерб равным

образом лицам наемного труда и всем налогоплательщикам, резко противоречащий ответственной экономике.

Геншер: Это может подвигнуть к выманиванию субсидий! Впрочем, тарифные партнеры должны и здесь играть важную роль.

Линднер: Да. Я хочу недвусмысленно подчеркнуть ваше указание на тарифную автономию: единая минимальная зарплата, устанавливаемая политиками без участия сторон в коллективном договоре для всех отраслей, провоцирует на конкуренцию в превышении обещаний во время избирательной борьбы. Это оборачивается в конце концов ущербом для низкоквалифицированных и новичках на рынке труда. Такая конкуренция оказала бы сильнейшее «всасывающее» влияние на тарифную политику в целом. Все заключенные договоры ориентировались бы на практике на развитие минимальной зарплаты, хотя на нижние тарифные границы зарплаты предположительно оказывает меньшее влияние продуктивность, чем развитие цен. Я, впрочем, задам себе вопрос, почему не используется существующий Закон о минимальных условиях труда. Имеется главный комитет, который в отраслях экономики, где не предусмотрена достаточная обязанность соблюдать тарифные соглашения, может проверить, нет ли нарушений в социальной сфере. При наличии таковых возможно установление минимальной оплаты труда. Приверженцы минимальной зарплаты, от премьер-министра Тюрингии, представлявшей ХДС, до Ханнелоре Крафт, ни разу не предложили отреагировать на конкретные социальные нарушения. Что следует думать об этом?

Для меня имеет силу следующее: да, необходимость нижних тарифных границ заработной платы (важны определение и множественное число) следует проверить, если обязанность соблюдать тарифные соглашения ослабляется в определенных отраслях экономики и регионах. Я, однако, против единой минимальной законодательно установленной зарплаты, мотивированной политическими соображениями. По поводу таких вопросов должны и далее совещаться представители работодателей и профсоюзов и независимые эксперты — и притом, смотря по обстоятельствам, на региональном уровне и по отраслям. Сверх того, следует открыть доступ на рынок труда и для слабейших. Нидерланды, как единственная страна с минимальной законодательно установленной зарплатой, не имеют проблем с безработицей молодежи, так как молодые трудящиеся исключены из числа получателей минимальной зарплаты, ибо они из-за своего малого опыта менее продуктивны.

ПОДДЕРЖИВАТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ МИР? ЗАЩИЩАТЬ СРЕДНИЙ КЛАСС?

Геншер: Для меня эта дискуссия о рынке труда имеет приоритетное значение. Сожалеем о том, что доходы и отношения собственности в Германии имеют разные векторы. Насколько это верно, является в настоящее время предметом дискуссии. Поэтому следует с особым вниманием заботиться о тех, кто мог бы отстать от темпов развития. В сравнении с другими государствами у нас есть средние слои, которые я желал бы видеть еще более широкими. Целью Людвиг Эрхарда было не «благополучие для некоторых», а «благополучие для всех». Это привело к политической стабильности в нашей стране. В Германии не возникло напряженности, имеющейся, например, в Бразилии между богатыми в их отгороженных жилых кварталах и бедными в убогих пригородных поселках. Нам надо заботиться о социальном мире.

Линднер: В этих обществах отсутствует центр. У нас в стране существуют социальные различия, но, в принципе, если я не приму теперь во внимание немногих крайне бедных и сверхбогатых, явно преобладающее большинство характеризуется сравнимой жизненной ситуацией. У меня складывается впечатление, что поэтому требования большего перераспределения ради большего равенства, высказываемые отчасти в духе классовой борьбы, не срабатывают. Люди признают определенные социальные различия, если состоятельный класс ведет себя ответственно и прежде всего если имеются для всех действительно реализуемые шансы восхождения. Католические епископы высказались на сей счет весьма интересно в пастырском послании по социальным вопросам: «Со свободой неизбежно связана определенная степень неравенства, вытекающая уже из уникальности личности».

Это фундаментальное различие между требованием равенства или справедливости в оценке результатов. Все дело в оговорке, согласно которой имеется различие между собственной активностью и собственным усердием. Отцы-основатели социального рыночного хозяйства со всей определенностью хотели создать не «механизм для качания доходов», как говорил Вильгельм Рёпке, а возможности для того, чтобы каждый мог чего-то достичь благодаря своим силам. Нельзя оставлять дело так, чтобы это обещание восхождения звучало сегодня для многих всего лишь теоретически и бессодержательно.

Геншер: А что делать?

Линднер: Кое о чем мы уже говорили. Общие экономические условия должны, во-первых, делать возможными надежные рабочие места. Поэтому прежде

всего нельзя ослаблять средние слои, перебарщивая в финансовой политике, которую инспирировала Франция. Именно в этих слоях большая часть рабочих и учебных мест. Поэтому я со всей решительностью выступаю против налогово-политических проектов, урезающих основной капитал фирм. Но к этому и сводятся планы красно-зеленой коалиции, если предприятие и на фазе потерь должно осуществлять серьезные налоговые отчисления. И что дадут дополнительные миллионы евро, пришедшие поначалу в государственную казну, если за это миллионы людей когда-то снова окажутся на улице, а налоговые поступления не последуют? Выдвигая такие предложения, думают очень механически, не учитывая взаимозависимости. Короче говоря, корову, которую хотелось бы доить, нельзя забывать.

Во-вторых, нам надо с помощью пригодных правил укрепить фундамент нашего общества, чтобы шансы были и у слабейших. Следовательно, там, где имеются социальные отклонения, где сильные могут использовать слабых, должно вмешиваться правовое государство. При этом речь идет в меньшей степени о массовых явлениях, нежели об ощущении, что общество справедливо обходится со всеми своими членами.

В-третьих, политическая дискуссия в Германии не должна больше вращаться только вокруг имущих и получателей трансфертных платежей — между ними расположен широкий средний слой, который со своей фискальной огневой мощью финансирует наше государство, а своим усердием закладывает основы конкурентоспособности Германии. У этих миллионов людей есть право на то, чтобы политика принимала во внимание границы их способности справляться с нагрузкой. Например, мы ведь уже говорили о холодной прогрессии.

И в-четвертых, нам нужны инвестиции в повышение квалификации, ибо ничто в большей степени не решает вопрос о шансах восхождения каждого отдельного человека.

Геншер: И тем самым мы подошли к политике в области образования.

«СТО ПРОЦЕНТОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ!»

Геншер: Мой ответ на дискуссию вокруг пенсии и обеспечения достаточных средств для жизни в пожилом возрасте — образование. Или, если сформулировать по-другому, то первый ответ на вопрос о величине пенсии дает система образования. Чем лучше система образования, тем надежнее пенсия. Только данная связь часто не просматривается. При этом именно такая страна, как Германия, экзистенциально зависит от сохранения и развития общества знаний с высоким стандартом образования. Только так мы можем быть лидерами и оставаться ими.

Линднер: Система образования играет большую роль с точки зрения конкурентоспособности, чем налоговая система.

Геншер: Иными словами, наши дети повсюду в мире конкурируют с ровесниками. Решающее значение имеет для меня то обстоятельство, что каждый ребенок может с равными шансами развивать свои способности. Это не должно зависеть от финансового положения или уровня образования родителей. Поэтому конкуренция начинается со способности и воли к использованию врожденных способностей. Только общество, которое создаст предпосылки для этого, будет ощущаться как справедливое. И только оно со своими элитами эффективности сможет в долгосрочной перспективе гарантировать социальную стабильность и справедливость. Модель общества, делающая ставку на привилегии сословных элит, элит по уровню дохода, влиянию или в соответствии с партийной принадлежностью, в конце концов потерпит крах. Каждое общество нуждается в интересах прогресса в элитах эффективности. Но это должно означать также создание предпосылок для равных жизненных шансов. При отсутствии таковых место элит эффективности занимают сословные элиты. Недопущение этого имеет для либералов важнейшее значение

Линднер: И действительно, образование, если рассматривать его с точки зрения экономики, является решающим фактором нашей конкурентоспособности, но прежде всего с точки зрения общества оно гарант индивидуального освобождения. Ральф Дарендорф требовал «образования как гражданского права». Как можно участвовать в нашей культурной жизни, если нет собственной точки соприкосновения с ней? Как ориентироваться в сложном обществе, не понимая связи вещей и явлений? И социальное продвижение зависит более чем когда-либо от индивидуальной квалификации. Мы обладаем большими свободами, но использовать их в полном объеме смогут только те, кто

располагает образованием. В этом отношении речь идет действительно о важнейшей политической задаче, о том, чтобы построить справедливое общество и дать людям возможность устоять в условиях свободы.

Геншер: Скоро 10 лет, как вы в парламенте сталкиваетесь с этими вопросами. Если я правильно понимаю, вы в своей политической деятельности прошли определенный путь в сфере образования: начали докладчиком фракции по проблеме детских садов, а под конец стали экспертом по высшей школе. Поэтому я хочу теперь сначала послушать. Так что же делать?

ТРИ ПРОЕКТА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Линднер: Я хочу отметить три коренных вызова. Во-первых, нам нужно уделять больше внимания раннему развитию детей в детских дошкольных центрах и начальных школах. Обе эти сферы необходимо в большей степени, чем раньше, рассматривать как единое целое, переход может и должен быть более плавным. Мы тратим большие средства на старшие классы гимназии, но основы биографии закладываются уже задолго до этого. В этом смысле систему образования следует до некоторой степени поставить с головы на ноги. Следовательно, меньшие группы, больше индивидуального подхода — именно в организации обучения немецкому языку детей из семей мигрантов. Освоение языка — ключ к позднему успеху в школе.

Я и за то, чтобы поднять значимость образования кадров для работы в группах продленного дня и начальных школах. Например, за границей для работы в начальной школе обязательно высшее педагогическое образование. Это должно стать стандартом и у нас, по меньшей мере для руководящих кадров учреждений. Их задачи сильно изменились: раннее распознавание потребности в содействии, связь с другими учреждениями социальной сети, работа с родителями — это требует другой квалификации.

Геншер: Согласен. Мне это говорил и Клаус Кинкель, который в качестве главы фонда «Телеком» инициировал многочисленные проекты. То, что бывший министр иностранных дел по завершении активной фазы своей деятельности заботится прежде всего об образовании и науке, само по себе, кстати, доказательство значения темы.

Линднер: Эта задача имеет важнейшее значение еще и для того, чтобы преодолеть вопиющую несправедливость в области образования в Германии.

Социальные шансы восхождения неприемлемым образом зависят у нас от происхождения. Полагаю, причина в том, что мы прежде всего ориентировались на сферу общеобразовательных школ. Но фундамент системы образования, где принимается решение о справедливом с точки зрения шансов вхождения в жизнь, пребывал в небрежении. Значение всей сферы детских дошкольных центров, дошкольная сфера, начальная школа недооценивались.

Будучи профессиональным политиком и занимаясь детскими садами, летом я регулярно присутствовал в группах продленного дня. Звонкие, а иногда и очень звонкие голоса детей, толпившихся вокруг, то кто-то тянет за рукав, то кто-то плачет — после этих дней в продленке я в течение недели находился на военных сборах в люфтваффе. Это было, если сравнивать, просто очередным отпуском. А стартующий реактивный самолет уж точно не громче детей, буйно веселящихся в песочнице. Я стал с большим уважением относиться ко всем, кто здесь работает.

Геншер: Я хочу подчеркнуть это. И в этом мы отличаемся, например, от Франции, где уже во времена Шарля де Голля думали по-другому. В том числе чтобы открыть лучшие возможности профессиональной деятельности перед женщинами. Если я слышу справедливые требования равноправия женщины, то мне всегда приходит на ум понятие равных шансов на образование. До Первой мировой войны моя мать ходила в нашей деревне в одноклассную народную школу. Затем до брака с моим отцом она работала в родительском хозяйстве. Точно такой же была жизнь и ее сестры. Но единственный брат, который должен был унаследовать усадьбу, посещал, как раньше дедушка, среднюю школу. Это было нечто само собой разумеющееся. Когда отец умер в 1937 году, мне было девять лет, и мама, не имевшая профессионального образования, столкнулась с серьезными трудностями.

Линднер: Сегодня у женщин другие проблемы. Они образованны как нельзя лучше, но, как только становятся матерями, часто не могут преуспеть в своей профессии, так как не находят адекватных детских учреждений для своих детей. Не только в чисто количественном отношении то, что предлагается, не выдерживает критики — с качественной точки зрения тоже должно стать лучше. У нас и по сей день значение работы в группах продленного дня зачастую преуменьшается, подаваясь как форма обслуживания, ухода, игры. При этом для детей речь идет об овладении способностями, имеющими решающее значение с точки зрения формирования их личности: умении прислушиваться, понимать смысл услышанного, не дичиться, концентрироваться.

Чтобы не возникло недоразумения, скажу: я не думаю об образце французских *école maternelle*¹, в которых детям в четыре года уже вдальбливают алфавит и счет. Курсы менеджеров для маленьких детей нам не нужны. Поэтому я видел свою задачу в том, чтобы сделать их способными позже заниматься в школе. Особенно чтобы они говорили по-немецки — если эти основы не были заложены, то результата не удастся добиться и в начальной школе. Это, с моей точки зрения, основная проблема, то, из-за чего наше общество в настоящее время имеет столь малую проницаемость и все еще столь сильную ориентацию на происхождение в системе образования. Семейная основа оказывается решающей с точки зрения успешности образования именно у детей и молодежи иммигрантов. Это скандально. Система образования должна предложить всем равные шансы.

Геншер: Зависимость от семьи является для меня наиболее внушающим опасения результатом международных исследований в области образования. Если только 10–15 процентов юношей и девушек родом из Турции доучиваются до аттестата об окончании средней школы, то что-то здесь не так.

Линднер: А они не менее талантливы своих ровесников. Так утрачиваются жизненные шансы отдельных людей — это нечестно и должно активизировать именно нас, либералов. Дарендорф как-то раз описал дочку рабочего-католика из деревни как вызов политике в области образования. Сегодня следовало бы сказать: молодой мусульманин с турецкими корнями из крупного города. У нас теперь выбор: предоставить событиям идти своим ходом и повисить социальное давление, которое когда-то сможет разрядиться в форме взрыва, или повысить потенциал этих молодых людей, которые могут вместе с нами внести важный вклад в будущее нашей страны именно ввиду демографических изменений.

Следовательно, альтернативы нет: больше языковой помощи уже до школы, интенсивное учебное и воспитательное руководство во время учебы, плавный переход между школой и профессиональным образованием в рамках «дуальной системы»². Для детей и молодежи из иммигрантских семей образование с государственной поддержкой не должно прекращаться с завершением обязательного обучения или окончанием школы. Целью должна быть в гораздо большей степени, чем до сих пор, интеграция в рынок труда.

Геншер: Хорошо, мы обсудили этот пункт. Я с нетерпением жду вашего второго проекта.

¹ Детский сад (*фр.*).

² Дуальная система заключается в том, что вся учеба делится на практическую и теоретическую части, поочередно сменяющие друг друга в течение всего периода обучения.

БОЛЬШЕ СВОБОДЫ ДЛЯ ШКОЛ

Линднер: Больше свободы для отдельной школы и для отдельного учителя. Здесь, мне кажется, ключ. Имеется много международных сравнительных исследований. По ошибке часто рассматривается структура школы в связи с качеством. Действительно, результаты лучше в странах, делегирующих больше ответственности практикам на местах, — те могут адекватнее оценить имеющуюся потребность. Это не неожиданность. Ведь образование осуществляется не в законах, указах и распоряжениях, а — в идеальном случае — в классном помещении, где встречаются мотивированный и хорошо образованный учитель и ученики, взявшие с собой из родительского дома определенное, что называется цивилизационное, приданое. Чтобы достичь такого «идеала» — я подчеркну это слово, — нам надо улучшить условия.

Если, согласно опросам, 60 процентов учителей говорят, что они желают для себя больше свободы, чтобы однажды отвлечься от учебных планов, которые кажутся им закостенелыми, если они осознают, что для класса был бы гораздо важнее другой вопрос, то следует это позволить. Такая активность не должна оставаться втуне. Школам надо предоставить возможность самим в большей степени принимать решения о своих ресурсах: нам нужен новый кабинет физики или новый концертный рояль, нам нужен новый учитель физкультуры или скорее дополнительный социальный работник? Это сводится к новой организации образования, которая, с одной стороны, приносит больше свободы для отдельной школы, в отдельный класс, а с другой — дает ясные целеустановки. Хорошо было бы добиться большего единства на федеральном уровне. Достижение целеустановки следовало бы публично обсудить на основе сообщений о качестве отдельной школы. И что вы думаете, какое внимание вызвал бы такой отчет о качестве местных школ в общине?

Геншер: Мне нравится то, что вы сказали о значении учителей. Сегодня требования к учителям и ожидания от них гораздо выше, в том числе и с точки зрения повышения их квалификации. Причем следует констатировать, что уже обучением учителей как таковым, то есть педагогикой в качестве учебного предмета, пренебрегают, так как дисциплины, изучаемые в университетах, больше сконцентрированы на передаче знаний по планируемым учебным предметам. Правда, тому, как эти знания могут быть переданы позже детям и молодежи, обучают слишком мало. Педагогический аспект в образовании учителей, а также в повышении их квалификации должен быть усилен.

Линднер: Тем самым вы предвосхитили третий пункт, который я хотел изложить: улучшение квалификации учителей. Но если бы при этом хотели положиться только на измененное образование, то улучшение качества потребова-

ло бы, по правде говоря, усилий целого поколения. Если мы говорим о непрерывном образовании, то оно должно начинаться со школьного персонала. Вот мое конкретное предложение: учителя должны иметь возможность через равные промежутки времени возвращаться в высшую школу на семестр для повышения квалификации. Практики могли бы таким образом ознакомиться с методическими ноу-хау, а студенты — выиграть от ознакомления с повседневным опытом. К тому же престиж профессии учителя возрастет, если работодатель, то есть государство, столь серьезно воспринимает роль повышения квалификации.

Геншер: Это имеет силу применительно к методической сфере, но касается и развития специальных знаний во все более быстро меняющемся мире науки. Особенно четко это прослеживается, конечно, на примере естественно-научных предметов. Мы, общество, должны обрести единство в оценке задачи учителей и того, чем они ценны для нас. Это выражается и в их оплате. Мы общество больших возможностей, но профессия учителя дает немного шансов на серьезный рост. Это значит, что люди на протяжении всей своей трудовой деятельности выполняют чрезвычайно важную работу ради будущего нашей страны, сами не имея больших шансов на повышение статуса. Это, к сожалению, симптоматично: одна из богатейших стран мира не использует свое богатство для того, чтобы непрерывно улучшать систему образования и тем самым сохранить шансы на будущее. Чтобы реализовать образование как гражданское право, нам надо прийти к совершенно новой постановке приоритетов, в том числе в отношении денежных средств. Образование должно стоять на самом верху, не говоря уже об организации этого образования — я имею в виду формирование отношения между федерацией и землями. Об этом вы упомянули лишь мимоходом, говоря о своем восприятии устройства системы образования. Я считаю так называемый запрет на сотрудничество, который несколько лет назад ввела тогдашняя коалиция ХДС/ХСС и СДПГ, настоящей проделкой граждан города Шильды¹. Теперь Конституция недвусмысленно запрещает федерации и землям совместно финансировать задачи в сфере образования. Этот абсурд следует устранить.

Линднер: К вашему замечанию о шансах социального восхождения я хочу присоединить требование: исследование показывает, что успеваемость класса сильно зависит от результативности работы учителя. Должны ли не особенно успешные учителя получать бонус к жалованью?

Я обломал зубы о позицию СвДП относительно запрета на сотрудничество в 2011 году на федеральном партийном съезде. Есть ряд политиков, занима-

¹ Намек на книгу «Граждане города Шильды», средневековый сборник рассказов о жителях вымышленного города, совершающих только глупости.

ющихся образованием, в особенности на земельном уровне, которые опасаются содержательных предписаний федерации. Поэтому суверенитет земель в области культуры решительно защищают против «золотой узды» федерации. Я могу понять эти опасения. Проблема заключается только в следующем: из-за долгового тормоза земли должны до конца года сбалансировать свои бюджеты. Затем их можно было быстро принудить к экономии именно на образовании. Если мы ничего не изменим, то долговой тормоз превратится в веревку, на которой мы повесим наше будущее. Решение заключается для меня в сфере конституционного права — не посредством ослабления долгового тормоза, а с помощью отмены запрета на кооперацию. Следует обратиться к примеру Швейцарии, принявшей в 2006 году решение об обязательной кооперации между федерацией и кантонами. Следовательно, в швейцарском федерализме имеет место развитие в прямо противоположном направлении.

Геншер: Да, федерация должна, наконец, быть в состоянии воспринять свою общегосударственную ответственность и в финансовом отношении. Это особенно важно для федеральных земель, менее сильных с финансовой точки зрения. Детей в этих землях нельзя наказывать только потому, что несколько политиков, занимающихся вопросами культуры на земельном уровне, намереваются дать волю своему тщеславию.

Линднер: В особенности это касается сферы науки. Существует парадоксальная ситуация, когда федерация и правда имеет право финансировать в течение ограниченного времени сферы особых исследований, то есть проекты, а не учреждения. Если финансирование проектов федерацией прекращается и земли не могут применять собственные средства, то объектом ликвидации должны стать отдельные сферы. Это действительно проделка граждан города Шильды. Сверх того существуют задачи повышения в ближайшие годы квалификации учителей, а также помощи детям с ограниченными возможностями в обычных школах. Земли и коммуны едва ли смогут в одиночку решить эти задачи. Поэтому востребовано государство как целое со своими финансовыми возможностями.

Геншер: Но с учетом такой ситуации все же именно либеральная партия вроде нашей должна открыто сказать о том, что организация нашей политики в области образования посредством так называемой самокоординации в конференции министров культов¹ оказалась несостоятельной. Уже в понятии самокоординации кроется признание того, что столь большая страна, как Германия, нуждается в единых общих условиях для проведения политики в области

¹ Название ряда земельных министерств ФРГ, ведающих также вопросами культуры и просвещения.

образования. И если это верно, то возможно урегулирование средствами федеративного государства — при содействии федеральных земель. Кстати, бюрократия конференции министров культов единственная в Германии, существующая без парламентского контроля...

Линднер: ...и несмотря на это, она построена наподобие министерства, со значительным аппаратом, подборкой своих решений на отдельных листах...

Геншер: ...настоящий уникам. Здесь задача СвДП в том, чтобы назвать вещи своими именами и ясно сказать, что не в порядке и требует реформы.

Линднер: Итог работы конференции министров культов многие рассматривают критически, но альтернативы ему в высшей степени спорны. Следует, к сожалению, признать это. Очень существенная часть нашей партии делает, например, ставку на более сильную рефедерализацию политики в области образования. Это значит: ликвидировать конференцию министров культов и заменить государственными договорами земель. Меня это не убеждает. В административном отношении выторговывание государственных договоров длится еще больше...

Геншер: Бесконечно долго!

Линднер: Каждая земля обладает правом вето. Это не улучшение статус-кво. Вместо этого я бы, во-первых, придал стройности конференции министров культов. Решения не должны больше, как теперь, приниматься единогласно. Они будут приниматься большинством голосов. Уже это породит движение. С другой стороны, мероприятие, а также образование в целом, на мой взгляд, слишком сильно замкнуто на политику. Так почему бы не создать немецкий совет по образованию, который будет обсуждать стратегические вопросы и в который будут входить практики и ученые.

Геншер: Именно специалистам из сфер образования и науки там и место. Создание немецкого совета по образованию, куда войдут специалисты из научно-исследовательской сферы, должно стать центральным требованием СвДП. Конференция министров культов должна в будущем соответствовать по структуре и компетенции другим конференциям министров земель. Я, как федеральный министр внутренних дел, участвовал в качестве гостя во всех заседаниях министров внутренних дел земель. Опыт, приобретенный при этом, один из наиболее ценных в моей политической жизни. Так мы сумели сообща ответить на вызов политического терроризма семидесятых годов. Мы смогли начать важные реформы без паралича, который вызвала бы анонимная, самоутверждающаяся бюрократия.

Линднер: Компетентные люди, исходя из долгосрочной практической перспективы, в том числе и с долгосрочной ориентацией, опираясь на международный опыт и зная ситуацию на местах, описывают то, что является необходимым. Сверх того можно покинуть исхоженную тропу и начать думать в категориях инноваций. Кое-что уже есть в сфере высшей школы — Совет по науке. Он дает рекомендации и аккредитует вузы согласно определенным качественным характеристикам. Немецкий совет по образованию, куда входили бы независимые умы, должен по аналогии определить важные направляющие политики в области образования, например стандарты для сдачи выпускных экзаменов, чтобы улучшилось качество школьной повседневности и повысилась мобильность через земельные границы. Это анахронизм, когда учитель, сдавший свой экзамен в Мекленбурге — Передней Померании, не может без затруднений найти место в Баден-Вюртемберге. Между Баден-Вюртембергом и Мекленбургом — Передней Померанией может быть много различий, но физические законы, законы природы одни и те же.

Геншер: Что вы подразумеваете под понятием «политикоцентричность», г-н Линднер? Совет по науке и должен мыслить политически — имеете ли вы в виду партийную политику или хотите в большей степени вывести государство из этой сферы?

Линднер: Для меня политика в области образования слишком часто инструмент общественно-политических представлений отдельных партий. Это ведет к тому, что после смены правительства на земельном уровне политика в области образования каждый раз перекраивается слева направо или справа налево. Собственно, школы следовало бы просто оставить в покое и взять под защиту от ревнителей реформ.

Геншер: Если «деполитизировать» должно означать «деидеологизировать», я с вами согласен. У нас есть, например, экспертный совет по экономике, у нас есть экспертный совет по вопросам окружающей среды — я при всем желании не могу понять, почему не должен существовать федеральный совет по образованию. С уважаемыми экспертами, мимо которых политика больше не может пройти.

Линднер: К тому же кое-что развивается снизу, из практики. Назову самую оспариваемую сферу политики в области образования — структуру школы. Ожесточенные споры велись и ведутся вокруг единой школы, с одной стороны, и разделенной школьной системы — с другой. Действительно, снизу, по ту сторону всех идеологических битв, растет своего рода модель двух опор: с сильнее ориентированной на академическое знание общеобразовательной гимназией и рядом с ней второй опорой, состоящей из прежних основ-

ной, реальной или общей школ. Сильнее ориентированных на профессию, но равноценных и на равных началах. Это представляется мне прагматическим путем.

Геншер: Я разделяю с вами мнение, согласно которому начинает формироваться параллельная модель. В Саксонии это разделение между академически и практически ориентированными школами было успешно введено сразу же после достижения немецкого единства. Это может быть привлекательно, так как таким способом лучше могут учитываться и поддерживаться склонности каждого отдельного ребенка. Правда, решение о том, какая форма школы лучше для их ребенка, должно оставаться за родителями. Понятие родительского права не должно превращаться в пустую формулу.

Линднер: Родители уже дали оценку в одном существенном пункте. Политически октроированные единые школы не нашли одобрения. Это показал референдум о тогдашних планах коалиции ХДС/ХСС и зелёных планах в Гамбурге.

Я вовсе не хочу подвергнуть эти школьные модели идеологическому бичеванию. Я обращаю ваше внимание только на следующую связь: если такая единая структура реализуется силовыми методами или с применением устаревших способов, когда гимназией пренебрегают, а интегрированным школам, например при предложении групп продленного дня, отдается предпочтение, то родители ищут альтернативы. Это видно в странах английского языка. Государственной единой школе противостоит множество иной раз дорогих частных школ. Я ничего не имею против разнообразия, но это было бы расколом системы образования, чего желать для Германии нельзя. Поэтому я и выступаю столь энергично за наши государственные, бесплатные гимназии. Проблемы их модернизации также нельзя недооценивать. Педагогические методы должны неотложно развиваться далее, если сегодня в некоторых местах явно более 50 процентов детей одного года рождения посещают гимназию.

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ КЛАССЫ? САМЫЕ ЛУЧШИЕ УЧИТЕЛЯ? О ПРИОРИТЕТАХ

Геншер: Ваше указание на бегство в частные школы у нас и за границей — сигнал тревоги для меня, как либерала, видящего в праве на образование гражданское право. Будущее не за школьной системой, которая таким образом отражает имущественное положение родителей.

По моей оценке, в нашей системе образования, во всех формах школы имеется важнейший недостаток, который мы должны преодолеть. Известно, что чем меньше классы, тем лучше удастся раскрывать способности каждого человека. Это простое знание нам надо быстро воплотить в практику. Во времена вроде нынешних мы не можем ожидать, что таланты и способности молодых людей в классе, где может быть до 30 школьников, пробуждаются, осознаются и получают поддержку. При такой численности учащихся у учителя нет шансов в достаточной степени заниматься каждым из них. В долгосрочной перспективе допускать такое количество учеников в классе означает пренебрегать шансами молодых людей на будущее.

Линднер: Ключевое слово здесь индивидуальность. Конечно, величина класса играет определенную роль, но еще большую — квалификация и личность учителей. Это подтверждают и научные исследования. Больше личного внимания отдельным ученикам, а также больше гибкости и прозрачности в образовательной биографии в целом — вот что нам нужно. Непониманием этого страдает, например, реформа гимназии. Почему время обучения в гимназии сокращено для всех одинаковым образом? Одному нужно доучиваться до экзамена на аттестат зрелости 14 лет, другой решит эту задачу за 12, а некоторые, может быть, даже за 11 лет — ведь способности у всех разные.

Но для меня при индивидуальном содействии важно, что мы заботимся о детях и молодежи, нуждающихся в специальной поддержке. Социальная справедливость в том и состоит, чтобы дать всем наилучшие из возможных шансы для старта в жизнь. Но, с другой стороны, существуют высокоталантливые и особо мотивированные молодые люди, которые в равной мере заслуживают нашего внимания. Массовый спорт и спорт высших достижений не противоречат друг другу — нам нужны оба и оба мы должны поддерживать. Я позволю себе заметить, что в высшей степени заинтересованная в учебе, высокоталантливая школьница, обладающая, скажем, природной одаренностью в сфере математики, имеет то же право на интенсивное индивидуальное содействие, например с помощью участия в разного рода вузовских мероприятиях, как и школьник, который не владеет немецким языком, а может быть, даже и своим родным в должной степени. Слишком часто одно противопоставляется другому, как будто содействие лидерам противоречит помощи массам. И то и другое составляют одно целое, это и есть индивидуальность.

Геншер: Согласен. Я уже в середине восьмидесятых годов добивался поддержки такой концепции. Правда, тогда мне пришлось узнать, что в Германии имеется определенная предвзятость против слова «элита». Поэтому следует разъяснить, что речь идет не о наследственных крестьянских дворах и случайностях рождения, а об элите, выбивающейся наверх трудом, усердием и высокими достижениями.

Но я хочу еще раз удостовериться в том, что вы оцениваете финансовую приоритетность этой задачи на будущее так же, как и я.

Линднер: Джон Ф. Кеннеди сказал однажды: «Есть только одна вещь в мире, которая дороже образования, — отсутствие образования». Следовательно, нет сомнений в том, что расходы на образование — инвестиции в индивидуальные жизненные шансы и тем самым одновременно в социальную сплоченность и экономическую конкурентоспособность. Если говорить конкретно, то мы ведь столкнемся в ближайшие годы с демографическими изменениями. Снижающаяся численность школьников — это шанс удержать часть средств в системе и тем самым улучшить качество образования, следовательно применить деньги целенаправленно.

Геншер: Нет, объем средств должен быть увеличен.

Линднер: Помощь отдельному школьнику будет более действенной, если по меньшей мере часть высвобожденных средств продолжает резервироваться для системы образования. Это и рационально.

Геншер: Почему вы так скромны и говорите только о части?

Линднер: Потому что я настолько хорошо знаю ситуацию, например, с земельным бюджетом Северного Рейна — Вестфалии, что не хочу связывать себя показателем в 100 процентов.

Геншер: Тогда это сделаю я: 100 процентов на образование!

Линднер (смеется): Но тем самым вы не упростите мою работу председателя фракции.

Геншер: А у меня и нет такой задачи. Seriously, взяться в финансовом отношении за эту задачу будущего — вызов общегосударственного масштаба. Поэтому так важна и солидарная ответственность федерации. Вот что я скажу приверженцам запрета на кооперацию: это позавчерашний день, это старое мышление.

ПОЛИТИКА, СМИ, ГРАЖДАНИН

Линднер: За прошедшие полчаса, пока мы здесь сидели, на мой телефон пришло более 10 электронных сообщений, мой мобильный показывает два неприятных звонка и три новые эсэмэски. Я всегда в зоне досягаемости, в любое время готов немедленно реагировать и тотчас же занимать определенную позицию. Техника и новые СМИ заставляют нас, политиков, поступать именно так. Я немного завидую тому, что вы могли заниматься политикой без мобильного телефона и интернета, не торопясь и, возможно, поэтому также доходя до сути.

Геншер: Откровенно говоря, я ощущаю это по-другому. Для меня информация, к тому же актуальная, всегда важная предпосылка нахождения лучшего решения. Здесь мы сегодня, несомненно, продвинулись дальше, чем раньше. Можно философствовать о других недостатках, но надежная информация как основа принятия решений для меня большое преимущество. Важна и постоянная готовность к получению информации и принятию решений. В действительности жизнь не знает пауз. Следовательно, и политика, как часть этой жизни, тоже. Поэтому мой избирательный округ Вупперталь был определен для меня вашим тогдашним предшественником на посту председателя земельной организации, Вилли Вейером, с учетом того, что я мог остаться жить в Бонне — он считал важным, что я живу в столице. Кто-то должен находиться в месте нахождения парламента. И в этом смысле он считает меня подходящей фигурой.

Линднер: Вы полагаете, кто-то должен всегда быть досягаем для камер? Это и сегодня не изменилось.

Геншер: Во все времена наша задача — быть посредниками между гражданами и политикой, а также целенаправленно общаться со своими возможными избирателями. Только замечу, между прочим, что тогда каждый депутат должен был представить мне заявление для печати, прежде чем обратиться с ним к общественности.

Линднер: Вы думаете, в моей фракции в Северном Рейне — Вестфалии дело обстоит сегодня по-другому?

Геншер: Я знаю, что вы работаете так же. Я это видел, когда был в гостях в вашей фракции. Но нам не следует делать это достоянием гласности.

Линднер: Я полагаю, это можно обнаружить без зазрения совести. Именно такую позицию я считаю профессиональной. Если коллега выступает с заявлением от имени фракции в целом, я, как председатель, должен обращать внимание на то, чтобы соблюдались совместно принятые решения. Это не цензура, так как каждый отдельный депутат может публично представлять свое индивидуальное мнение. Но если кто-то хочет определить курс для фракции в целом, то принцип «с глаза на глаз» рационален.

Геншер: Вы хорошо объяснили это.

Линднер: Но я хочу еще раз вернуться к вопросу ускорения политики, так как мне важна не только информация, но и политико-парламентский процесс принятия решений. Для максимального числа законодательных предположений по-прежнему существует достаточное время консультации. Иной раз процедуры очень даже долгие. Но множатся ситуации, в которых тщательное и углубленное консультирование едва ли возможно, а то и вовсе невозможно. Парадоксальным образом это касается существенных, по меньшей мере особенно значимых в финансовом отношении вопросов. Давление общества в процессе принятия решений, так называемое вещное принуждение, или давление рынков, таково, что требуются быстрые результаты — тот, кто не принимает решение в режиме реального времени, как мне кажется, больше не соответствует задачам, которые перед нами стоят.

Не только я вижу, что из-за финансового кризиса 2008 года политика тоже находится в кризисном состоянии. В бундестаг направляются сложные предположения объемом в сотни страниц, с которыми едва могут справиться даже эксперты. Информация максимальная, но не оптимальная. Документы должны в кратчайший срок проводиться через парламент. Маленький кружок экспертов должен для бундестага в целом принимать решения небывалой значимости. В мое время в Берлине я неоднократно думал о том, что мы балансируем на грани чрезмерной загрузки парламента.

Геншер: Ваше описание, конечно, верно, но это только отчасти явление своего времени. Как вы уже сказали, многое связано с преодолением нынешних кризисов. Сегодня решения по нашей валюте дискутируются с политической точки зрения, хотя в нормальных условиях их принимал бы Центральный банк. Парламенты выносят решения о новых ситуациях, так как в объединенной Европе определенные вопросы внешней политики неоднократно превращались в вопросы политики внутренней. Давайте надеяться, что скоро мы сможем вернуться к некоторой норме.

Линднер: Правда, участие бундестага в решении вопросов, связанных с европейскими «спасательными зонтиками», было расширено. В принципе, это сле-

дует, конечно, приветствовать — имеет место даже смена парадигмы в интересах сильного парламента. Вот только это повышает в длительной перспективе требования к каждому отдельному депутату.

Геншер: Не только поэтому члены бундестага несут большую ответственность. Принимая решения, они должны мыслить в глобальных и европейских категориях. И научная оснащенность позволит парламенту справиться с этой возросшей ответственностью. Это не подарок депутатам, а предпосылка для принятия качественных решений бундестагом в целом.

Линднер: Консультирование политиков — еще одна, совсем особая сфера. Разве Рональд Рейган как-то раз не сказал в этой связи, что он хотел бы одностороннего советника по экономике? Те же, с кем он работал, всегда говорили: «On the one hand... and on the other hand...»¹ Это пережили и мы. Подумайте здесь о кризисе евро: в советах действительно не было недостатка, да только предлагавшиеся решения часто исключали друг друга.

Геншер: Найти правильного советника — это задача для каждого отдельного носителя права принятия решений. Найти таких экспертов, основываясь на мнении которых он или она может вынести собственное суждение, — это, несомненно, важное свойство успешного политика. К тому же сферы исполнительной и законодательной власти должны быть четко разграничены. Это в том числе позволит избежать перегрузки парламента.

«БЫЛИ ЛИ ВЫ БОЛЕЕ СИЛЬНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ?»

Линднер: Я чувствую, что раньше политики пользовались бóльшим уважением среди населения, хотя требования сегодня скорее повысились. Были ли вы тогда более сильными личностями или избиратели были милостивее?

Геншер: Время было другое. Тот, кто руководит страной или партией, должен взять на себя ответственность. Это значит, что он должен хорошо понимать свое дело, быть убежденным в своих решениях и страстным в своих аргументах. Это имело силу раньше, и это имеет силу и сегодня. Но я полагаю, что в политике долгое время приоритетным был статус. Это связано с периодом

¹ С одной стороны... и с другой стороны... (англ.). Цитируя американского президента, автор прибегает к каламбуру, так как в оригинале употребляется английское слово hand — рука.

становления Федеративной Республики и личностями, которые ее сформировали. Тогда во главе трех классических «партийных семей» стояли три выдающихся человека, обладавших большим жизненным опытом: Конрад Аденауэр в ХДС, Курт Шумахер у социал-демократов и Теодор Хойс у либералов. Федеральный канцлер, лидер оппозиции и федеральный президент. Они воплощали собой, каждый на свой лад, основные координаты: Аденауэр был опытным политическим специалистом с ясной позицией в пользу интеграции в систему западных союзов; Хойс — представителем либеральной буржуазии, который, впервые посетив маневры бундесвера, мог позволить себе легкомысленно заметить: «Да победите же вы, наконец!» Слова, вошедшие в учебники истории. Это было своего рода интеллектуальным разоружением после многовековой милитаризации мышления. Произошла победа Гете и Канта над Тирпицем и Людендорфом. Теперь не «король-солдат»¹ обращался к своим мушкетерам, а президент-гражданин — к гражданам в военной форме.

Этот канцлер и этот президент — счастливый случай. Точно так же как для нашей страны счастливый случай заключался и в том, что, когда СДПГ в Восточной Германии второй раз подверглась преследованиям, там был Шумахер. Его личность объединяла социал-демократическую судьбу недавнего прошлого и социал-демократический вызов современности. Только человек, подобный ему, мог воспрепятствовать усилению влияния коммунистов в Западной Германии. Аденауэр, Хойс и Шумахер, три далеко не молодых человека, сформированных Веймаром², — именно им Германия и обязана движением в направлении демократии. Люди тогда чувствовали это. Они искали ориентир, и нашли его в таких личностях.

Линднер: Думаете ли вы, что это старшинство имело большое значение только в пору становления Федеративной Республики? Я вижу, что сегодня Elder Statesmen³ — вы сами, Гельмут Шмидт, Рихард фон Вайцзеккер и некоторые другие — обладают большим авторитетом в общественной дискуссии, их слушают и просят совета. Обнаруживается большое желание опыта, мудрости, надежности. Может быть, от вас, чьи аргументы имеют историческую перспективу, ожидают ориентировки и движения в отдаленное будущее, в то время как текущая политика часто воспринимается как нечто жаждущее мгновенного результата, жадное до сиюминутных аплодисментов. А это отталкивает многих.

Геншер: Вы думаете так, вероятно, в силу своего возраста, то есть с учетом перспективы более молодого человека. Когда Вальтер Шеель и я возглавили

¹ Прозвище Фридриха Вильгельма I.

² Имеется в виду Веймарская республика, провозглашенная 11 августа 1919 г. и рухнувшая с приходом к власти Гитлера.

³ Политический старейшина (англ.).

СвДП, многие вздыхали: «Да, раньше были люди — Хойс и Делер! А эта молодежь...» Склонность к ностальгии наблюдается всегда. Она существует у всех партий, ибо свойственна человеку.

Линднер: Я все-таки чувствую, что для решения определенных задач необходима особая мудрость, осязаемый жизненный опыт. Когда, например, в 2011 году пост председателя СвДП был вновь занят и со мной обращались как с руководителем партии, я отдавал себе отчет в том, что не смогу взять на себя эту задачу в силу одного уже возраста. Только представьте себе: встреча руководства коалиционных партий, канцлер выходит из своего лимузина, подъезжает седовласый Зеехофер, а потом прибывает третий автомобиль с лидером СвДП, тормозит — и оттуда выходит староста класса.

Геншер: То, что вы так чувствуете, говорит о том, что вы, движимый благоразумием и ответственностью, не поддались возрасту. С другой стороны, я могу вам сказать: одни только прожитые годы еще не формируют хорошего политика.

Линднер: Позвольте мне уточнить: речь идет не об одном лишь жизненном опыте, но также о формирующих силах истории, которые сегодня придают определенным индивидам особый авторитет.

Геншер: Конечно, это верно. В принципе, многие сразу после войны чувствовали потребность в чем-то совершенно другом — в новом начале. Поэтому они проявляли политическую активность, даже если условия жизни — голод, недостаток жилья, утрата родины — и неизвестность относительно судьбы близких угнетали их. Мы никогда не должны забывать о важности поисков ориентира, а также о личных примерах. Сколько было тогда одиноких людей? Они утратили все, что было им близко, что давало им опору, — семью, друзей, родину. И они оглядывались по сторонам в поисках ярких личностей, способных повести за собой.

ИЗМЕНИВШИЕСЯ ЗАКОНЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Линднер: То, что мы по-другому смотрим на это поколение, связано, вероятно, и с изменившимися сегодня темами и законами движения политики. Как вы считаете? Дискуссия ускорилась. Темы стали с технической точки зрения более специализированными и сложными — в большинстве случаев речь более не

идет о направлениях политики. Поэтому быстрее меняется на уровне партийной тактики и информация о существенных вопросах. Нередко «сохраняемость» темы менее 24 часов, то есть слишком часто это вольные упражнения вместо высокой перекладины.

Возьмем, например, последние дебаты в СДПГ о выходе на пенсию в 67 лет. По сути, это важный вопрос договора между поколениями, финансируемости социального государства и избежания бедности в преклонном возрасте. Тем не менее на переднем плане в дебатах стояли аспекты, не относящиеся к делу: хотя ли они этим способом атаковать Левую партию, должны ли они реинтегрировать левое крыло СДПГ, отходят ли от «Повестки дня — 2010» и какое отношение имеет это к Пееру Штайнбрюку?

Геншер: В этом я с вами соглашусь, принципиальные вопросы часто больше не стоят на переднем плане. Скорее ведутся дебаты о том, какое воздействие на общественность оказывают определенные политические действия и что они означают в контексте объединения с другими партиями. Речь идет об имидже, а не о деле. Несмотря на это, у политики есть долг, подлежащий выплате. Долг как дискурсивного, так и содержательного характера, даже если сейчас это звучит старомодно.

Линднер: Я вовсе не считаю это старомодным. Совсем напротив, я убедился в том, что для публики важно, когда политические концепции представляются с ценностной перспективы принципиального или исторического характера. В то же время механизм формирования мнений функционирует в соответствии с совершенно другими критериями: профессиональные наблюдатели в партиях и СМИ не проверяют прежде всего замечание по существу, а немедленно освещают его тактически. Культура дебатов изменилась в первую очередь из-за обострившейся конкуренции между классическими и новыми СМИ...

Геншер: ...что особенно меня интересует, так как в мое время этого, естественно, не было. Как бы вы это описали?

Линднер: Вы как, совсем не живете в интернете? Вот, к примеру, ваши соратники Клаус Кинкель или Герхарт Баум, они-то вполне...

Геншер: Косвенно, пожалуй. А ведь Кинкель и Баум — молодые люди...

Линднер: Вы все-таки читаете эсэмэски, насколько я знаю. С помощью новых СМИ происходит колоссальное ускорение дебатов. Spiegel Online несколько раз в день меняет первую полосу. Одновременно имеет место и более острая конкуренция между СМИ, работающими в режиме онлайн. И здесь-то более недостаточно одного лишь сообщения. Оно все сильнее связывается прямо с

мнением или определенной интерпретацией — и получает, как говорят, раскрутку. По-моему, это часто ведет к чрезмерному вниманию к теме. Я сам не раз замечал, что редакция текста интервью в новостях лишь слабо связана с выраженными в нем позициями.

Геншер: В мое время темп был, конечно, другим. Существовали твердые параметры: ежедневная газета со своей передовой держалась по меньшей мере день, затем радиоинтервью, взятое с утра, делало возможным динамику, Tagesschau¹ подводило вечером итог дня. Проблема, с которой сталкиваемся мы, политики, заключается в том, что мы не можем лично каждому гражданину объяснить свои решения. Но наша задача заключается в том, чтобы убедить общественность, а в лучшем случае привлечь на свою сторону. Лишь так можно сформировать доверие между гражданами и сферой политики. И это же касается наших партнеров в мире. Есть разница между тем, проводит ли какое-либо правительство свою внешнюю политику в форме секретной кабинетной политики или как *res publica*² в самом прямом смысле слова. Если внешняя политика осуществляется гласно, то и партнеры за границей могут положиться на то, что в этой стране не будет внезапных изменений. Их не будет даже при смене правительства. Поэтому коммуникация имеет центральное значение для проведения верной политики. Классический метод — это интервью. Но как бы ни прекрасно было провести беседу длительностью в час, иногда, чтобы разъяснить определенный процесс, вполне достаточно и 10 минут.

Линднер: Эти 10 минут выпадают редко. И вы, если говорить о СМИ, работали, конечно, в другие времена. Если сегодня посмотреть старые выпуски Tagesschau, мы увидим двухминутные интервью в прайм-тайм! Сегодня это надо формулировать так, чтобы...

Геншер: ...послание уложилось в одно краткое предложение!

Линднер: Вот именно. И лучше всего так, чтобы придаточное предложение не могло быть вырезано и оставалось по меньшей мере пять секунд. С другой стороны, возросло и многообразие СМИ. Я считаю это исключительно позитивным, потому что так проявляется индивидуализация общества и становится возможной новая дифференциация.

Сегодня наблюдается непрерывный поток, порождающий все новые истории, аспекты и информационные игры. В Twitter аргумент не должен содержать более 140 знаков. При формулировании позиций имеет силу принцип

¹ Информационная программа ARD, первого канала публично-правового телевидения ФРГ, в России известна под тем же названием — «Тагесшнау», т.е. обзорные события дня.

² Буквальное значение этих латинских слов — «общее дело».

Facebook: «Мне нравится» или «Мне не нравится» — без промежуточных тонов. Раньше не было столь быстрой, как сейчас, рассылки информации. Ошибка или неловкость остается. Подумайте о культовых речах Эдмунда Штойбера¹, которые все еще в памяти или на экране YouTube. Или вспомните Норберта Рётгена², у которого ночью, около 23 часов, вероятно, утомленного за день и не успевшего сосредоточиться, при выступлении по тематическому каналу вырывается: «Что со мной будет, к сожалению, решают избиратели». Может быть, он даже воспринимал сказанное иронически. Предложение было затем распространено по YouTube и другим каналам, превратилось в результате в политическую тему за гранью этически допустимого. Сказанное больше нельзя удалить.

Геншер: Я пережил мои Канны в первый же год в бундестаге, когда большая коалиция была только что создана. Так вот, я стоял на трибуне в парламенте и хотел сказать: «Для создания чего-то подобного мы не протянем руку», но начал, полностью свихнувшись в риторическом отношении, с замечания: «Мы плохой партнер...» Я-то хотел продолжить: «...для того-то и того-то...», но до этого так и не дошло. После первой половины, которую я успел сказать, последовали бурные аплодисменты ХДС и СДПГ. Это врезалось мне в память — пусть бы такого никогда больше со мной не случилось! Я мог бы дожить до 100 лет, но этого никогда не забыть!

Линднер: Этого не забыл бы и мир, если бы в YouTube был клип той речи. Я рассказываю обо всем этом спокойно, поскольку с новыми возможностями в равной мере связаны как шансы, так и риски. Я только нахожу сомнительным, что возможности спокойного анализа утрачиваются, если приходится оценивать, решать и общаться в режиме реального времени. Я вспоминаю о беседах в коалиционном комитете в Ведомстве федерального канцлера. Ангела Меркель еще не в полной мере составила свое мнение о предмете консультаций, а первые сообщения об этом уже появились в интернете. Это ведет к утверждениям, к которым по прошествии некоторого времени, в конце вечера или на следующее утро, едва ли возвращаются. Если что-то о беседах в коалиционном комитете снова проникало во внешний мир, подозрения большей частью падали на меня. Я был молодым человеком, симпатизировавшим iPhone, но я был абсолютно невиновен.

¹ Немецкий политический деятель (род. в 1941 г.), в 1999–2007 гг. председатель ХСС, в 1993–2007 гг. премьер-министр Баварии.

² Немецкий политический деятель (род. в 1965 г.), в 2009–2012 гг. федеральный министр по охране окружающей среды, охране природы и ядерной безопасности.

«ВЫ ВЕДЬ И ГАЗЕТУ ЧИТАЕТЕ, Г-Н ЛИНДНЕР?»

Геншер: Основываясь на своем опыте, я могу только сказать: я считаю в высшей степени важным активное общение, интервью в электронных и печатных средствах массовой информации. Несмотря на все мрачные предсказания, люди все еще читают. Вы ведь читаете и газету, не так ли?

Линднер: Да, но не бумаге, а в электронных вариантах, которые доступны уже вечером накануне.

Геншер: Во всяком случае, я всегда хорошо сотрудничал с журналистами — по крайней мере, с большей частью. В остальном же всегда придерживался принципа: «Но судьба хитра и жива, // Краток с ней союз счастливый»¹. А у вас как обстоят дела с прессой?

Линднер: Ну, я женился на журналистке, но, помимо этого исключения, я пытаюсь соблюдать профессиональную дистанцию. Даже если мы и дошли до прекрасных сторон деятельности СМИ, в числе которых для меня и возможность создавать социальные сети вроде Facebook или Twitter. Ведь они позволяют вести более интенсивный диалог с гражданами. Это я и использую. Имеются вопросы, при ответе на которые можно не торопиться с собственным суждением. Такие вопросы я размещаю как открытые — например, однажды шла речь о том, не следует ли снизить до 16 лет возрастной избирательный ценз на выборах в ландтаг в Северном Рейне — Вестфалии. В течение двух-трех часов на них поступает иной раз более 100 ответов, в том числе очень серьезные и систематизированные аргументы, идущие мне на пользу. Вот что приносит множество людей одному человеку.

Геншер: Если я правильно понимаю, так работает и Пиратская партия.

Линднер: В принципе, да. Пираты применяют еще и другие, внутренние платформы. Традиционные партии могут кое-что из этого подсмотреть, процесс идет у нас и у других полным ходом. Но нельзя забывать: это технические инструменты, обогащающие диалог и процесс формирования общественного мнения. Проблема Пиратской партии заключается между тем в том, что она спутала средства с содержанием. Если случайно сложившиеся группы принимают решения в интернете, то постоянство отсутствует. К слову сказать, я наблюдаю у депутатов пиратов в ландтаге, что партия, с одной стороны, осуждает фракционную дисциплину у своих соперников — что является следстви-

¹ Из «Песни о колоколе» Ф. Шиллера.

ем внутреннего разделения труда и намерения сделать основные направления узнаваемыми и различимыми. С другой же стороны, она заставляет связать их собственное электоральное поведение с вотумами из интернета. Это разве не своего рода императивный мандат!

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Геншер: Тем самым мы пришли к теме парламентаризма. В эти дни мне пришлось порядком поездить на автомобиле и я подключил Phoenix, потому что хотел послушать, что как раз сейчас происходит в бундестаге. И вот председатель провозглашает: «Я объявляю: пункт повестки дня 23, законопроект о сокращении времени дебатов. Фракциями согласовано время дебатов в 90 минут». С чем парламент и смирился. Девяносто минут! Просто было принято решение, сколько времени могли продолжаться дебаты, и всем пришлось на это ориентироваться. Я всегда выступал против распределения времени в зависимости от силы фракции.

Линднер: И вы добились в этом успеха?

Геншер: Время на выступление было неодинаковым, но царила ясность. Фракции сами себя дисциплинировали. Во времена первой большой коалиции, в 1966 году, я заявил на совете старейшин, что у нас теперь новая ситуация. Большая коалиция располагала наконец 90 процентами мест в парламенте. Мы, СвДП, остались в оппозиции, и поэтому наши права могли определяться не только величиной фракции. Представители двух больших партий поняли и приняли это. Куда большим злом мне казалось позже это распределение времени на выступления.

В дебатах по восточной политике Густав Хайнеман и Томас Делер выступали между 22:00 и 24:00 — это не ограничивалось, и более того — никто не знал, как долго они будут говорить. Но никто не сказал бы г-ну Хайнеману или г-ну Делеру, что им надо теперь прекратить, их время истекло.

Линднер: При нормальной работе парламента сегодня едва ли можно себе это представить.

Геншер: К этому можно добавить: сколь красив зал пленарных заседаний в рейхстаге, куда свет может проникать сверху, столь же дезинтегрирующе он действует.

Линднер: А что вам мешает?

Геншер: Он не объединяет людей. Красивее всего для меня как оратора была водопроводная насосная станция, заменитель парламента в Бонне, прибежище до лучших времен.

Линднер: Потому что было тесно, почти как в нижней палате британского парламента?

Геншер: Друг против друга мы, правда, не сидели, но в остальном было очень похоже на лондонский парламента. Это создавало совсем другую атмосферу.

Линднер: Это я могу понять. Как парламентаский оратор, я знаю бундестаг и ландтаг Северного Рейна — Вестфалии. Дискуссии в Дюссельдорфе интенсивнее, так как вы непосредственно в контакте с коллегами. В Берлине можно хуже реагировать на реплики — потому лишь, что вы их нередко не можете воспринять чисто акустически.

Геншер: Германский парламентализм в целом и организован на немецкий лад. Прямо-таки до мельчайших подробностей. Даже если раньше это требовало большего времени, а также говорили люди, нервировавшие остальных, то все равно свободнее значит лучше, так создается другой дискуссионный климат, и именно в этом нуждается политика. Не в последнюю очередь парламента означает для меня большие ораторские дарования, которые будоражат, волнуют — да просто заставляют размышлять. Только представьте себе — Карло Шмид, Гельмут Шмидт, Фриц Эрлер, Герберт Венер, а также Вилли Брандт, хотя он остался в моих «парламентских» воспоминаниях, конечно, лишь как федеральный канцлер. А у нас — Томас Делер или Вальтер Шеель во время своей великолепной речи против вотума недоверия Вилли Брандту. Если на кафедре стоял Делер, люди приходили в зал пленарных заседаний и на трибуну и им было все равно, на какую тему он говорил. Они хотели только послушать его выступление, так как знали, что пришли не напрасно. Блестяще выступали и политики ХДС Конрад Аденауэр, Франц Йозеф Штраус, Курт Георг Кизингер. Дискуссии по восточным договорам, Общему договору и вступлению в НАТО действительно были звездными часами парламента. И если я говорю о великой речи — мы об этом уже упоминали, — то вновь и вновь возвращаюсь к исторической речи Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая 1985 года.

Линднер: Уж точно легендарной. Я бы, кстати, не сказал, что все без исключения ораторы сегодня хуже. Вот только слишком часто, на мой взгляд, зачитывают заранее приготовленные речи. Тогда отсутствует темп, полемика с предыдущими ораторами. В этом смысле реже и звездные часы. Мы снова пришли

к полемике вокруг направления. Сегодня я воспринимаю как звездные часы дебаты, ведущиеся без фракционной дисциплины. Например, об исследовании стволовых клеток, то есть о таких вопросах, которые не обсуждаются согласно регламенту, поскольку отдельный депутат не должен представлять боевую позицию своей фракции, а говорит, руководствуясь собственной внутренней мотивацией. Помимо этого, политический дискурс в значительной степени переместился в ток-шоу. Это не следует обязательно считать вредным. Политика стала в результате этого чуть ближе к людям, так как они могут каждый вечер у себя в квартире с небольшого расстояния наблюдать народного представителя, и когда он выдвигает аргументы, и когда его охватывают приступы ярости, то есть именно как человека. В отсутствие дистанции, конечно, утрачивается и нимб. Раньше было более дозировано, больше раундов перед выборами, двух-, трехчасовые передачи...

Геншер: Четыре часа! С 20:15 до полуночи. По четвергам...

Линднер: ...в прокуренных черных студиях. В официальной атмосфере. Исчерпывающие комментарии с затянутыми рассуждениями сегодня увлекательный документ своего времени, но это уже история.

КОНЕЦ ТРАДИЦИОННЫМ ПАРТИЙНЫМ ПРЕДПОЧТЕНИЯМ — ШАНС ДЛЯ ЛИБЕРАЛОВ?

Геншер: Я хочу затронуть еще один аспект. Политика сильнее увязывается с личностями, и здесь-то произошла деидеологизация. Это заметно, например, когда г-н Штайнбрюк говорит, что ему надо немного свободы движений. Это в точности описывает положение.

Традиционная партийная принадлежность, когда католики избирают ХДС, а те, кто работают как проклятые, — СДПГ, ушла в прошлое. Я всегда говорил, что, если эта привязка перестала существовать, то пробил час СвДП. Теперь такой привязки нет, но наше великое время, несмотря на это, не наступило. Еще не наступило. Это, г-н Линднер, ваша задача, как и всего молодого поколения.

Линднер: Интересно, однако, что партии по-прежнему играют в нашей политической системе преобладающую роль, но они больше не монополизируют дебаты. Существуют многие другие акторы. К тому же партии больше не врастают в общество столь сильно, как раньше, так как у всех уменьшается коли-

чество членов и осталось меньше формальных связей с отдельными общественными сферами. Церковь больше не эксклюзивный домен Союза¹, Партия «зеленых», например, сблизилась с Евангелической церковью. То же и профсоюзы, не позднее появления «Повестки дня — 2010». И это значит, что партии больше не интегрируют большие группы населения. Имеются тенденции в направлении американизации, когда исход выборов определяется обращением к колеблющимся избирателям. Там партии являются профессиональными организациями для ведения предвыборной борьбы, просыпающимися накануне избирательной кампании, в остальное же время проявляющими лишь малую активность. В Германии в этой связи размышляют о «членстве на манер флюгера» или вокруг какого-либо проекта. Это меняет характер организации под названием «партия».

Геншер: Нам, конечно, поможет и федерализм, если партийная политика не станет слишком уж теоретической. У нас три уровня выборов — коммунальные, выборы в ландтаг и выборы в бундестаг. Следовательно, партии должны три раза отдавать себя на суд избирателей. Это мобилизует и усиливает возможности содействия граждан.

Линднер: Я по-прежнему приверженец идеи членской партии, поскольку только так можно сохранить общественные связи. Как профессиональный политик, я не могу ощущать каждый аспект социальной жизни. Но обратная связь с собственным партийным базисом, с теми, кто добровольно работает на местах в коммуне, работает по определенной профессии вне политики и вне государства, необходима и, возможно, будет становиться еще важнее. Это не может и не должно быть заменено исследованием общественного мнения.

Спорить можно только по поводу того, как снова сделать эту идею привлекательной. Членство в партии, не сводясь лишь к признанию определенных политических взглядов, давало раньше известную информационную фору. Сегодня это уже не так. Но возможность влияния в качестве члена партии осталась — и мы должны ее усилить, еще более вовлекая массы. Самые последние первичные выборы первых кандидатов «зеленых» или решение членов СвДП в пользу европейской политики являются примерами того, как можно таким образом мобилизовать людей. Это делает партию интересной. Кстати, в кадровых вопросах СвДП слишком мало пользуется этой возможностью, особенно в сравнении с решениями членов партии в вопросах фактического характера, где мы активнее других. Новые СМИ позволяют к тому же активнее вовлекать членов партии и граждан в целом в процесс формирования общественного мнения и дискуссию — если они этого хотят. Следовательно, у нас сегодня другой набор инструментов, чем был в ваше время.

¹ ХДС/ХСС.

ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Геншер: Давайте от внутривнутрипартийного участия рядовых членов партии отступим на шаг назад — к народным опросам, народным инициативам и плебисцитам. Что вы думаете об этом?

Линднер: Здесь мы можем больше доверять гражданам. Те, кто стоял у истоков Конституции, были в этом смысле очень сдержанны. Я, правда, не верю, что нашу политическую систему можно было бы или следовало бы преобразовать по аналогии со швейцарской. В моих глазах и прямая демократия не является чудодейственным средством: она не усиливает ни отдельного гражданина, ни дифференцированного решения, которое может быть выторговано в парламенте. В стареющих обществах могла бы возрасти опасность того, что интересы современности возобладают там, где решения касаются следующих поколений. Следовательно, прямая демократия для меня не замена представительной, а только — или все-таки — рациональное дополнение нашей партийной демократии. И притом в качестве поправки к решениям, которые принимаются в парламенте представителями народа, если спорные темы нуждаются в разъяснении и демократической ясности.

Геншер: Я чувствую, что мощь, с которой новые формы участия граждан вторгаются в политическую систему, столь огромна, что мы не можем от нее закрыться.

Мне представляется, что политика, в принципе, открыта для большего участия граждан, она всего лишь не знает, с помощью каких технических возможностей интегрировать этот новый потенциал в свою практику. Я же приверженец классической формы участия через народный опрос, как он, например, применялся в «Штутгарте-21».

Линднер: Это для меня наглядный пример случая, когда в силу обоснованных причин использоваться референдум. Процесс показал прежде всего, что мы, политики, не должны позволять вводить нас в заблуждение отдельным группам интересов, которым благодаря громогласным выступлениям, присутствию в СМИ и кампаниям в социальных сетях удается создать впечатление, что за ними большинство. Плебисцит в конце ясно показал, что противники строительства вокзала были в меньшинстве — хотя среди общественности преобладало представление о том, что весь Баден-Вюртемберг защищается от этого проекта руками и ногами. В этом отношении социологический опрос имеет примиряющий характер, он обнаруживает, что между опубликованными данными этого опроса и реальным общественным мнением существует различие. Либеральная гражданская демократия вовсе не популистский уличный трибунал, а в республиканском смысле обеспеченное средствами правового государства самоуправление граждан с помощью граждан и для граждан.

Геншер: «Штутгарт-21» показал нам, что может произойти, если воздействие, которое оказывают на политику социальные СМИ и граждане, становится слишком сильным. Спонтанное возмущение хорошо организованных меньшинств превратилось в волну, угрожавшую смять тех, кто принимает политические решения.

Линднер: Потому-то я полагаю, что классические инструменты прямой демократии должны сохраниться, ибо возможности участия и выражения воли, которые сегодня предлагает интернет, могут направить на ложный путь. Я также критически оцениваю народное законодательство, то есть прямое голосование о законе, так как необходимые корректуры законопроекта в ходе консультационной процедуры больше невозможны. Я предпочитаю этому политическое выражение воли народа, оставляющее пространство для конкретной специальной реализации в парламенте.

Может быть, парламентаризму не повредит немного институциональной фантазии? Я, например, предложил однажды, чтобы по конкретному поводу парламент пригласил случайно избранных граждан в «гражданскую палату». Они проводили бы экспертные слушания и разрабатывали «гражданскую экспертизу» в качестве рекомендации парламентариям. На коммунальном уровне был накоплен хороший опыт в сравнимой ситуации. Внутри СвДП я в бытность генеральным секретарем федеральной партии тоже экспериментировал в этом направлении. Тогда я попросил рядовых членов партии проработать сначала предмет дискуссии на федеральном партийном съезде. Для меня преимущество очевидно: этим способом можно обрести новое согласие с необходимыми, но непопулярными решениями, так как никто не сможет упрекнуть избранную случайным образом «гражданскую палату» в том, что она следует мнимым лоббистским интересам или уходит от проблем действительной жизни. К тому же для использования такого инструмента не надо изменять ни один закон, так как речь идет о неформальной процедуре.

Геншер: Эта идея похожа на привлечение неспециалистов в судебной системе. Почему бы и нет? Повредить такой эксперимент не может.

Вот мое мнение: профессия политика во многих отношениях изменилась. Политик должен владеть ремеслом общения со СМИ и в социальных сетях. Но одно остается, и притом на все времена: в основе успеха или неудачи лежит личная надежность и страстное стремление побороться за собственные убеждения. Бывают ситуации, когда следует на что-то решиться и приходится, что называется, вырвать свое сердце, чтобы отдать его людям. Только тот, кто готов на это — и люди это чувствуют, — обретет ту степень доверия, без которой в долгосрочной перспективе в политике не устоять. Так обстояло дело в древних Афинах, так было в мое время и в ваше время тоже так.

РАЗВЕРНУТЬ ЗНАМЯ ЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Линднер: Г-н Геншер, в первом кабинете Брандта вы, как министр внутренних дел, были ответственны и за тему окружающей среды. Когда вы занимали этот пост, возникла первая экологическая программа правительства в Европе вообще, а на первой конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 году в Стокгольме вы выступили с речью о немецкой политике защиты окружающей среды, хотя Германия еще не входила в ООН. Это была новаторская работа. Правда, сегодня политика охраны окружающей среды связана с другой партией. Не недооценили ли мы тему — мы как СвДП?

Геншер: Тогда нет, позже — да. В 1969 году еще не говорили о кислотном дожде, озоновой дыре или даже об изменении климата. Несмотря на это, нам было ясно: нужны правила для защиты естественных основ жизни. Эта тема волновала и моего коллегу министра Хорста Эмке — тогда близкого сотрудника Вилли Брандта и главу ведомства федерального канцлера. Вот мы и собрались обсудить ее. Мы были едины в том, что ответственность следует возложить на независимое ведомство, не обремененное какими-либо интересами. Но это означало также, что следовало вообще установить компетенции федерации. Она ведь практически не обладала компетенциями в важных сферах экологической политики. Удивительно, да к тому же в высшей степени ответственно, было то, что Союз, находившийся в резком противоречии с правительством из-за его внешней политики, в бундесрате согласился с изменениями в Конституции, которые были нам нужны. Здесь было уже очевидным влияние тогда еще «молодого человека из Майнца», Гельмута Коля, который хотел сделать свою партию перспективной.

Линднер: Я считаю достойным внимания, что эта сфера была вверена вам как тогдашнему министру внутренних дел, а не, как можно было ожидать вначале, министерству сельского хозяйства и продовольствия, имеющему отношение к природным основам жизни. Вместо этого был избран концептуальный подход, который вполне можно назвать либеральным. Речь идет о методе, реализуемом через конституционное право, и правовых предписаниях, направленных на защиту общественного порядка. «Расходы по охране природы — это издержки производства», — говорилось на сей счет во Фрайбургской про-

грамме. Это было для меня дальнейшим последовательным развитием принципов ордолиберализма¹. Здесь добавилось только кое-что новое, а именно что нужны правила в обращении с естественными ресурсами, которые прежде казались неограниченно доступными.

Рынок эффективно преобразует сигналы дефицита, но для этого сами эти сигналы должны быть. Если блага не имеют цены, рынки не могут функционировать. В этом случае экологические расходы перераспределяются между регионами мира и поколениями. Это незаконное ограничение свободы. Таким образом, государство должно установить абсолютный предел нагрузки и дать цену результатам, которые, например, отражаются в балансе предприятия, а не формируются рынком. Это было новое мышление.

Геншер: Да, это принцип компенсации ущерба за счет виновного. Именно по этой причине должно существовать ведомство, деятельность которого не определяется чьими-либо интересами, например только интересами сельского хозяйства или экономики. В этом смысле ощущался подъем — многое было продумано на шаг вперед, тема висела в воздухе, мы считали ее существенной и отнеслись к ней серьезно. Но должен вам признаться: если я на своих предвыборных мероприятиях начинал говорить об охране окружающей среды, то многие люди смотрели на меня скорее удивленно. Очевидно, эта тема тогда еще не вошла в их сознание.

Для меня незабываемо, что великий либерал, председатель партии Райнхольд Майер уже в 1957 году сделал темой предвыборной борьбы чистую воду на альпийском лугу. Опытный, дальновидный политик, он знал, как можно сделать популярной проблему, которая естественным образом заботит гражданина. Четырьмя годами позже и Вилли Брандт показал себя не менее проницательным — с весьма осмеивавшимся и вышучивавшимся тогда требованием голубого неба над Руром.

Линднер: Я и по сей день считаю эту идею важной и выигрышной для либералов. Те, кто выступают за свободу людей, должны осознать: имеются конечные ресурсы. Экосистемы обладают абсолютными пределами нагрузки. Однажды вымершие виды — утрачены. Без свежего воздуха и чистой воды, без неповрежденной почвы и стабильного климата жизненные шансы людей оказываются ограниченными.

Геншер: Вы сказали сейчас, почти между делом, кое-что для меня принципиально важное. Хотя понятие «охрана окружающей среды» только благодаря мне и стало приличным, для меня оно в этой формулировке все-таки недоста-

¹ Ордолиберализм (от лат. *ordo* — порядок и *liberalis* — свободный) — немецкая ветвь неолиберализма.

точно показательно. Дело в том, что речь шла прежде всего не об окружающей среде как таковой, а об окружающей среде, достойной человека. Естественные основы жизни — для кого же? Для человечества! «Либеральный» означает, на мой взгляд, что в центре всех рассуждений стоит человек. Так и здесь. Здесь речь идет о жизненных шансах, или, лучше сказать, о шансах на выживание. При таком взгляде охрана естественных основ жизни — это и тема свободы, свободы личного саморазвития.

Линднер: Об этом следует вспомнить, если имеет место случайное метафизическое преувеличение экологической идеи. Экологические заповеди должны исполняться с учетом критериев пропорциональности. Ведь и в охране окружающей среды цель не оправдывает средства. Так как мы не все можем знать и не все поддается планированию, средства могут стать самостоятельными и превратиться в свою противоположность. Мы наблюдаем это повсюду, если в рамках определенного эколого-эгалитарного идейного направления предпринимаются попытки поставить природу над человеком. Наконец, человек имеет право на развитие. Почему СвДП отказалась от этой авангардной роли?

Геншер: Уже на нашем федеральном партийном съезде 1977 года в Киле стал очевиден скепсис в отношении мнимых издержек охраны окружающей среды. С помощью экономических аргументов было заторможено устремление к проведению современной и прогрессивной политики защиты окружающей среды. Это был если не перелом, то все же изменение направления внутри СвДП. К этому моменту СвДП отказалась от того, что вы, г-н Линднер, оцениваете по достоинству, когда описываете нас как первую партию, которая с Фрайбургской программой и введением поста министра охраны окружающей среды с 1969 года была в выигрыше именно благодаря природоохранным темам. Этой авангардной роли в делах экологической политики СвДП предпочла роль скептика.

Линднер: Тем самым она уступила место Партии зеленых. Это прискорбно не только для нашей партии. Экологические аргументы сегодня вообще скорее классифицируются как левые, так как зеленые захватили это поле и преобладают в дискурсе с огромным преимуществом в силу предполагаемой компетенции.

Геншер: Однако правда и то, что, когда в 1982 году прекратило существовать правительство СДПГ — СвДП, в столе у тогдашнего министра Герхарта Баума лежало несколько готовых экологических законов. В повестку дня правительства они не попали, так как и в СДПГ существовали большие сомнения относительно дальнейших шагов в деле охраны окружающей среды — из-за предполагаемых интересов рынка труда. Бог ты мой, как выглядел бы сегодня наш рынок труда без рабочих мест в сфере экологических технологий! Поэтому я, как министр внутренних дел, проповедовал тогда по всей стране: у того, кто

сегодня обладает экологическими технологиями, завтра будут рабочие места. Новый министр внутренних дел Фридрих Циммерман в 1982 году ошеломил общественность рядом экологических законов, которые в столь короткое время невозможно было разработать. В действительности реализованы были проекты Баума.

Но вы только что сделали интересное замечание. Вы сказали, что, так как политики, игравшие тогда решающую роль, все более пренебрегали новой темой, другие, и притом достаточно тесно связанные с левыми идеологиями, взяли ее на вооружение. Так тема окружающей среды стала для некоторых людей якобы левой темой. Я никогда не мог этого понять, но так дело и обстояло.

Линднер: Это имело последствия и для самого дела. Политика защиты окружающей среды сегодня слишком редко, как я полагаю, формируется исходя из идеи формирования хозяйственного строя. Слишком часто государство отдает команды, выходящие за пределы установления определенных рамок. Это фундаментально изменило подход. Интересно, что социолог Ульрих Бек, сравнив подобную тенденцию с китайским авторитарным государственным капитализмом, сказал, что некоторые его «друзья из экологического движения и движения в защиту климата что-то слишком уж заигрывают с этой фигурой экологического регулирования сверху».

Если, например, рассмотреть природоохранную политику Партии зеленых, то окажется, что каждая сфера жизни должна вплоть до деталей определяться законодателем и подвергаться бюрократическому контролю. Вплоть до производящих прямо-таки комическое впечатление запретов на мотороллеры и пластиковые пакеты. Все-таки зеленым в глазах широкой общественности удалось привязать экологическую ответственность к левому пониманию политики, согласно которому общественные изменения должны планироваться для всех нас доброжелательными политиками за зеленым столом. Отдельный человек должен этой политике подчиняться. Образ мыслей становится важнее эффективности. Тем самым свобода индивида подвергается опасности равным образом со стороны естественных основ, находящихся под угрозой, и экологизма, действующего почти тоталитарными методами. Предполагается, что жизнь в условиях свободы не гармонирует с деятельностью сообразно экологическим критериям. Вот задача, которую либералам предстоит решить заново, — установить равновесие между желаниями людей, направленными на развитие, и действительно эффективной защитой естественных основ жизни. И сделать это под свою собственную ответственность.

Геншер: Как бы вы описали эту идею формирования хозяйственного строя?

Линднер: Сегодня мы говорили бы о политике формирования хозяйственного строя или социально-экологическом рыночном хозяйстве, которое считается

как с частной, так и с экономической свободой. Детальное регулирование, навязывающее биотопливо и запрещающее лампы накаливания, препятствует более творческим решениям. Такие отдельные решения обнаруживают мышление в несколько мелочных категориях. В этой ситуации коренные целевые установки вроде энергетической эффективности лучше подходят для того, чтобы использовать конкуренцию как движитель инновации, фактор снижения издержек и метод, способствующий появлению новых технологий. Подумайте о торговле квотами на вредные выбросы, введенной в Европе для защиты климата: определялись права на загрязнение (тяжеловесное понятие!), ориентирующиеся на количество допустимой нагрузки в течение года. Соответствующие сертификаты становятся предметом торговли, но в целом теряют в стоимости. Следовательно, имеется экономический критерий избежания вредных выбросов — только отдельное предприятие само может решать с производственно-экономической точки зрения, приобретать ли новые сертификаты, или лучше инвестировать в экологические технологии. Если сбережение ресурсов представляет собой личный экономический интерес, то люди ищут лучший путь. Следовательно, надлежит поставить рыночную экономику с ее инновационной силой на службу окружающей среде, а не противопоставлять экономику экологии!

Геншер: Я тоже так считаю. Вот различие с зелеными, более того — фундаментальная противоположность им. Зеленые мыслят бюрократически, в то время как мы говорим, что целей следует достигать с помощью средств, отвечающих требованиям рынка. И в этом мы едины. На мой взгляд, было бы хорошо, если бы СвДП снова приняла этот мяч.

Линднер: Концепции экосоциального рыночного хозяйства давно уже существуют...

Геншер: ...тогда дело лишь за тем, чтобы развернуть знамя!

Линднер: Да, ведь мы столкнулись с гигантскими вызовами именно в сфере устойчивости и сбережения естественных основ жизни. Я говорил об изменении климата. К этому добавляется переход от экономики потребления к экономике эффективности, так как в мировом масштабе становится все меньше ресурсов — воды, нефти и газа. Если все это, если эта глубокая трансформация экономики и общества, предстоящая нам в ближайшие три-четыре десятилетия, будет отдана на откуп исключительно левому политическому спектру — и, соответственно, тем, кто ориентирован на государство, — то все потерпит крах. Когда-нибудь люди взбунтуются против запретов и снижения их благосостояния. Можно уже сегодня понять в ходе нарастания расходов на электроэнергию, что уровень одобрения энергетического поворота в целом снижается. Это сигнал тревоги.

БЫЛ ЛИ ПРАВИЛЕН ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ?

Геншер: Сам же энергетический поворот я считаю правильным. В ходе дискуссии о ядерной энергии две позиции не были в достаточной степени прояснены. Это, во-первых, тезис об управляемости технологии, сомнительность которого наглядно показала нам катастрофа в Японии. Во втором случае речь идет о сокрытии огромных расходов на субсидии для ядерной энергии, включая будущие траты на захоронение отходов. Ядерная энергия предлагалась как недорогая, но из-за этих скрытых расходов она в действительности такой не является.

Линднер: Согласен. Но теперь речь идет уже не о цели, достойной одобрения, а о правильном пути. Федеральный президент совершенно обоснованно, на мой взгляд, охарактеризовал предшествовавшую энергетическую политику выражением «плановое хозяйство». Как по-другому можно это назвать, если стоимость электроэнергии только наполовину состоит из расходов, а все остальное — это налоги, сборы, исключения и отчисления? Государство содействует и регулирует, где только может. Например, оно субсидирует новые сооружения и оборудование, финансирует мощности электростанций в узких местах и страхует операторов сетей от риска наступления ответственности. Гарантированные цены и гарантированная закупка для альтернативной энергии — таковы были удобные инструменты на рынке товаров и услуг, слишком малом для сильной конкуренции. Хотя мы, к счастью, можем говорить о массовом рынке, такие инструменты все еще существуют. Это без всякой на то необходимости делает энергетический поворот дороже и рискованнее, чем он мог бы быть. Следует отдать предпочтение конфигурации рынка и содействия со стороны государства. Это побудит продавцов стимулировать технический прогресс и устанавливать более благоприятные цены. Инновация, немецкая добродетель, — вот в чем ключ. Это открывает и новые возможности на мировом рынке. Напротив, чрезмерное субсидирование тормозит техническое преимущество. Оно искажает.

Лучший пример этого — солнечная энергия. Хотя в наших широтах и не растут апельсины, на Германию приходится половина всемирной мощности фотовольтаики. Благодаря содействию государства. Вместо этого следовало бы возложить ответственность за большую эффективность на конкуренцию, сформировать в Германии правильный энергетический баланс. Не в последнюю очередь это и вопрос справедливости, так как инвесторы могут за счет сообщества получить проценты, которые потребителям электроэнергии приходится доставать из не особенно пухлых кошельков. Чтобы меня не поняли превратно: я не упрекну фермера, если он в рамках существующих законов поставит на крыше своего сарая солнечную установку — в Баварии становится

все больше крыш с солнечными установками даже и без сарая под ними. Но задача политики в том и состоит, чтобы как можно быстрее откорректировать эти законы в интересах общего блага.

Геншер: Это было моим аргументом уже тогда. Повторяю: тому, в чьих руках сегодня технологии для охраны окружающей среды, завтра принадлежат рынки. Зеленые бы так не сказали. Будучи либералом, я говорил уже в то время: люди, поймите, мы можем быть лидерами рынка! И сегодня мы действительно таковы. В социальном рыночном хозяйстве охрана окружающей среды станет не экономическим тормозом роста в результате бюрократизации, а двигателем роста благодаря динамике рынка.

Линднер: Для обеспечения этой динамики следует создать условия. Планирование должно быть заменено рыночными ограничениями. Следовательно, альтернативные энергии, во-первых, не должны больше зависеть от места их размещения, а их подключение к сети и экономичность должны субсидироваться с установленным возмещением. Цель, как я только что сказал, — конфигурация рынка, в которой наиболее благоприятные технологии и лучшие места размещения производства определяются в ходе конкуренции. С такой реформой Германия успешно реализует энергетический поворот — но при малых расходах и с низкими рисками. Во-вторых, там, где в региональном масштабе еще не развиты сети для аккумулирования энергии, произведенной альтернативными способами, Федеральное сетевое агентство должно быть готово предоставить субсидии для создания нового оборудования или его загрузки. Это же бессмысленно, когда потребители электричества должны платить за энергию, которая не может использоваться!

В-третьих, необходимо объединенное руководство проектом. В этом смысле я разделяю требование Пеера Штайнбрюка, который хотел бы объединить полномочия в министерстве энергетики. Разделение труда между федеральным министром экономики, который должен обращать внимание на конкурентоспособность и стабильность сети, и федеральным министром окружающей среды, успех деятельности которого, напротив, до сих пор определялся темпом достройки и величиной миллиардных дотаций, больше меня не убеждает. Министр экономики должен, на мой взгляд, быть и министром энергетики. Ввиду гигантских задач и большой потребности в согласовании на европейском уровне настоятельно необходимо управление проектом из одних рук. Вообще, об этих вопросах мы слишком мало думаем в европейском контексте. Представление о немецкой энергетической автаркии, на мой взгляд, больше не соответствует духу времени. Напротив, европейский энергетический внутренний рынок мог бы в перспективе связать солнечную энергию из Греции с водохранилищами в Швейцарии.

Геншер: Согласен. Но я хочу еще раз расширить перспективу: в 2050 году на Земле будет жить, вероятно, 10 миллиардов людей...

Линднер: ...и если нынешнее развитие продолжится, то расходование природных ресурсов поставит под вопрос судьбу человечества. Вот это подлинный вызов.

Геншер: Поэтому и встает вопрос о том, в достаточной ли степени политика учитывает новые реалии. Я придерживаюсь мнения, что вся экологическая политика должна стать более действенной, а не более бюрократической или препятствующей росту. Это связано как раз с тем, что все больше людей живут на этой земле и образ их жизни меняется. Я всегда говорил, мол, представьте себе, если в Китае на душу населения будет так много автомобилей, как в Германии. Что означает хотя бы одно это — при тех же правилах, что и у нас?

Экологическая политика была в 1969–1970 годах чем-то новым. И сегодня ее следует продумать заново. Я хочу один раз сформулировать со всей принципиальностью: мы привыкли осмысливать многие вещи прежде всего в национальных рамках, затем в рамках Европейского сообщества, в рамках стран с рыночной экономикой, но в действительности всегда и в контексте конфликта между Востоком и Западом. Долгое время именно этот конфликт между системами влиял на многие наши политические решения и политика реализовывалась в его тени. О грубом пренебрежении охраной окружающей среды в социалистических государствах говорили мало. Это закончилось в 1989 году. Теперь мы находимся в фазе, которую описываем в категориях глобализации. Она действительно требует от нас, чтобы на все вопросы, на которые мы ищем ответы, мы ответили на новой, другой основе, но она и дает нам шанс. Теперь глобализация влияет на все.

Это значит, что конкуренция, когда-то национальная, стала всемирной — раньше она происходила только между индустриально развитыми странами. Стабильности можно сегодня достичь лишь в глобальном режиме — мир сросся так, что больше нет отдаленных малоинтересных территорий, а все, что происходит, касается всех. И на все вопросы нам следует отвечать в свете этого нового понимания.

Линднер: Давайте вернемся к вашему примеру с автомобилями в Китае: китайцы стремятся к всемирной поул-позиции в развитии электромобиля.

Геншер: Это значит, что там уже отреагировали. Чего и следовало бы желать.

Линднер: Я не хочу умалять значение проблемы. Существует еще много практических и технических сложностей. С моей точки зрения, речь идет о другом: мы не можем предписать новым индустриальным странам аскетизм и отказ от

повышения благосостояния. Это было бы наивным, к тому же этически бесспорно желание отказать другим в улучшении условий их жизни. По какому праву Запад мог бы позволить себе это? Почему китайское, например, общество должно себе в чем-то отказывать? Таким образом, центральную глобальную задачу защиты климата следует связать как с экономическим ростом, так и с приращением благосостояния. Это особая ответственность Германии в Европе и Европы в мире, ибо мы входим в число регионов мира с самыми высокими показателями выбросов парникового газа на душу населения. Поэтому нам надо бережнее обходиться с естественными основами жизни. В противном случае мы ничего не сможем рекомендовать другим, во всяком случае опираясь на авторитет аргумента.

Речь идет, следовательно, о функции примера, которую, правда, нельзя простирать так далеко, чтобы экономическая динамика у нас оказалась задушенной. Помимо того что мы в одиночку не можем спасти мировой климат между Билефельдом и Бонном, мы предложили бы новым индустриальным странам отрицательный пример, а именно что защита климата и повышение благосостояния исключают друг друга. Следовательно, решение заключается не в отказе, а в инновации. Имея в виду все тот же пример, скажем: не отказ от индивидуальной мобильности, а реализация потребности в ней с помощью новых технологий. Новые индустриальные страны не должны проходить все прежние ступени развития западных стран, а могут сразу же сделать ставку на решения завтрашнего дня. Наше в этом смысле преимущество в том, что мы сохраняем свои шансы на рынке как технологические лидеры.

Геншер: Вы говорили о росте. Какой, собственно, рост вы имеете в виду? Мы должны обращать внимание на то, чтобы он не вредил окружающей среде, достойной человека.

«СЛЫША О КАЧЕСТВЕННОМ РОСТЕ, Я ПРОЯВЛЯЮ ОСТОРОЖНОСТЬ»

Линднер: Я, в принципе, разделяю вашу идею. Экономическая динамика не равнозначна сожжению конечных ресурсов в факелах. С помощью креативных решений могут быть созданы блага более высокого качества, то есть «лучше» вместо «больше». Рост, к слову сказать, тоже вопрос социальной справедливости: нам нужна процветающая экономика, чтобы облегчить отдельному человеку его индивидуальное восхождение. В закостеневшем обществе улучшение собственной жизненной ситуации было бы возможно только в борьбе за пере-

распределение существующего. От выражения «качественный рост», широко употребляемого сегодня, я не испытываю особенного восторга, так как здесь порой ощущается и другое: экономико-политическая «цензура» определенных, не особенно приемлемых отраслей.

Геншер: Сформулируйте четче, пожалуйста.

Линднер: Представительница зеленых вполне серьезно прилюдно сказала, что она совершенно точно знает, какие автомобили должна выпускать немецкая индустрия, каким отраслям следует расти, а каким — сворачиваться. Это претензия на знание, напоминающая мне о докладе Римскому клубу «Пределы роста» в 1972 году. Конечно, свободу нельзя принимать за отсутствие границ. Но свобода подразумевает возможность новаторски отодвигать границы. Можно расходовать и конечные ресурсы, если с помощью лучших средств в будущем удастся достичь той же цели, а затем даже и заменить данное сырье. Человеческий дух до сих пор преодолевал мнимые границы с помощью технологий или услуг высокого уровня. Будущее не поддается планированию, и поэтому направление развития должно оставаться открытым. Если бы, например, энергетические концепции семидесятых годов реализовывались без постоянного прироста новых знаний, то сегодня в Германии в эксплуатации находились бы десятки атомных электростанций.

Геншер: Речь идет теперь о либеральном понимании того, как создаются глобальные общие условия для охраны окружающей среды.

Линднер: Да, но я хочу все-таки акцентировать этот аспект, чтобы разъяснить различия в политических теориях. От претензии на знание всего лишь маленький шаг до реализации этого мнимого знания с помощью субсидий и законов. В этой связи социал-демократы и зеленые охотно говорят о демократическом рыночном хозяйстве, а не о социальном рыночном хозяйстве. Столь же правильно, сколь и тривиально, что парламентский законодатель определяет правила и задает цели. Так обстоят дела и в социальном рыночном хозяйстве — для его характеристики не нужен новый термин. Здесь следует, очевидно, оказать более сильное влияние! Если политики решают, в каком направлении двинуться обществу, то это противоречит моему пониманию открытости общества к развитию. Да, они устанавливают общие условия, но остальное решают граждане. С имеющимися сегодня знаниями я бы, во всяком случае, не рискнул дать окончательные ответы. Следовательно, можно предположить, что такими окольными путями можно стремиться к совсем другим целям. К примеру, с законом о защите климата, предложенным красно-зеленой коалицией в Северном Рейне — Вестфалии, существует административно-техническая возможность на практике реализовать общественно-политические клау-

зулы по отношению к традиционному сельскому хозяйству и промышленности с помощью маскировочного аргумента защиты климата. Напротив, в экологическом отношении этот закон неэффективен, потому что, как говорилось, давно уже есть европейский механизм. По-английски сказали бы: это *overdone*¹.

Геншер: Я без всяких оговорок согласен с вашими представлениями с точки зрения политики формирования хозяйственного строя. Оглядываясь назад, можно или следует констатировать: охрана естественных основ жизни для либералов в Германии — кульминационный пункт их истории и, к сожалению, одновременно центральная тема, которую они без борьбы выпустили из рук. При этом понятие устойчивости, в данной связи вошедшее в сознание обществу, распространилось на все сферы жизни. Это историческая заслуга Ханса Йонаса с его главной работой «Принцип ответственности». Йонас дал мне бесконечно много. В ответственности выражается мораль свободы, а ответственность за будущее — обязанность формирования будущего в условиях свободы и при сохранении человеческого достоинства. Тем самым Йонас открыл категорическому императиву Канта перспективу на будущее: ответственность как ответственность за будущее.

¹ От *overdo* — переборщить (*англ.*).

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕН ТЕРРОРА И ИНТЕРНЕТА

Линднер: Как в ваше время экологическая политика требовала от вашего поколения новаторской работы, так и нам надо сегодня вместе с теми, кто облечен политической ответственностью, заняться «цифровым» обществом. Об этом я и хочу теперь поговорить с вами.

Одна из главных задач будущего — научиться обращаться с электронными СМИ, которыми наполняются все сферы жизни. Стили жизни, способы общения и модели деловых отношений — все в корне изменяется под воздействием интернета. Причем динамика изменений едва ли постижима для индивида. Это приводит к развитию событий, вызывающих опасения. Но главное — это то, что, несмотря на все риски, в нашем распоряжении фантастические технологии с громадным цивилизационным потенциалом! Они облегчают участие в общественной жизни, СМИ и культура глобализируются, упрощается доступ к информации, реализуется творческий потенциал, повседневность становится удобнее, производительность растет. Я не мог бы и не хотел отказываться от этого. Родившиеся после 1980 года не знают больше никакого другого мира.

Геншер: Во время «арабской весны» я в полной мере прочувствовал политическое значение новых СМИ. Тот факт, что люди, живущие в условиях диктаторского режима, могут организовать на новый лад и бороться за свою свободу, означает дальнейшее развитие демократии. Там молодое поколение больше не позволило себя угнетать, найдя новые пути для того, чтобы выступить за будущее в условиях свободы.

Линднер: Это сделала возможным анонимность на платформах онлайн. В обществах, где не обеспечена свобода мнений, нельзя переоценить ее значение. Здесь мы, правда, уже касаемся рисков. Я имею в виду приватность личности. Тот, кто использует интернет или мобильный телефон, выдает информацию, часто вообще не замечая этого, что позволяет государству с помощью новых технических возможностей проникать глубоко в частную сферу, чтобы гарантировать мнимую безопасность. Кроме того, существуют предприятия, которые собирают данные и создают личностные профили, чтобы рекламировать еще эффективнее и более целенаправленно размещать свои продукты. Свобода и приватность, с одной стороны, безопасность и экономические интересы — с другой. Вам приходилось иметь дело со сравнимыми конфлик-

тами. В семидесятые годы вы, как федеральный министр внутренних дел, должны были ввиду террористической угрозы выбирать между свободой и безопасностью. Тогда тоже имелись новые технологические возможности благодаря, как ее называли, электронной обработке данных. Меня интересует, как вы тогда, в бытность либеральным министром внутренних дел, думали и принимали решения.

Геншер: Вы коснулись очень трудного вопроса, так как давление на меня оказывалось с двух сторон. С одной стороны, существовали круги, которые поддерживали РАФ¹ и для которых законные меры государства были уже правонарушением. Они добивались понимания мотивов, которыми руководствовались террористы. С другой стороны, имелось и политическое давление, цель которого заключалась в том, чтобы с помощью все новых законов о безопасности разработать якобы более эффективные формы борьбы с преступностью. Кстати, став министром внутренних дел, я обнаружил ведомства, ответственные за безопасность, в жалком состоянии. Федеральное управление уголовной полиции не обладало «равенством оружия» с организованной преступностью. Полицейские ведомства земель также действовали современнее его. Тогда я начал заново формировать ведомство в техническом и кадровом отношении, независимо от террористического вызова, который позже держал Германию в напряжении. РАФ была настоящим тестом на выживание для нашей страны с точки зрения внутренней свободы.

Скажу сразу: мы его выдержали. Мы должны были обороняться от террора, но я был решительно настроен не отказываться от свободного правового государства. Я и по сей день убежден в том, что наше правовое государство может быть сильно только при условии, что оно основывается на доверии граждан и со своей стороны также доверяет им. Тогда я действовал согласно этому принципу. Для меня это был решающий вопрос. Кстати, все представители первого поколения террористов РАФ были схвачены, и притом без какого бы то ни было изменения закона, а только с помощью усовершенствованных полицейских структур — благодаря увеличению количества полицейских, их лучшей подготовке и лучшему вооружению. Главенствовала заповедь правового государства: в случае сомнения — за свободу.

Вызов, перед которым стояло тогда свободное правовое государство, был особенным. Преступники возомнили себя господами над жизнью и смертью. Убийство было для них не преступлением, а средством политической борьбы. Для них не играло роли количество жертв. Сколько сотрудников полиции было хладнокровно убито? А еще существовала, как я уже упоминал, социальная среда, поддерживавшая убийц, преуменьшавшая значимость их злодеяний

¹ Сокращенное название Rote Armee Fraktion — Фракции Красной Армии, леворадикальной террористической организации, действовавшей в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 гг.

и приписывавшая им благородные мотивы. В то же время свободное правовое государство, реализовывавшее присущую ему функцию ответственности за охрану жизни и свободы своих граждан, становилось объектом клеветы. И если в конце концов все-таки пришло понимание, на то имелись две причины. Наше государство не позволило себя спровоцировать. Правовое государство таким и осталось. Правовое государство оказалось государством не мести, а справедливости, в том числе и в отношении к убийцам, призвало к повороту и, добываясь этого поворота, не боялось и диалога с преступниками.

Клаус Кикнкель и Герхарт Баум взялись за решение этой непростой задачи и за это были вынуждены вынести определенную критику. Ведь звучали и требования более жестких, якобы более действенных законов — и этого мы не хотим забывать. В мою бытность министром внутренних дел я с этим не согласился, но было сделано все, что улучшало эффективность борьбы с преступностью в рамках существующих законов. Развитие и модернизация Федерального управления уголовной полиции и перестройка Федеральной пограничной охраны с прицелом на выполнение полицейских задач — только два примера, самых выразительных.

Понимаете, г-н Линднер, тогда я как-то странно ощущал себя — точно на испытательном полигоне. Я был первым либералом — министром внутренних дел за все время существования Федеративной Республики Германия. При нашем вступлении в правительство с СДПГ в партии слышалось немало голосов тех, кто высказывался против принятия нами министерства внутренних дел, так как они боялись нарушить либеральную идентичность. Я считал, что обязанность именно либералов в том и состоит, чтобы взять на себя руководство этим министерством, гарантируя таким образом внутреннюю свободу. Теперь дело заключалось в том, чтобы и на практике доказать это.

В первую легислатуру министр юстиции Томас Делер — для меня это выдающийся пример либерала — вел страстную борьбу против намерений восстановить смертную казнь. Теперь нас снова проверяли: каждый либерал должен подтвердить свою либеральную идентичность. Вы ведь уже были свидетелем того, как министр юстиции Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер в свой первый срок нахождения в должности ушла в отставку вслед за тем, как большинство партии и фракции в другом важном вопросе вступило на оппортунистический, ложный и обходной путь. Для г-жи Лойтхойзер-Шнарренбергер, вероятно, было в двух случаях весьма удовлетворительным то обстоятельство, что впоследствии возобладало лучшее понимание данного вопроса. С одной стороны, она с меньшинством поддерживавших ее, в числе которых были граф Отто Ламбсдорф и я, выиграла дело в Федеральном конституционном суде, а потом при формировании нового федерального правительства в 2009 году снова смогла взять на себя обязанности министра юстиции. С другой стороны, я был восхищен гибкостью, которую проявили некоторые из оставивших нас в 1982 году при смене правительства с мотивировкой, что они-де привержены

своим либеральным убеждениям, а затем в качестве членов СДПГ голосовавших за законы, которые до тех пор отвергали.

Линднер: Сегодня международный террор является для министра внутренних дел оправданием контроля над гражданами, который, с моей точки зрения, заходит слишком далеко. При этом нет вовсе никакой разницы, черная звезда у шерифа или красная¹.

Геншер: Мне тогда повезло с начальником Федерального управления уголовной полиции Хорстом Герольдом — в его лице рядом со мной был человек, соглашавшийся со мной в том, что касалось основного принципа «В случае сомнения — за свободу». С другой стороны, он был необычайно изобретателен. Я убежден в том, что цель руководства РАФ состояла в том, чтобы бросить государству такой вызов, на который ему пришлось бы отреагировать авторитарным, даже неправовым образом. РАФ хотела нанести ущерб демократической морали и либеральной безупречности. Тогда принималось и решение о будущем характере Федеративной Республики, о внутренней свободе в нашей стране. Мы выдержали это испытание. И сегодня основная задача либеральной партии по-прежнему заключается в том, чтобы подтвердить свои критерии в сфере внутренней политики и юстиции. Поэтому дискуссии между нынешним министром внутренних дел и г-жой Лойтхойзер-Шнарренбергер о полномочиях и защите информации просто необходимы.

Линднер: Либералы не имеют права отказываться от цели сохранения суверенитета отдельного человека над его личными данными и ограждения его личной сферы от произвола со стороны государства и экономики. Растет число пользователей, воспринимающих интернет как публичное пространство и обращающих внимание на доверительность информации. С другой стороны, по-прежнему немало людей, добровольно сообщающих о себе многое. И кое у кого существует совершенно некритическое первичное доверие к государству. Хотя мы и защищаем важнейшие права граждан, мы, либералы, нередко оказываемся в обороне. Например, в вопросе сбора и хранения пользовательских данных граждан, против которых нет ни малейшего подозрения. В таких вопросах доверие к государству граничит с наивностью по принципу «мне нечего скрывать». Единственным исключением могут быть банковские данные, так как люди ведут себя осторожнее в отношении финансового управления. Как на ваш взгляд, это достойно внимания?

Геншер: Г-н Линднер, вы затрагиваете здесь основную проблему либерализма.

¹ Шерифские звезды — образное определение партийной принадлежности тогдашних министров внутренних дел: черная — ХДС/ХСС, красная — СДПГ.

Когда мы недавно говорили о моем пути в политику, я упомянул об ораторе, убежденном либерале, который зимой 1945/46 года произвел на меня глубокое впечатление своим постулатом «Либерализм — наиболее всеохватывающая альтернатива любой форме несвободы».

Он говорил не о каждой государственной форме несвободы, а о каждой форме несвободы вообще. Это значит, что для него угрозы свободе могли появиться в самых разных облициях. Следовательно, свободе может угрожать не только государство. Угрозой свободе могут быть как мощные группы интересов, так и предприятия, господствующие на рынке. Угроза свободе может возникнуть и в том случае, если рынок развивается вне зависимости от общих, поставленных государством условий в направлении ограничения свободы. Либерал настораживается, если опасность ограничения свободы только появляется на горизонте. Все равно, какое одеяние она при этом носит. Между тем мы ведь переживаем, что и государство сталкивается с вызовом своей функции обеспечения свободы.

Линднер: Государство даже не в состоянии гарантировать безопасность данных, которыми оно владеет. Укажу, например, на историю с Wikileaks, когда телеграммы Госдепартамента США вдруг стали в результате действий хакеров достоянием гласности. Кто может гарантировать, что накопленные коммуникационные данные миллионов граждан не станут когда-то по неосторожности или по причинам криминального свойства достоянием общественности? Тогда внезапно окажется возможным детально реконструировать частную жизнь соседей или партнеров по бизнесу.

Геншер: Это совсем другая ситуация, чем в начале семидесятых годов. Понимаете, тогда не шла речь об одной только технической возможности нарушения конфиденциальности. Чувствовали себя задетыми по другим причинам: недоверие к государству, всемогущему, как в годы Гитлера, еще долго владело некоторыми умами — Федеративной Республике не было еще и 20 лет. Сегодня вы должны прогнозировать, какого рода злоупотребление данными могли бы в будущем позволить технические возможности. Трудно представить себе, что все станет возможным. Не только для государства, но и для людей, для организаций и предприятий.

Линднер: Все-таки в вашу бытность министром внутренних дел уже была введена добыча информации для сыска.

Геншер: Да, хотя техническая сторона дела и несравнима с сегодняшним днем. Это были первые попытки, давно уже считающиеся допустимыми. Проблема заключалась не в добыче информации для сыска как таковой, а в масштабах этой добычи.

Линднер: Это было нововведение Хорста Герольда, который уже давно хотел

сделать общество прозрачным.

Геншер: Полиция располагала «профилями» преступников и хотела на этой основе получить и «профили» организации. По моему твердому убеждению, такие методы розыска вовсе не ограничивали пространство свободы для других граждан. Сегодня, однако, каждый может оказаться жертвой сбора информации.

Линднер: Я не уверен, но, по моим сведениям, Герхарт Баум, один из ваших преемников на посту министра внутренних дел, более критически рассматривал такой метод добычи информации для сыска. Во всяком случае, сегодня он подходит к нему дифференцированно. И не без оснований. Имелась идея — на основании определенных «профилей» преступников добиться успеха в расследовании. Если выявляется совпадение, это влечет за собой появление полиции — у безупречных-то граждан! Следовательно, хотя нет конкретного подозрения, а имеется только случайное совпадение с «профилем» преступника, человек должен оправдываться перед государством. После 11 сентября 2001 года сотрудник уголовной полиции вдруг появился на рабочем месте у друга моей жены. Тот человек — уроженец Египта, по служебным делам часто ездил в США и имеет удостоверение летчика. Это действительно безупречный человек, которому теперь пришлось опровергать подозрение в том, что он член «спящей ячейки». Это сбивает с толку. Впрочем, если ведомства расследуют множество необоснованных подозрительных случаев, это нецелесообразно. Пусть даже западный мир находится в условиях сверхчрезвычайного положения — я все равно едва ли могу считать такие действия уместными.

Геншер: Само собой разумеется, что степень конфиденциальности повышается, так как технологические возможности контроля за поведением каждого гражданина стремительно расширяются. Именно поэтому бдительность необходима. Полагаю, один уже масштаб возможного сегодня не дает действительных оснований для сравнения с методами розыска Герольда. К тому же сама безукоризненность его личности не позволяет подозревать его в покушении на свободное правовое государство. Так или иначе, мы оказываемся в той сфере, где мера, еще вчера считавшаяся оправданной, сегодня, с появлением технических новшеств, становится в высшей степени сомнительной. Полагаю, что такие перспективы оказались вызовом конфиденциальности с точки зрения Герхарта Баума. Это и должно быть поводом для деятельности либерала.

Линднер: Тем удивительнее, что сегодня именно те, кто рассматривает себя в качестве представителей третьего сословия, проявляют в обращении с такого рода рисками для свободы определенную наивность. Одни и те же люди считают, что изгородь в саду недостаточно высока для того, чтобы соседи не смогли заглянуть к ним в комнату, и в то же время спокойно соглашаются с тем, что

лица, на то не уполномоченные, составляют на них информационное досье. Связь между двумя сообщениями, каждое из которых само по себе банально, может сегодня привести к серьезным выводам «от противного»: если супруга посещает биржу недвижимости в интернете, то она интересуется, может быть, только рынком, а вот если ранее она посещала сайт адвоката, специализирующегося на бракоразводном праве, то напрашиваются другие предположения. Если связать друг с другом данные кредитной карточки, мобильного телефона, навигационные данные автомобиля, а технически это вообще не проблема, то можно будет составить полный «профиль» личности. Боюсь, что многие и представления никакого не имеют о том, что это конкретно означает. Право на частную сферу давно уже больше нельзя реализовать с помощью садовых ножниц.

Геншер: Люди впадают в апатию, так как не поспевают за темпом жизни.

Линднер: Тем яснее следует сказать: тот, кто чувствует, что находится под наблюдением, изменяет свое поведение. К примеру, после временного введения хранения пользовательских данных несколько лет назад стали меньше использоваться анонимные предложения помощи по телефону. Однако уже сегодня возможно практически сплошное наблюдение и выслеживание. Причем всемирное. Например, американская секретная служба АНБ оценивает информацию в таких масштабах, которые и не снились Большому Брату Джорджа Оруэлла. Это полное стирание границ государственной власти — по отношению как к частному пространству, так и к территориям. В Германии ведомства, ответственные за безопасность, разрабатывают вредоносное программное обеспечение, с помощью которого можно проникнуть в глубоко личную сферу человека. Этот «государственный троян» делает возможным и посягательство на наиболее деликатные записи в компьютере, «мозге, находящемся вовне», как однажды очень метко сказал Буркхард Хирш. К тому же в будущем данные больше не будут сохраняться физически на собственном устройстве, а станут все более централизоваться. Говорят об облачных вычислениях. Человек больше не знает, где в действительности находится информация о нем. Тогда доступ к ней станет, может быть, еще легче, кстати, именно для субъектов вне Германии. Информационное облако можно переместить из государства в государство нажатием кнопки. Но правительственные чиновники все еще продолжают находиться в рамках обычного мышления.

Геншер: К тому же видели уже и военное применение...

Линднер: ...как в компьютерном черве Stuxnet, который явно был разработан против иранской атомной программы. Это вообразимо и при критическом состоянии инфраструктуры. Виновник может в этом случае остаться неопоз-

нанным. Здесь настоятельно требуется провести границы. Немецкий законодатель может начать по меньшей мере в своей сфере ответственности, но подлинный вызов глобален.

Геншер: Нам, либералам, всегда было в этом смысле затруднительно подбирать аргументы. Люди приветствуют то обстоятельство, что СвДП учитывает границы эффективности государства. Но те же люди говорят, что они не могут понять, с чего бы это СвДП против всеохватывающего видеонаблюдения. Кстати, можно посмотреть на проблему и по-другому: люди, критически рассматривающие полномочия ведомств, ответственных за безопасность, охотно позволяют государству выборочно вмешиваться в экономику. СвДП должна остаться родной для тех, кто хочет свободы равным образом в экономике и обществе.

Линднер: Скажем одной фразой: свобода неделима! Или по крайней мере в отдельных случаях следует сопоставлять разные ее сферы. Например, свобода предпринимательства фирмы, состоящая в сборе данных, против моего права на информацию о себе. Я рассматриваю себя как собственника своих основных данных, как собственника и своих личных данных — каковы мои предпочтения, какую музыку я слушаю. Информация — вот новая ведущая валюта в цифровую эру, так как многие модели деловых отношений основываются на информации, но мои данные — моя собственность. Следовательно, эти права собственности должны становиться осуществимыми. Там, где это невозможно небюрократическим способом, правовое государство должно встать на сторону отдельного человека, чтобы по его требованию информация, касающаяся его, была обнаружена и удалена. Следует подумать о том, не уничтожить ли в принципе личные данные по истечении надлежащих сроков.

Геншер: Интересно, что вы скажете в этой связи об ограничениях в экономической сфере. Я хотел бы напомнить о конфликте после войны, в молодой Федеративной Республике, которого уже касался: Людвиг Эрхард выступал за социальное рыночное хозяйство и спор шел вокруг введения картельного права. В основе борьбы вокруг картельного законодательства лежало понимание необходимости обуздать экономическую власть ради внутренней демократизации. Это было принципиальное решение, не принятое полностью с самого начала.

Линднер: Это можно допустить. Я сказал бы, что в равной мере существует необходимость ограничить как государственную, так и экономическую власть над индивидом. Так я понимаю сегодня политический либерализм. Мы выступаем в защиту сферы жизни индивида, и здесь не имеет значения, исходит ли диктат власти от частного или государственного субъекта.

Геншер: Но скажите теперь, почему так много молодых людей добровольно раскрывают в интернете информацию о себе. Речь идет о том, что с незнакомыми делаются очень частными моментами жизни.

Линднер: Приватность — это право, а не обязанность. Добровольный отказ от нее следует одобрить, даже если для меня это также вопрос компетентности и зрелости в обращении с новыми СМИ. В конечном счете это одна из сфер образования, медиальная компетенция. В сознании молодых людей начинается изменение символов, и в целом здесь высоки установки на безопасность. Я, однако, не хочу скрывать, что среди активистов интернета есть и движение в противоположном направлении, сторонники которого пропагандируют *post privacy*, то есть осознанное и полное отсутствие конфиденциальности. Это так же глупо, как вести стенограмму завтрака. Но это не массовое движение.

Геншер: Иногда я испытываю поистине чувство удрученности, если в купе сосед громко рассказывает по мобильному телефону о тайнах бизнеса и своей интимной жизни. Раньше этого не было, в силу хотя бы одной только вежливости. Тем не менее я согласен с вами, что приватность — это право, а не обязанность.

Линднер: Общество плюралистично. Я тоже не хочу говорить о собирании информации исключительно в минорном тоне, это не соответствовало бы тем возможностям, которыми мы сегодня располагаем. Именно анонимная, не персонализированная оценка информации о пользователях на больших платформах может быть весьма удобной. Например, сегодня вы можете получить поразительно точно соответствующие вашему музыкальному вкусу сведения об исполнителях, с которыми вы еще не знакомы, но которые могли бы вам понравиться. Это приятно осознавать. Должно иметься и пространство для эксперимента, случайных находок и того нового, что выходит за рамки вашего привычного горизонта.

ПИРАТЫ

Геншер: Давайте теперь вернемся к Пиратской партии. Многие наблюдатели считают, что эта организация относится к новым темам с особой компетентностью.

Линднер: От которой мы не должны отказываться. Часть популярности объясняется, конечно, тем, что поле так называемой сетевой политики не получи-

ло у традиционных партий должного освещения. Это касается вопросов внутренней, технической организации интернета, последствий применения этой технологии в повседневной жизни и использования самой сети в интересах демократии. Между тем дебаты продолжаются. Определенную роль тут сыграла специальная комиссия, учрежденная бундестагом в эту легислатуру. Сами пираты, помимо постановки существенных вопросов, дали мало импульсов, и публика это заметила. Потому-то большая часть успеха Пиратской партии, достигнутого за это время, зиждилась, по моим наблюдениям, на неприятии ритуализированной, устоявшейся политики. Толика критики партий, протеста против партийной системы...

Геншер: Они переняли эту роль от зеленых. Она была им передана, так как зеленые к тому времени стали частью истеблишмента. Пираты так далеко не продвинулись. Представляется, что их развитие идет скорее по нисходящей.

Линднер: Да, и я скептически смотрю на шансы укоренения пиратов в долгосрочной перспективе. Ведь партии формировались вокруг проблем общества. Капитал и труд, город и село, политика, ориентированная церковно и светски, — таковы были исторические разделения. Затем к этому добавилась полемика между экологией и экономикой, на которую смогли опереться зеленые. Онлайн и офлайн — это могло бы быть новой линией конфликтов, но здесь пираты не мучили себя концептуальными усилиями и не могли претендовать на исключительность. Они не могут дать ответы программного характера на принципиальные вопросы. На последнем съезде они еще даже не смогли прийти к признанию социального рыночного хозяйства.

Геншер: Откуда, собственно, взялось название «пираты»?

Линднер: Это восходит к пиратству в интернете. Скандинавские основатели партии хотели бесплатно и безнаказанно использовать программное обеспечение и информацию из интернета. Из полностью эгоцентрической мотивации надлежало создать духовную собственность — во вред тем, кто живет результатами своей духовной творческой силы. Для меня ясно, что результаты деятельности должны оставаться под защитой. Но техническое наблюдение за происходящим в интернете, чтобы увидеть нарушения авторского права, было бы неприемлемо. В этом отношении я делаю ставку скорее на провайдеров, создающих новые модели деловых отношений. Здесь у законодателя посредническая роль между пользователями и производителями. То, что пираты бьются скорее лишь на одной стороне, показывает, что они уж никак не либеральная партия, даже если некоторые из их сторонников и считают себя либералами.

Но можно вернуться к вашим словам об обуздании экономической власти? Вы ввели тогда идею формирования хозяйственного строя, что я считаю очень

важным. Перед новыми рыночными площадями и форумами для обмена мнениями, предоставляемыми интернетом, стоят привратники — операторы сетей, например Telekom, осуществляющие технический доступ. И поисковые машины вроде Google, с помощью которых находят информацию. Представьте себе, что в будущем новые, малые провайдеры в интернете могут быть дискриминированы из-за того, что их данные передаются медленнее или не предлагаются в качестве результата поиска. Попробую еще раз объяснить это наглядно: в Москве частные лица могут, по-видимому, купить «мигалки» для своих автомобилей и получают тогда право преимущественного проезда, как полиция и пожарная охрана. Та же ситуация могла бы через несколько лет угрожать и интернету. Тогда люди более обеспеченные или располагающие большей властью на рынке могли бы приобрести лучший доступ к новым рыночным площадям в СМИ, работающим в режиме онлайн.

За этим кроется принципиальный вопрос, которого я хочу коснуться здесь со всей осторожностью: если предприятия обретают такой инфраструктурный характер, можно ли тогда, собственно, еще говорить о частных предприятиях в обычном смысле слова? Речь идет к тому же о предприятиях, руководство которых часто находится вне нашего или вообще национального правового пространства.

Геншер: Вы можете распространить это и на системные банки.

Линднер: Правильно, для них имеет силу то же самое. Тот, кто господствует на рынке — и здесь речь идет даже о чем-то большем, об общественном дискурсе, — должен подвергнуться особому общественному наблюдению. Следует оставить за собой возможность вмешательства с позиций картельного права. Одна из задач с точки зрения политики формирования хозяйственного строя заключается, следовательно, в том, чтобы обеспечить свободный от дискриминации доступ на рынок для всех. Это вопрос глобального характера. Что касается финансовых рынков, то практически всем ясно: здесь должны быть правила. В интернете мы только начинаем этим заниматься. Прежде всего для нас, либералов, чрезвычайно важен так называемый нейтралитет сети — чтобы и в интернете побеждали лучшие идеи, а не более толстый кошелек или большее влияние на рынок. Наша задача — гарантировать это.

МИР ВЧЕРА, МИР ЗАВТРА

Геншер: Во время одной из наших последних встреч мы говорили о Германии и Европе. Теперь нам надо поговорить о нашей роли, роли Европы в мире. И по сей день Соединенные Штаты здесь традиционно наш теснейший партнер и союзник, несмотря на то что немецко-американские отношения во времена администрации Буша-младшего стали более многоплановыми.

Линднер: При некоторых различиях Германия и США разделяют все-таки одни и те же ценности «Запада» — рыночное хозяйство, демократия, правовое государство, открытое общество. Хотя Соединенные Штаты всегда были тихоокеанской державой, а теперь американский президент еще и объявил тихоокеанский регион приоритетом № 1. Возможно, потому, что Европа не является более горячей точкой, или мировые проблемы коренятся где-то в другом месте, или акценты мировой экономики перемещаются в Азию, или Европа занята сама собой. Вероятно, всего понемногу. Не чувствуете ли вы, г-н Геншер, недостатка интенсивной дискуссии об этом в Европе? Не должна ли исходить от Германии инициатива, имеющая целью новое оживление трансатлантических отношений? Например, я считаю в высшей степени привлекательной восстановленную теперь в правах идею зоны свободной торговли с Северной Америкой как подтверждение интереса Европы к США. Я считал бы достойным сожаления, если бы мы не уделили должного внимания нормализации этих особых отношений.

Геншер: В вопросе о зоне свободной торговли я вполне разделяю ваше мнение. В сущности, ее создание давно уже назрело. Полагаю, однако, что проблемы при этом следует искать не в Европе, а в Америке. Там всегда были слышны голоса сторонников протекционизма. Слава богу, в своей последней речи о положении нации президент Обама предпринял новую попытку двинуться в направлении зоны свободной торговли. Теперь дело за решительными действиями Европы.

Но это не все, что нуждается в оформлении в отношениях между Европой и США. После падения стены в 1989 году я высказал мнение, что теперь, по окончании конфронтации между Востоком и Западом, следует позаботиться о том, чтобы Атлантический океан не стал шире. Я имел в виду, что Европа, Германия и США не должны «дрейфовать» в разные стороны, так как мы и далее несем совместную ответственность. Она основана на общих ценностных представлениях и на общих интересах. Вы, г-н Линднер, говорили о ценностях Запада. Мы родственники — одни на восточном берегу Атлантики,

другие на западном. Что касается интереса США в Азии — на первый взгляд это, конечно, выглядит как отход от Европы. Но гораздо важнее вопрос: в чем заключается интерес? Идет ли речь о партнерских отношениях с Китаем или в действительности, если иметь в виду участников Движения чаепития¹ и некоторых республиканцев в США, об идее конфронтации?

Линднер: Американская и китайская экономики связаны друг с другом симбиотически. Китайцы экспортируют товары в США, США импортируют капитал из Китая. Доступ на рынок в обмен на предоставление кредитов. Это, с одной стороны, привело к росту, с другой — способствовало драматическому нарастанию задолженности. Важнейший кредитор Вашингтона сидит теперь в Пекине. Историк Нил Фергюсон и экономист Мориц Шуларик сформулировали, чтобы охарактеризовать такую ситуацию, понятие Chimerika. Тот, кто находится в здравом уме, не может быть заинтересован в конфронтации.

Геншер: К сожалению, не всегда можно положиться на здравый ум. Мы могли бы держать курс также на дискуссию о господстве в Азии. Или на новую холодную войну? Тем самым мы сталкиваемся с главнейшим вопросом посткоммунистического мира: из падения стены логически вытекало, что должен возникнуть многополярный миропорядок, но Джордж У. Буш и его единомышленники стремились к однополярному миру, который был бы сосредоточен на Вашингтоне и в котором Вашингтон доминировал бы. Я глубоко сожалел о том, что престиж США в мире упал до низшей точки из-за подобного образа мыслей и подобных действий. Эта потеря престижа США невыгодна и для нас. Вместе с тем в Европе иногда говорят о Соединенных Штатах с определенным элитарным высокомерием. Это не только совершенно неуместно, но и в принципе неправильно. Опыт европейской истории учит: каждая претензия на доминирование создает силы противодействия. Тот, кто ищет конфронтации, должен знать, что это автоматически вызывает мобилизацию на другой стороне и тем самым препятствует решениям, основанным на сотрудничестве. Это знание, усвоенное в последние столетия, а также в бытность мою министром иностранных дел. Поэтому я полагаю, что Европа представляет собой мастерскую будущего с учетом нового мирового порядка. Путь, которым мы шли до сих пор, наконец оправдался — сдержанность и сотрудничество.

Линднер: Билл Клинтон как-то высказался в том смысле, что США в качестве лидирующей державы должны участвовать в формировании справедливого

¹ Консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов против политики администрации Обамы, скоординированных на местном и национальном уровне.

мирового порядка, в котором они смогут чувствовать себя хорошо, даже если больше не будут лидером.

Геншер: Буш-старший называл немцев *partners in leadership*¹. Так было прежде. Но что из этого получилось? Какие выводы мы сделаем, если новый интерес к Азии основывается на соперничестве?

Линднер: Но Обама так не думает.

ЕВРОПА МОЛЧИТ

Геншер: Действительно, Обама так не думает. Я хочу открыто признать, что я надеялся на его переизбрание и надеюсь теперь на его способность в ближайшие годы проводить в жизнь свои намерения. При этом для меня важны европейско-американские и немецко-американские отношения. Пусть это прозвучит эмоционально, но в трансатлантических отношениях нельзя утрачивать душу. Поэтому я и говорю о трансатлантическом родстве. Я убежден в том, что Обама поможет, если мы, европейцы, подчеркнем: новый мировой порядок должен быть построен на сотрудничестве и идее равноценности. Формирование общественного мнения в Европе влияет и на американскую общественность. Но Европа молчит, остается немой. При этом европейцам следовало бы вступить с США в диалог и поставить вопросы. Какие цели вы преследуете, сосредоточиваясь на Тихом океане и в особенности на Китае? Означает ли это, что вы ориентируетесь на эту сферу в экономическом и культурном отношении? Или это, может быть, означает, что в будущем вы хотите построить вокруг китайцев барьеры, из которых возникнет антиструктура, а с ней — новый элемент напряженности в мировой архитектуре?

Это ведь то, чего в Пекине уже боятся. Спор прошлой осенью вокруг группы островов в Восточно-Китайском море казался вступлением к такому развитию событий. Если аргументация состоит в том, что Китай хочет не только быть частью нового мирового порядка, но и иметь возможность говорить об этом, я отвечаю: это ведь легитимно!

Линднер: Именно так. Правильно также, что Германия углубляет свои отношения с Китаем. Вот только делать это надо обязательно в равновесии с нашими традиционными партнерами. Впрочем, я не замечаю у Пекина имперских

¹ Партнеры по лидерству (англ.).

устремлений — несмотря на значительную активность в Африке и растущие расходы на вооружение. Это не вписывается в китайскую традицию: вместо того чтобы вооружаться для крестовых походов, классический Китай строил стену. Сегодня к тому же слишком велики внутренние проблемы, с которыми Китай будет сталкиваться еще на протяжении десятилетий. Наблюдаются огромные диспропорции между развитыми регионами и деревней; очаги напряженности между сверхбогатыми, небольшим средним слоем и большинством населения; экологические проблемы стремительного экономического роста; свирепствующая коррупция, против которой публично протестуют люди; демографические последствия политики одного ребенка. Не в последнюю очередь имеются и нерешенные вопросы внутренней сплоченности Китая, в которых китайские партнеры по переговорам очень ранимы. Это касается и территориальной точки зрения, когда я думаю о Тибете, и моральной.

Упомянутый вами конфликт вокруг этих островов вызвал в Китае демонстрации, которые только националистическими и можно назвать. Очевидно, что коммунистическая идеология более не создает связующей идентичности. Для меня более или менее ясно, что приходит на ее место. Обещание растущего благосостояния? Национализм? Даже сама Коммунистическая партия, кажется, еще пребывает в поиске. Следовательно, в долгосрочной перспективе Соединенные Штаты останутся сильнейшей в политическом, экономическом, военном и культурном отношении державой. И все-таки Китай играет в новом мироустройстве решающую роль. Китай следует приобщать.

Геншер: Китай давно уже демонстрировал большое понимание воли немцев к мирному воссоединению в одном государстве. В Пекине в этом видели параллель с собственным желанием воссоединиться с Тайванем. И давайте не забывать: Китай достаточно рано осознал значение Европейского сообщества. Однако для Пекина это было менее значимо с точки зрения воздействия на европейско-американские отношения. Между тем здесь вероятно некоторое изменение. Для Пекина начиная с шестидесятых годов европейское объединение было важно с точки зрения развития отношений между Востоком и Западом в Европе.

Линднер: Продолжая вашу мысль о приобщении, я полагаю, что Китай следует побудить к более активной роли на мировой сцене. Китайцы должны взять на себя больше солидарной ответственности. Например, без китайцев не будет продвижения в отношениях между Северной и Южной Кореей. До сих пор они хотят не участвовать в дискуссии, а преследовать собственные интересы. Полагаю, что, кроме того, следует устранить очень большой вред, нанесенный спорным решением о вмешательстве в Ираке. Это привело к значительной утрате доверия — с этим я, во всяком случае, постоянно сталкивался в беседах в Китае.

Геншер: У вас были собеседники в Китае?

Линднер: Да, меня регулярно приглашает Коммунистическая партия. Сверх того я установил некоторые личные связи, которые поддерживаю. В этом году я, например, привез делегацию либеральных депутатов бундестага и ландтагов, мы посетили Пекин, провинцию Аньхой и Шанхай. При первом моем визите несколько лет назад меня удивило, насколько открыто можно говорить о проблемах с китайскими официальными лицами вплоть до заместителей министров. Это противоречило моим ожиданиям. В этом году я встретил директора одного немецкого предприятия, который раньше уже был ответственным за новое оборудование в США и России. Он сказал, что в США, насколько это возможно, никогда больше строить не будет, в России — только если придется, зато в Китае — вновь и вновь, так как сотрудничество с ведомствами шло как по маслу. Все-таки меня удивляет втайне выражаемая некоторыми капитанами немецкой экономики симпатия к китайской экономической системе — ведь она, несмотря на политику открытости, остается авторитарным государственным капитализмом.

У меня в памяти надолго останется возвышенный в самом прямом смысле слова момент моего последнего посещения Китая. Высококвалифицированный симпатичный молодой функционер Компартии пригласил меня на террасу, расположенную на плоской крыше семидесятого этажа шанхайского отеля. Ночью за бокалом французского вина он рассказывал мне о неизменном, по его мнению, важнейшем значении марксизма для Китая.

Геншер: Меня пригласили в Пекин в конце 1973 года. Тогда я был министром внутренних дел. Но китайцы исходили из того, что я в следующем, 1974 году в связи с намечавшимся избранием Вальтера Шееля федеральным президентом стану его преемником в качестве председателя партии и министром иностранных дел. Очевидно, они хотели познакомиться со мной и, что называется, снять мерку. Многие часы я провел в беседе с Чжоу Эньлаем. Человек, производящий сильное впечатление! Настоящий государственный деятель! Позже я неоднократно встречался с Дэн Сяопином. Совершенно другой тип личности, но с теми же авторитетом, дальновидностью и ясностью. Я спросил его в конце восьмидесятых годов, но еще до падения стены, какого он мнения о Горбачеве и его политике. И вот каков был его ответ: политика открытости правильна, но последовательность ошибочна.

«Какую последовательность вы имеете в виду?»

Он ответил: «Если вы хотите преобразовать социалистическую экономику в рыночное хозяйство, то вам нужно сильное государство. Поэтому реформа должна начинаться с экономики». Для меня это означало, что политические реформы должны быть вторым шагом. Я часто вспоминаю этот разговор.

Линднер: Экономические реформы между тем далеко опередили процесс открытия общества в Китае. Можно по достоинству оценить и результаты, достигнутые в развитии правового государства, даже если до европейского стандарта предстоит еще долгий путь. Вернемся к треугольнику США, Китая и Европы: если мы говорим об интенсификации трансатлантических отношений, то я подразумеваю под этим не конфронтацию с другими, а углубление сотрудничества, скажем с помощью зоны свободной торговли, которая может быть прообразом для других форм всеохватывающего сотрудничества. За такой зоной свободной торговли через Атлантику должны быстро последовать дальнейшие многосторонние соглашения, чтобы не формировались снова торговые блоки. Ведь и Европейский союз не направлен «против» других. Он модель для взаимопонимания между партнерами, вообще говоря очень разными.

Геншер: Устройство, основанное на соперничестве в XIX и первой половине XX века, продолжало существовать в Европе и после Второй мировой войны в американо-советской биполярности холодной войны. Революция, заключавшаяся в использовании ядерной энергии в военных целях, принудила обладателей атомного оружия — прежде всего США и СССР — к сотрудничеству ради самосохранения, пусть и ограниченному, в сфере политики безопасности. В решающие часы Карибского кризиса, когда мир стоял на грани атомной войны, возобладала философия совместной стратегии выживания обеих ядерных сверхдержав. Москва остановила размещение ядерных ракет на Кубе и вывела оттуда уже доставленные. США в свою очередь отказались от только что начатого размещения ядерных ракет в Италии и Турции.

Сегодня, г-н Линднер, в числе иллюзий Запада утверждение, согласно которому если XX век был европейско-американским, то XXI станет азиатским. В действительности мир вступил в совершенно новую фазу своего развития. Если в прошлом говорили о мировых державах, то речь шла всегда о державах, которые при рассмотрении во всемирном контексте были сильнейшими, но вовсе не господствовали по этой причине над миром в целом. Так можно говорить и теперь, что США и Европа ни разу не господствовали над всем миром, а в XXI веке этого не будет делать и Азия. Революционное и новое заключается в том, что XXI век будет первым глобальным столетием в истории человечества. Повсюду в мире заявляют о себе и наращивают свою эффективность политические и экономические центры силы. Это требует глобального сотрудничества с признанием равноправия и равноценности всех субъектов нового всемирного сообщества. Представление о доминировании одного или другого региона поставило бы под сомнение стабильность этого нового мирового порядка. Европейский опыт XVIII, XIX и первой половины XX столетия «шлет нам привет» и обладает, надеюсь, необходимым устрашающим воздействием. Теперь нам нельзя отягощать старым мышле-

нием в категориях политики силы тот климат, в котором суждено возникнуть новому мироустройству. Если другие части мира требуют своего места под солнцем, то это не гегемонистское стремление, движимое жаждой власти, а выдвижение легитимного притязания на сопричастность, которое следует воспринимать всерьез. С ним надо согласиться, и оно должно быть основой для согласия по основным вопросам и основным правилам нового мироустройства.

Для европейско-азиатских отношений это означает, что и мы, европейцы, должны заботиться об этом регионе мира, так как он растущий и все более важный партнер. Мы не должны оттеснить его на роль соперника. Это важная задача для европейской дипломатии.

Точно так же важно донести наш взгляд и до западного союза. Начиная с шестидесятых годов нам удалось с помощью восточной политики и СБСЕ (ныне ОБСЕ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) шаг за шагом преодолеть соперничество и конфронтацию в Европе. Тогда это было «новое мышление», которое следовало перенести на развитие нового мирового порядка.

Линднер: Кого вы имеете в виду, говоря «мы», и что вы предлагаете?

АЛЬТЕРНАТИВЫ МЫШЛЕНИЮ СОПЕРНИЧЕСТВА

Геншер: Г-н Линднер, в середине шестидесятых годов на Западе, не только в Европе, но и в США, начался процесс переосмысления. Искали выход из конфронтации. Западный союз назначил комиссию под председательством бельгийского министра иностранных дел Пьера Армеля, которая должна была разработать концепцию преодоления раскола Европы как с общеполитической точки зрения, так и с точки зрения политики безопасности. В 1967 году доклад Армеля увидел свет. В нем предлагалось, во-первых, обеспечение обороноспособности с помощью военных возможностей НАТО; во-вторых, диалог и сотрудничество с Востоком для постепенного преодоления противоречий с целью создания общеевропейского порядка безопасности.

Реализуя эту концепцию, правительство СДПГ/СвДП в 1969 году начало проводить политику «восточных договоров», завершившуюся процессом СБСЕ, то есть диалогом 25 государств¹ Востока и Запада о будущем сотрудничестве,

¹ В действительности 35, см. Заключительный акт Хельсинкских соглашений.

позже положившим конец холодной войне. Правда, в Европе и США вновь и вновь давали о себе знать силы, лишь с большой неохотой вспоминая философии оказавшегося столь успешным докладом Армеля.

Сегодня я не устаю повторять, что пришло время разработать новый доклад Армеля, так сказать «Армель II», с двойной концепцией. С одной стороны, нам нужны общеевропейские структуры безопасности, которые охватывали бы всю Европу, включая Россию и, конечно, США как члена НАТО, а также ОБСЕ. С другой стороны, «Армель II» должен сформулировать концепцию глобального порядка сотрудничества, которая включает отношение сообщества западных государств к новому, повсюду ощущаемому как справедливый порядку стабильности и в то же время определяет роль западного союза в мире, изменяющемся коренным образом. При этом важно учитывать, что уже в разгар холодной войны имелась концепция НАТО, согласно которой контроль над вооружением и разоружение являются неотъемлемыми составными частями нашей политики безопасности. Я убежден, что с таким развитием доклада Армеля можно было бы избежать некоторых проблем внутри Европы и в отношениях между Европой и США — тех, с которыми нам приходится сегодня разбираться.

В связи с установлением нового мирового порядка не должна идти речь о соперничестве вокруг «поста № 1». Сформулировать альтернативы мышлению в категориях соперничества и в то же время предлагать США новые формы еще более тесного сотрудничества с Европой — вот европейская задача. Здесь напрашивается идея зоны свободной торговли, но и помимо нее в последние годы обозначилось партнерское обращение друг с другом внутри НАТО. Если в США возобладает позиция в пользу однополярного миропорядка, мы столкнемся с проблемой.

Линднер: Но после переизбрания Обамы дело, г-н Геншер, похоже, обстоит не так. Я радовался этому, так как нахожу внутривнутриполитические концепции демократов более убедительными, чем у республиканцев. У нас, в Германии, где существует медицинская страховка, из-за которой нам завидует мир, я отвергаю государственную медицину в форме обязательного страхования граждан, но в США это действительно необходимо. В Германии самая большая проблема, конечно, не в том, что наши налоговые ставки слишком низки, однако в США заповедь справедливости требует прийти к разумному распределению обязательств. Если проигравший кандидат в президенты Ромни должен со своих многомиллионных доходов платить в виде налогов только 13 процентов, это скандал. У нас хорошо развитый государственный сектор, который кое-где может несколько уменьшиться, но в США инфраструктура приходит в упадок. В некоторых уголках Нью-Йорка может показаться, что ты вернулся в тридцатые годы. У нас такое невозможно, а американцам придется иметь с этим дело в ближайшие десятилетия. В этом отношении президентские выборы были

также и выбором в пользу определенного направления развития, которое, если угодно, приведет к более европейскому взгляду на определенные проблемы в США. Однако стратегия республиканцев, нацеленная на поляризацию, никуда не исчезла.

Геншер: К числу общих мест в международной дискуссии относится тезис, согласно которому Европа в своем современном финансовом и экономическом состоянии является проблемой для мирового сообщества. Никто не спорит, что Европейский союз должен преодолеть свой первый структурный кризис. Но только ли Европейский союз? Если посмотреть на Китай, видно, сколь велики внутренние проблемы этой страны. Неожиданные сигналы до и в момент последней смены руководства показывают, что Китаю приходится бороться с внутренними проблемами. Эти процессы протекают в Китае иначе, чем у нас, но они идут, и моя уверенность в том, что Китай справится со своими проблемами, столь же велика, сколь и уверенность в том, что это удастся и Европейскому союзу.

Кто стал бы спорить с тем, что и Россия сталкивается с большими внутренними трудностями? Однако означает ли это, что в США дела обстоят совсем по-другому? Отнюдь! За удовлетворением от переизбрания президента Обамы, ошутимом во всем мире, осталось без внимания то обстоятельство, что в значительной степени этот результат объясняется наряду с харизмой президента и происходящим в США драматическим изменением электората. Если республиканцы не сделают отсюда выводов, то им придется надолго уступить поле демократам. В сущности, мы уже во время этих выборов столкнулись с глубоким расколом республиканского избирательного корпуса и, собственно, с двумя республиканскими партиями: с одной стороны, это классические республиканцы, с другой — сторонники Движения чаепития. Повод для надежды — вынужденное согласие последних с «потерей веса». Другое новшество в развитии событий в США при последних президентских выборах — структурное изменение электората. Меньшинства прошлого, например афроамериканцы и латиноамериканцы, превратились в решающие факторы формирования сегодняшнего и завтрашнего большинства.

Линднер: Ожидаете ли вы коренного изменения американской внешней политики после утверждения президента Обамы в должности?

Геншер: Я ожидаю скорее, что он сможет теперь более решительно осуществлять свой основной внешнеполитический курс, заявленный после первого вступления в должность. Если говорить о внешней политике, то президент Обама произнес две выдающиеся речи — одну, адресованную европейцам, в Праге, причем, на мой взгляд, было особенно хорошо, что он произнес ее именно в чешской столице, а другую, обращенную к исламскому миру, в Каире.

Если он снова обопрется на сформулированные там постулаты, на что я надеюсь, ибо в вопросах внешней политики он теперь, после переизбрания, свободнее, то сможет тем самым учесть и изменившееся общественное настроение в США. И с такой Америкой Европа могла бы найти новые точки соприкосновения.

Почему мы — европейцы и американцы — идеальные партнеры с точки зрения возникающего миропорядка?

В новом мироустройстве существуют два вида *global players*¹. В одну группу входят большие государства, «мировые державы» — США, Китай, Россия, Индия и Бразилия. А ко второй группе я отношу региональные объединения государств средней и малой величины. Европейский союз в данном случае идеальный тип такого объединения, а более слабо выраженные — это АСЕАН, Африканский союз, Союз сотрудничества арабских государств Персидского залива, в Латинской Америке объединение МЕРКОСУР и т.д. Это значит, что регионализация мира будет продолжаться, чтобы в большом концерте средние и малые государства могли быть услышанными. Европа наиболее развита в политическом и организационном отношении, никакой другой регион не интегрирован в такой степени, как ЕС. С этой точки зрения я рассматриваю пару США — Европа как представителей этих структурных элементов нового мирового порядка. У партнеров по обе стороны Атлантического океана возникает общая ответственность за созидание, а также перед ними открываются новые возможности.

Вместе можно собрать силы, чтобы взяться за решение сложных проблем. Я в первую очередь имею в виду конфликт на Ближнем Востоке. Нам придется столкнуться и с тем, что новые правительства в арабских государствах после волны успешных революций, возможно, энергичнее выступят в поддержку прав палестинцев, чем это делали прежние главы государств, получившие свои позиции благодаря партнерству с Соединенными Штатами. Посмотрите хотя бы на то, что как раз сейчас происходит в Египте. Именно развитие событий на Ближнем Востоке, еще нестабильные правительства, стремление молодых поколений к свободе — все это требует доверительного обсуждения между европейцами и американцами.

«Я ВОЗЛАГАЛ НА МУБАРАКА БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

Линднер: Я услышал слово «Египет» и должен сразу же, г-н Геншер, перехватить его, как мяч в воздухе. Вы знали Мубарака долго и лично?

¹ Глобальные игроки (*англ.*).

Геншер: Да, я познакомился с ним, когда он еще был вице-президентом. Тогдашний президент Садат попросил меня представить Мубарака Западу. В человеческом плане между нами были хорошие отношения. Я хочу также признаться, что возлагал большие надежды на модернизацию, открытость и демократизацию при Мубараке. Понимаете, в ходе контактов с авторитарными государствами моей первой мыслью всегда было: как можно воспрепятствовать войне? И вторая мысль: что я могу сделать извне для осуществления здесь наших основных ценностей и прав человека? К концу карьеры Мубарака мы все воспринимали его как политика, который больше не мог правильно оценивать положение в своей стране. Народ возвысил свой голос. Никто не вправе пропускать мимо ушей призыв к свободе. Между тем становится понятно, что революция определялась двумя целями, абсолютно разными. Имелось единство в том, что время старых статических диктатур прошло. Но мнения о том, что должно прийти на их место, не совпадают. Одни хотят открытых обществ, другие видят будущее в обществах, характер которых определяет ислаимизм.

Линднер: Как нам, европейцам, лучше всего отреагировать на развитие событий в Северной Африке?

Геншер: Прежде всего Европа вообще должна заниматься новыми движениями и воспринимать их всерьез. Мы не можем решать, кто правит в Египте или Ливии. Решение должно быть найдено в самих этих странах. Мы можем извне только требовать демократического развития и содействовать ему, но не предписывать что бы то ни было. Если условия в стране снова станут недемократическими, нам надо будет считаться со старым принципом великого либерала Карла Георга Пфляйдерера: «Отношения существуют. Хороши они или плохи, это другое дело. Не иметь отношений — это значит отказаться от внешней политики». А значит, следует иметь дело с новыми правительствами — и европейцы должны совместно брать на себя активную роль. Еще более активную, чем до сих пор. Мы, например, однажды разработали проект германо-французского заявления по конфликту на Ближнем Востоке — Франсуа-Понсе¹ и я. Это было в 1974 году. Ясные позиции по отдельным спорным пунктам, где при наличии сомнений пути расходятся! Это было воспринято тогда в Вашингтоне не особенно позитивно — вовсе не из-за сомнений содержательного характера, а потому что там находили недопустимой нашу собственную позицию по этому вопросу. Соединенные Штаты считали Ближний Восток своей лужайкой для стратегических игр. Оживление европейско-арабского диалога, соглашение о кооперации с Союзом сотрудничества арабских государств Персидского

¹ Жан Франсуа-Понсе (1928–2012) — французский политический деятель консервативного толка, дипломат, министр иностранных дел Франции в 1978–1981 гг.

залива — и как, по-вашему, приняли это к сведению в Вашингтоне? Но это было важно! Так я и сегодня представляю себе происшедшее. И тогда к нам как европейцам стали бы серьезнее относиться и на международном уровне.

Линднер: Я считаю это серьезным вызовом европейской политике соседства. Интенсифицировать политические, культурные и экономические отношения с арабским миром — задача, сравнимая с сопровождением процесса трансформации в Восточной Европе после падения железного занавеса. Такого же внимания заслуживает теперь и этот регион, если мы хотим способствовать передаче наших основных ценностей и представлять наши интересы — я сознательно называю оба момента вместе. Если трансформация там окажется удачной, то откроются новые динамично растущие рынки, а потом укрепится надежда на прочный мир. Окажись она обманутой, трудно себе даже представить, что произойдет, если, по словам Петера Слотердайка, не оправдаются ожидания многих миллионов «сердитых молодых людей» на повышение благосостояния. А потом эти общества радикализируются, после чего начнется миграция огромных масштабов.

Геншер: Мы должны быть готовы к несогласию с нашей точкой зрения. Европейская модель, построенная на диалоге, действительно не влияла на Ахмадинежада в Тегеране и Асада в Дамаске. Поэтому следует прежде всего добиться стабильности в Марокко, Тунисе и Египте. Нам следовало бы приспособить наши ожидания прогресса к возможному. Совершенно справедливо то, что вы говорили о шансах и рисках: если эти страны радикализируются и там будут нарастать внутренние беспорядки, то это окажет непосредственное воздействие на весь регион и на нас. Нестабильная Ливия означает миграцию в Европу. А с другой стороны, если эти государства развиваются — не один к одному по европейскому образцу, но если возникает цивилизационный прогресс, если постепенно формируется гражданское общество, — тогда мы обретаем партнеров, тогда оттуда уходят сигналы в другие регионы мира.

Линднер: Чтобы там могли осуществиться ожидания относительно улучшения условий жизни, нам надо открыть наши рынки. Мы должны дать им шанс внести свой вклад в мировую экономику, основанную на разделении труда. И мы должны побуждать предприятия в Европе инвестировать и в эти государства. В Египте уже начало действовать немецкое смежное производство автомобильной индустрии.

Геншер: На дискуссию о том, «следовало бы сотрудничать с ними — да или нет», идти не стоило. Отказ от дискуссии или сотрудничества означает застой и регресс. Кое-что напоминает мне и критику столь успешной прежней восточной политики. Центральным контраргументом я считаю тот, что твои собствен-

ные идеи и собственная активность всегда воздействуют на поведение другого. Даже если другая сторона отвергает предложение, она сначала вынуждена хотя бы обдумать его. В долгосрочной перспективе никто не остается незаинтересованным.

ОБСЕ — ЭТО МОДЕЛЬ

Линднер: Я хотел бы подхватить эту тему и спросить: не могла бы ОБСЕ стать прообразом для Ближнего и Среднего Востока?

Геншер: Это уже повторно вводится в игру. В том числе и для Средиземноморья. И мною тоже. Европейские государства должны сидеть за столом переговоров как Европа, то есть говорить в унисон. Ведь для нас, европейцев, Средиземное море не есть что-то разобщающее. Оно связывает нас. В сущности, Германия как член ЕС, если вам угодно, является соседом Средиземного моря. Поэтому так значимо, что мы стремимся участвовать в разрешении тамошних конфликтов. Под этим я подразумеваю не только спорные вопросы, существующие между Израилем и палестинцами, но и имеющиеся внутри ислама или арабских стран. В этом смысле я вполне разделяю ваше мнение. Необходима большая активность, большая содержательность. В принципе, нужно оживить внешнеполитические дебаты у нас. Стоит только вспомнить, какие страстные полемики мы вели об интеграции в систему западных союзов, о двойном решении НАТО, о восточной политике, об ОБСЕ... И сегодня речь идет о вопросах, не менее важных с политической точки зрения. Только об этом, к сожалению, не было настоящих дебатов.

Линднер: В этой связи я рассматриваю и дискуссию о развитии международного права. Генеральная Ассамблея ООН приняла в 2005 году решение о том, что она в ситуации тяжелых нарушений прав человека чувствует себя ответственной, если соответствующее государство не может защитить людей или даже участвует в преступлениях. Я считаю ответственность по защите — *responsibility to protect* — глубоким и достойным одобрением изменением в политике обеспечения прав человека. Здесь отдельный человек становится объектом защиты, государства больше не предоставлены сами себе. Что это означает в том числе и для немецкой внешней политики, еще недостаточно обсуждалось, не так ли? При этом остался без ответа важный вопрос международной политики. Во Франции, кстати, такая дискуссия идет. Как мне представляется, многие в Германии боятся выводов. Я бы, во всяком случае, поддержал Германию, если бы она активно привлекала внимание к норме ответственности по защите прав человека мировым сообществом.

«НЕ ПРИМИРЯТЬСЯ И НЕ ОТВОРАЧИВАТЬСЯ!» КОГДА ВМЕШИВАТЬСЯ?

Геншер: Как можно помочь угнетенным, как мы относимся к понятию гуманитарной интервенции? С этим вопросом я сталкивался, еще будучи молодым человеком. В связи с Нюрнбергским процессом и последовавшей затем дискуссией о том, что могли бы сделать союзники, чтобы остановить преступления против человечества во время Холокоста. То есть в связи с попыткой постичь юридическими средствами уникальное в истории человечества массовое преступление.

На скамье подсудимых сидели преступники особо крупного калибра. И в то же время все они были особенно активными соучастниками коллективного преступления. И это меня очень впечатлило — заставило понять, что превыше всего должна быть охрана прав человека. Так, как это весьма выразительно формулирует наша Конституция: «Достоинство человека неприкосновенно. Это определяет все остальное и превосходит все остальное». «Человека» — значит каждого человека. Сколько оговорок и сопоставлений было, я это чувствовал, когда речь шла о том, чтобы от имени Германии выступить в ООН против апартеида. Тогда в нашей стране было немало тех, кто отвергал принцип *One man, one vote*¹. Они считали это глупым и опасным. Если я в ООН выступал за освобождение Нельсона Манделы, то думали, что я поддерживаю террориста и убийцу. Когда я хотел принять заместителя Нельсона Манделы Оливера Тамбо, жившего за пределами Южной Африки, произошел кризис коалиции. Тем не менее я его принял. Вы этому просто не поверите. Когда я выступил за Конвенцию против пыток, меня критиковали, необоснованно конечно, на том основании, что такая позиция может когда-нибудь обернуться и против нас.

На другой стороне политического спектра раздавались голоса тех, кто считал угрозой для политики разрядки выступления в защиту прав человека в социалистических государствах. Речь шла о мышлении в категориях холодной войны. Конечно, я знал, что мое требование о создании суда ООН по правам человека должно было вызывать недовольство в Москве и Восточном Берлине. Но в этом коренном вопросе нашей политики внутри и вне страны нельзя было допускать неясности. Было бы неверно только сетовать на проблемы с правами человека в других странах, но не проводить активной политики с целью их преодоления. Так будет всегда. Примиряться нельзя, но нельзя и отворачиваться. Скорее необходимо с помощью активной политики, диалога и сотрудничества действовать ради изменений к лучшему. Не каждый собеседник желательный партнер. Но собеседнику, важному с точки зрения перемен,

¹ Один человек — один голос (англ.).

нельзя отказывать в разговоре. Охрана прав человека — мораль нашего политического действия внутри и вне страны.

О правилах обеспечения ответственности в сфере защиты прав человека в настоящее время серьезно дискутируют в ООН прежде всего в связи с латиноамериканскими инициативами. К сожалению, в отсутствие ясной позиции Европейского союза. При этом такие правила необходимы, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям понятием ответственности по защите прав, если речь идет о стремлении к власти.

Линднер: Вот коренной вопрос: когда и согласно каким критериям следует вмешиваться содружеству народов? Из немецкого участия в Афганистане и невмешательства в случае Ливии для меня не вырисовывается концептуальной картины. Позиция Германии по ливийской резолюции Совета Безопасности оспаривалась во всех партиях — не только внутри правительственных фракций, но и в оппозиции. Я вспоминаю, что председатель фракции СДПГ счел позицию невмешательства федерального правительства убедительной, в то время как другие из его партии выступили с критикой. Вот какова была моя позиция: я не одобрял решения о невмешательстве. Во-первых, имелась острая угроза жизни людей. Во-вторых, эти серьезные нарушения прав человека с перспективой последующей политической нестабильности имели место в непосредственном соседстве с нами. Следовательно, у нас была и заинтересованность. В-третьих, в лице формировавшейся оппозиции имелось и контактное лицо на случай смены режима. Таково было отличие от Афганистана. Там оппозицию пришлось едва ли не изобретать. И в-четвертых, все наши традиционные партнеры и друзья, Соединенные Штаты, Франция и Великобритания, были за соблюдение ответственности по защите. Это решение не должно было быть в Совете Безопасности прецедентом на будущее. Напротив, я наметил критерии, на основе которых следует дискутировать впредь.

Геншер: Что касалось решения Совета Безопасности по поводу Ливии, то над немецкой позицией можно, конечно, задуматься или, если выразиться еще определеннее, задуматься над ней следует.

В этой связи я, правда, вспоминаю о некоторых вызывающих заявлениях времен начала иракской войны 1991 года. Те, кто тогда усердствовал, упустили из виду, что в это время Советский Союз, входивший в число государств — подписантов договора «два плюс четыре», еще не ратифицировал этот договор. Таким образом, его окончательное согласие с объединением Германии еще не имело законной силы. Немецкое участие в интервенции против Ирака, выходящее за согласованные тогда масштабы, поставило бы под угрозу договор, жизненно важный для нас.

Линднер: К сфере ответственности Германии в Европе и мире относится и использование вооруженных сил. С войной в Югославии мое поколение впервые пережило участие немецких солдат в военном конфликте.

Геншер: Годы после объединения, а значит, окончания холодной войны характеризуются осторожными попытками справиться с новой глобальной ситуацией, а также ответственностью объединенной страны. Следовательно, речь идет не о роковом тезисе «мы снова кем-то стали», а о том, чтобы как мы, так и все остальные народы отвечали той роли, которая адекватна новому мировому порядку, основанному на равноправии и равенстве народов и регионов. Это значит, что возникновение нового мирового порядка создает новые границы действия не только для немцев, но и для всех государств в мире. В этом отношении заблуждались те, кто после объединения требовал, чтобы мы «наконец взяли на себя ответственность». Мы должны сойти с трибуны и стать действующими лицами. Будто бы ранее Федеративная Республика Германия не несла такой ответственности и не была на ее высоте. Не взяла ли Германия на себя большую ответственность, основав вместе с другими пятью государствами Европейское сообщество? Не внесла ли Германия внутри НАТО самый большой среди европейских партнеров вклад в совместную безопасность? И не внесла ли Германия со своей политикой восточных договоров и со своей решающей ролью в процессе ОБСЕ важнейший вклад в преодоление холодной войны?

Не объединение Германии является в первую очередь причиной переосмысления нашей роли, а изменение положения в мире в результате окончания холодной войны, то есть возникновение нового глобального порядка, который теперь следует формировать согласно общим основным ценностям. Следовательно, вызов заключается в том, чтобы справиться с ролью Германии и Европы в условиях нового мирового порядка, а не в особой роли объединенной Германии. Этот масштаб следует применять к каждому отдельному решению внутри Европейского союза, внутри западного союза и внутри глобального сообщества государств. Этот масштаб должен быть определяющим и для совместной политики безопасности. Поэтому правильны и рациональны попытки, например, министра иностранных дел Вестервелле снова придать политике разоружения подобающий ей ранг. К числу основных элементов нового мирового порядка, основанного на сотрудничестве, относится недопущение, а в случае необходимости и мирное преодоление конфликтов. Если мы говорим о разоружении, то эта философия безопасности ведома целью, состоящей в том, чтобы достигать все большей стабильности в международных отношениях путем сокращения и согласованного ограничения усилий по наращиванию вооружений. Очевидно, что такой подход включает в себя также предотвращение дальнейшей милитаризации международных отношений с помощью контроля и растущего ограничения экспорта оружия и воспрепят-

ствование усилению тиранических режимов, которым следует отказывать в содействии расширению их военных возможностей.

Линднер: В Германии требования СвДП, в особенности сокращение ядерных вооружений, неоднократно отвергались как наивные. А затем пришел Обама со своим видением Nuclear zero¹. Недавно он ведь снова подчеркивал эту цель.

Геншер: Мы не должны никогда забывать принцип Армея: контроль над вооружением и разоружение — неотъемлемые составные части нашей политики безопасности. Это был и есть отказ от старой теории, согласно которой большее вооружение дает больше безопасности. Доклад Армея указывал на обратное.

Это значимо для уничтожения обычных вооружений, но такую же значимость следует придать и разоружению ядерному. Германия в соответствии с принципами международного права отказалась от оружия массового уничтожения. Это дает нам особую легитимность для того, чтобы призвать к ядерному разоружению тех, кого оно касается, то есть все ядерные державы. Может наступить день, когда из-за дальнейшего расширения круга обладателей атомного оружия будет слишком поздно. Поэтому новое предложение президента Обамы заслуживает нашей неограниченной поддержки. Его предложение могло бы стать первым шагом, за которым должны последовать и другие.

Линднер: Уже в начале пятидесятих годов вы выступали за оборонный вклад Федеративной Республики Германия, то есть за создание бундесвера. Как вы видите это сегодня?

Геншер: Немецкий вклад в безопасность Запада имел решающее значение для создания в Европе эффективного альянса, то есть НАТО, и тем самым также для обеспечения стабильности в Европе. Нейтральная Германия стала бы фактором не безопасности, но непредсказуемости и игрушкой противостоявших друг другу силовых блоков. Ввиду агрессивной тогда советской политики Германия стала бы очагом опасности. Со вступлением в НАТО Германия обрела предсказуемость и тем самым доверие — последнее по большому счету и в Москве. Между тем мы знаем, что создание бундесвера имело и сохраняет для обороны Запада решающее значение. Солдаты бундесвера в любом отношении оправдали возложенное на них доверие. Граждане в военной форме — наши солдаты — не стали государством в государстве, а бундесвер превратился в неотъемлемую составную часть нашего демократического общества.

Таким он останется и в будущем, превратившись в армию, комплектуемую добровольцами. Демократическая позиция наших солдат и их участие в раз-

¹ Ядерного нуля (англ.).

личных акциях, тяготы, возлагаемые на их семьи, создают перед обществом обязательства по признанию их заслуг. Бундесвер — армия, вступление которой в действие требует недвусмысленного одобрения со стороны парламента. Это и выражение характера нашей демократии, способной к обороне. Свободно избранный немецкий парламент принимает решение о применении бундесвера, что возлагает на парламент большую ответственность. В сфере этой ответственности также обучение, обеспечение оборудованием и вооружением, достаточные для выполнения задачи, поставленной парламентом. Очевидно, что здесь еще необходимо наверстать то, что было упущено.

Дорогой г-н Линднер, я должен на мгновение остановиться, потому что вспоминаю, как я, еще почти ребенок, был ввергнут преступной системой в столь же преступную войну. Это был другой мир, мир, который никогда не должен повториться. Да, это был другой мир, непохожий на мир солдата Кристиана Линднера, дослужившегося в бундесвере до капитана запаса.

ВРЕМЯ НОВОГО САМОСОЗНАНИЯ НЕМЦЕВ

Линднер: Считаете ли вы, что Германия после воссоединения до сих пор была на высоте своей роли в Европе и мире?

Геншер: Мы подошли в нашем разговоре к важнейшему пункту внешнеполитической дискуссии в Германии. Время от окончания Второй мировой войны до современности — это путь из состояния тотального морального самоуничтожения и необратимого военного поражения в 1945 году. Путь, который характеризовался усилиями по обретению Германией нового доверия в Европе и мире. В то же время пришла пора нового осознания немцами самих себя. Они долгое время занимались мирным объединением нации. Теперь же они снова обретают себя в своем возросшем значении для судеб всей Европы, чего они ранее никогда не знали. Можно было бы сказать: после долгого ложного пути немцы пришли к самим себе и тем самым заняли свое место в Европе. Там, где немцы с самого начала после Второй мировой войны смогли осуществлять свои демократические права, они приняли три фундаментальных и принципиальных решения.

Во-первых, необратимая приверженность свободной демократии, защите прав и достоинства человека. Немцы в ГДР не только осуществили это решение, совершив в 1989 году мирную революцию ради свободы — первую успешную революцию ради свободы в германской истории, но и исторически его легитимизировали.

Во-вторых, входя в группу основателей новой Европы, Европейского сообщества и НАТО, Германия совершила свой необратимый поворот к западному ценностному сообществу. Это решение значимо для всего континента. Вот почему Германия всегда должна осознавать свою европейскую ответственность и то, что эта европейская ответственность будет существовать и в будущем — это значит навсегда.

В-третьих, наконец, Федеративная Республика Германия в 1990 году, действуя от имени всех немцев, признала границу по Одере — Нейсе и тем самым без какого-либо ограничения безоговорочно приняла германскую историю. Договор совершил то, что Вилли Брандт выразил своим историческим коленопреклонением в Варшаве. Этот договор о границах 1990 года был чем-то гораздо большим, чем окончательным и обязательным в международно-правовом отношении признанием германской восточной границы. Это было, конечно, событием в германско-польских отношениях, но принятие истории было и принятием ответственности и последствий коллективного преступления гитлеровской Германии. С этим договором немцы преодолели всякого рода самоуверенность. Они поддержали мнение, которое высказал Теодор Хойс в день своего избрания первым федеральным президентом: справедливость возвышает народ.

Г-н Линднер, нам надлежит создать моральный фундамент для будущих усилий Германии в Европейском союзе для Европы и с Европой ради создания миропорядка, который повсюду в мире будет ощущаться как справедливый. Поэтому мы должны принять свою ответственность. Поэтому мы должны постоянно заново определять последствия нашей политики в мире, изменяющемся коренным образом. И важно осознать: этот вызов не является каким-то особенным, исключительно немецким, ибо все народы сталкиваются с одними и теми же вызовами.

Линднер: Все внешнеполитические вопросы, о которых мы здесь говорим, связаны с решениями Совета Безопасности ООН. Не считаете ли вы, что Германии следует добиваться постоянного места в Совете Безопасности? В этом смысле я настроен скептически.

Геншер: Я бы отсоветовал предпринимать такие усилия. Конечно, состав Совета Безопасности ООН нуждается в серьезнейшей реформе. В составе постоянных членов Совета Безопасности отражается мир 1945 года, но не мир начала XXI века. Отсутствует крупнейшая демократия мира — Индия. Отсутствуют и такие государства, как Бразилия, Аргентина или Мексика. Нет Африки. Не представлен арабский мир. Нет государств АСЕАН. Короче говоря, реформа должна отразить новое соотношение регионов мира. Это значит, что в Совете Безопасности должны быть представлены крупные государства и региональные объединения из всех регионов мира. Германия должна стать

глашатаем такой реформы Совета Безопасности ООН и быть представленной Европейским союзом — этого было бы для нее достаточно.

Конечно, эти преобразования не должны затронуть места Франции и Великобритании. Они, как постоянные члены с момента основания всемирной организации, своего рода члены Совета Безопасности по праву рождения. Так должно и остаться. От них следует ожидать, что они, голосуя, будут поступать в соответствии с принципами Европейского союза. А это и так следствие общей внешней политики. К тому же немецкое стремление к постоянному месту внесло бы в Европейский союз новые проблемы. О себе заявили бы Рим, Мадрид и Варшава. И как отреагировал бы остальной мир, если бы, начиная с Германии, и другие европейские государства выдвигали такого рода притязания? Возражение Европейского союза против этого было бы точно так же сочтено само собой разумеющимся, как и возражение АСЕАН, или Союза сотрудничества арабских государств Персидского залива, или других региональных организаций.

Линднер: В связи с иракской войной вы говорили о тогдашнем Советском Союзе. Думаю, важно, чтобы мы поговорили о роли столь важного актора, как Россия.

Геншер: Действительно, не упомянуть Россию было бы серьезным упущением. Говоря о значении европейско-российских отношений, следует осознать: мы живем на одной Земле и относимся к одному и тому же континенту. Даже если большая часть России и располагается по ту сторону Урала, то сердце огромного государства и великого российского народа бьется все же в Европе. Народы ЕС и России связаны друг с другом судьбой. Россияне — европейский народ. И живут они в общеевропейском доме. На восточной границе Польши начинается Восточная Европа, а не Западная Азия.

Линднер: Как вы оцениваете положение в России?

Геншер: Я думаю, что начатый Горбачевым процесс демократизации российского общества стал со временем необратим. Это имеет силу даже тогда и там, где наблюдаются возвратные движения. Владимир Путин видит задачу, очевидно, в том, чтобы завоевать согласие со своей политикой посредством укрепления российского самосознания, ссылаясь на тысячелетнюю русскую историю и на национальную идентичность и достоинство русского народа. Но величайший приоритет, который должно видеть российское руководство, заключается в модернизации страны, ее институтов и экономики, а главное — в мужественной открытости и демократизации российского общества. Для всего этого ЕС идеальный партнер. Это знает и Путин, и в Европе каждый должен осознавать свою ответственность за это.

Линднер: Не кроется ли за его риторикой элемент компенсации? По окончании конфликта между Востоком и Западом значение России на мировой арене существенно снизилось. Говоря несколько упрощенно, сегодня оно основывается на сырье и ядерном оружии. Русские чувствуют эту утрату престижа. Тем более следует работать над тем, чтобы отношения не ухудшались. Но это затрудняют российская политика в отношении Сирии и внутривосточное развитие с его авторитарными чертами. Характер того, как российская дипломатия спустила на тормозах последнюю резолюцию бундестага, уж никак не свидетельствовал о готовности к диалогу.

Геншер: При наших совершенно оправданных напоминаниях о ситуации с правами человека мы должны учитывать, что стратегическое партнерство между Германией и Россией, ЕС и Россией и США и Россией нельзя воспринимать недостаточно серьезно. Оно имеет важнейшее значение для стабильности вновь возникшего многополярного миропорядка. Общие интересы больше, чем это обычно предполагают представители старого мышления по обе стороны Атлантического океана. Кое-кто одной ногой стоит еще в окопах холодной войны. Проблем, которые мы можем решить только вместе с Россией, достаточно: недопущение возникновения новых обладателей атомного оружия, недопущение войны на Ближнем и Среднем Востоке. Преодоление израильско-палестинского конфликта с помощью приемлемого для всех сторон мирного решения. При обсуждении иранского вопроса Россия показывает растущую готовность вместе обеспечить совместную ответственность. В Сирии обозначается новая оценка ситуации Москвой. Неупоминание вопроса противоракетной обороны в заявлении Путина после его вступления в должность не означает, что эта тема утратила значение. Но его можно понимать как намерение не допустить, чтобы более широкое сотрудничество зависело от одной темы. Западу следовало бы осознать это.

Важно также, чтобы при формировании нового мироустройства наш великий восточный сосед Россия рассматривался бы не только как «партнер по необходимости», а как один из больших центров силы этого нового мирового порядка, то есть как тот наш сосед, с которым вместе следует определить возможно больше общих интересов.

Линднер: Остается подождать. И здесь Китай снова играет определенную роль. В будущем не исключены пограничные конфликты. Представляется важным сильнее вовлекать равным образом и Россию и Китай в диалог с Европой.

Геншер: Тем более мы призваны проявить инициативу в отношении России. Федеральным министром иностранных дел посланы для этого соответствующие импульсы. Я убежден: ЕС нужна новая восточная политика, политическая и экономическая, и НАТО нужны новые инициативы по контролю над вооруже-

нием и по разоружению. Самостоятельные действия Запада, такие как планы размещения систем ПРО, существенно затрудняют эти усилия. Здесь оказывается, как важна была бы общая западная концепция а la Армель для Европы с включением России. Я повторяю: нам нужен «Армель II».

Линднер: Все-таки заслуживает внимания то обстоятельство, что такая страна, как Россия, со своими резервами полезных ископаемых, не находит возможности подключиться к мировым технологиям. Я с озабоченностью наблюдаю, что поставки газа и ценообразование связываются с политическими уступками, как это происходит в отношениях между Россией и Украиной.

Геншер: Но вам не следует рассматривать Россию только как поставщика сырья и энергии. Впрочем, для обеих сторон важна уверенность в снабжении и сбыте. Мобилизация российской экономики соответствует и нашим интересам. Отношения между ЕС и Россией не омрачаются озабоченностью из-за соперничества военно-политического характера. Поэтому растущая взаимная открытость — выбор столь же полезный, сколь и реалистичный. В Брюсселе проект общеевропейской зоны свободной торговли, включающей Россию, давно рассматривался как осуществимое и напрашивающееся решение. Что мешает нам снова уделить большее внимание этому аспекту?

В результате можно также дать толчок новому направлению развития внутри России.

Линднер: Весь наш разговор, каких бы вопросов мы ни касались, вращается вокруг диалога, сотрудничества, доверия, сетевых структур. Сегодня вы очень часто требовали интенсификации, углубления, нового подхода к упоминавшимся в разговоре темам. Очевидно, в настоящее время вы видите здесь определенные недоработки?

Геншер: Здесь и не может все быть в достаточной мере хорошо. Полагаю, решающий элемент любой успешной внешней политики — укрепление доверия. Вы можете разделять разные мнения и противоречить друг другу, но должны быть абсолютно предсказуемыми. Это в высшей степени важно. И вы должны совместно определить, в чем вы друг другу противоречите. Но обе стороны должны быть едины в том, что хотят продолжать сотрудничество, несмотря на эти различия. Иногда я спрашиваю себя, не мешает ли излишек встреч на высшем уровне, двусторонних или многосторонних, развитию структур непрерывного сотрудничества.

Линднер: Вы полагаете, что непрерывная дипломатия на уровне глав государств не является подходящей формой для настоящего обмена мнениями?

Геншер: Не только это. Приведу пример. Я поддерживал тесные отношения с Роланом Дюма, моим коллегой, французским министром иностранных дел. Каждое воскресенье под вечер мы разговаривали по телефону — то он звонил, то я. И без повестки дня: что предстоит у вас на ближайшей неделе, что у нас? Я мог понять по этому разговору, какова ситуация, и он тоже. Если возникали сложности, я вечером садился в самолет и летел к нему в Париж или он приезжал ко мне в Бонн. Так оставалось даже еще во время *cohabitation*¹, когда министр иностранных дел был из команды премьер-министра Жака Ширака. Ролан Дюма прилетал на президентском самолете — нечто подобное возможно только во Франции. В это время он даже больше не был депутатом и, несмотря на это, осуществлял внешнюю политику для президента Миттерана. Может быть, еще и сегодня за кулисами существуют такие отношения. Для меня еще и потому важен неформальный характер отношений, что встречи удавалось освободить от давления со стороны государства с требованием быть в состоянии предъявлять результаты или еще лучше — успехи. Что бы это ни означало.

Линднер: Г-н Геншер, у общественности сегодня складывается впечатление, что значение внешней политики, министерства иностранных дел уменьшилось. Что вы скажете об этом?

Геншер: Так это, пожалуй, и воспринимается, ибо встречи Европейского совета стали уделом одних только глав правительств. Раньше было по-другому, тогда собирались главы правительств и министры иностранных дел, а потом присоединялись министры финансов. То, что теперь происходит, началось в Ницце. В принципе значение министра иностранных дел весьма сильно зависит от отношения к главе правительства. Я руководил двумя большими ведомствами. В одном, тогда очень крупном, министерстве внутренних дел, я в случае крайней необходимости разговаривал с федеральным канцлером Вилли Брандтом трижды в год. Дело в том, что министерство внутренних дел преимущественно предлагает законы, а директивной компетенции в законодательстве не существует. Вот я несколько раз, будучи министром внутренних дел, и обсуждал с Брандтом самое необходимое. Напротив, министр иностранных дел должен ежедневно обмениваться мнениями с федеральным канцлером, так как решения принимаются непрерывно.

При этом, конечно, определенную роль играет характер межличностных отношений — его надо просто учитывать. Так, несомненно, было при Гельмуте Шмидте и Гельмуте Коле, федеральных канцлерах, с которыми я работал в должности министра иностранных дел. И хотя оба были абсолютно разными с точки зрения методов работы, ни у кого из них не было недостатка в высоком

¹ Сосуществование правительства и главы государства, принадлежащих к разным политическим направлениям (*фр.*).

самосознании. Конечно, репутация министра иностранных дел тоже вопрос его самоутверждения. Имеются Комитет министров Совета Европы и Совет европейских статс-секретарей, отвечающие за европейские дела в экономике, финансах и все существенные темы. Для меня разумелось само собой, что статс-секретарь МИД председательствовал на заседаниях европейских статс-секретарей — и тем самым мы обладали руководящей позицией в европейской политике. Перед встречей Европейского совета или другими важными решениями у федерального канцлера собиралось совещание. В нем участвовали министр иностранных дел и министры, вовлеченные в проблему; как правило, при этом всегда присутствовали министры экономики и финансов. Совещание начиналось с вопроса федерального канцлера: «Кто докладывает?» Затем я отвечал: «Председатель совета европейских статс-секретарей», после чего докладывал мой статс-секретарь.

Линднер: Это изменилось за последние 20 лет. Европейская политика сегодня является во многих вопросах внутренней политикой, а не внешней. Можно ли изменить эту ситуацию?

Геншер: Она способна развиваться. Отношения к другой стране охватывают все политические сферы. Нужны концептуальный подход и концептуальное понимание. Следовательно, гораздо больше, чем просто суммирование отношений между отраслями или ведомствами. Внешнеполитические отношения всегда были сложными. Подумайте только о том, как жестко воздействовали на все условия жизни наши отношения с Москвой! Наши отношения с каждым африканским государством были, например, осложнены доктриной Хальштейна, с помощью которой Бонн жестко пытался воспрепятствовать признанию ГДР. Это означало, что любые двусторонние отношения рассматривались в свете соответствующих отношений других государств с Москвой. С теми, кто признавал ГДР, Бонн разрывал отношения, пока в 1969 году министерство иностранных дел не возглавил Вальтер Шеель. Только представьте, как сложно все это было переплетено, и хотя бы в этом смысле мир сегодня стал проще. Конечно, сегодня существуют и другие вызовы, но утраты роли классической внешней политики я не вижу. Как я говорил, на мой взгляд, в конечном счете многое зависит от личных отношений акторов между собой и их соответствующей пробивной способности.

Кстати, наша Конституция предоставляет членам федерального правительства в высшей степени сильную позицию. Каждый министр руководит своим ведомством под собственную ответственность. У федерального канцлера нет права давать указания министру. У каждого из них сильная позиция, в том числе по отношению к главе правительства.

Но федеральный канцлер, возразят мне, обладает директивной компетенцией. Дорогой г-н Линднер, я, входя 23 года в федеральное правительство, ни разу

не сталкивался с тем, что один из трех высокоуважаемых, сильных федеральных канцлеров, с которыми я имел дело, ссылаясь на свою директивную компетенцию. Для законодательной работы ее и вовсе не требуется. Действительность такова, и это справедливо особенно для коалиционных правительств, что директивная компетенция завершается, если она вообще существует, у двери зала заседаний кабинета. В зале заседаний бундестага решает только большинство. Добавлю вот еще что. Я сотрудничал с федеральными канцлерами Вилли Брандтом, Гельмутом Шмидтом и Гельмутом Колем. С двумя последними как министр внутренних дел. С ними меня связывала большая степень совпадения взглядов во внешней политике. Но именно в этой сфере у них имелись проблемы в собственном лагере. У Гельмута Шмидта в основном с противниками двойного решения НАТО¹, а у Гельмута Коля преимущественно с Францем Йозефом Штраусом. Мне было значительно легче, поскольку моя внешняя политика в свободной партии пользовалась широкой поддержкой.

Линднер: Еще одно замечание о значении министерства иностранных дел, совершенно вне зависимости от немецкой внутренней политики: министр иностранных дел сегодня больше не является важнейшим после главы правительства членом кабинета. Так обстоит дело в большинстве наших стран-партнеров. И это уже потеря статуса. Так как европейская политика сегодня все более имеет внутривластическое значение, то ее характер меняется. Даже в ландтаге я чувствую воздействие европейской политики, так как, например, директивы по эмиссии для электростанций имели регионально-политическое влияние — это чисто внутренняя политика. Внутривластические вопросы «перепасовываются» через Европейский совет. Полагаю, еще и поэтому значение министерства иностранных дел уменьшается во многих столицах Европы. Так что мы имеем дело не только с немецкой проблемой распределения компетенций, проблемой отсутствия личностей, но и с кое-чем новым в структурном отношении. К дипломатии на уровне глав государств присоединяется ведомственная политика, и притом европейская ведомственная политика. Созидательная сфера европейской внешней политики тем самым стала уже, чем в ваше время.

Геншер: В это я не верю. Если ухудшаются внешние отношения с другой страной, то есть изменяется концептуальный подход, то вы при определенных

¹ Принятые лидерами США, Великобритании, Франции и ФРГ 12 декабря 1977 г. военно-стратегические решения в рамках НАТО по проблеме так называемых евро ракет: размещения советских тактических ракетных комплексов СС-20 и как противодействие со стороны Северо-Атлантического союза — постепенного (в течение четырех лет) развёртывания в Западной Европе американских ракетных систем «Першинг-2», при одновременном продолжении переговоров с Москвой о ликвидации СС-20.

условиях ощущаете это в ландтаге Северного Рейна — Вестфалии. То же касается и концептуального улучшения. Внешняя политика легко подвергается опасности недооценки, особенно если она, как кажется, осуществляется без проблем. И после первых восточных договоров все во внешней политике казалось урегулированным. Договоры были подписаны, и Вальтер Шеель решил добиваться поста федерального президента. В СвДП это быстро вызвало вопрос: «Должен ли Геншер вообще становиться министром иностранных дел? Важное дело закончено, на большие вопросы дан ответ и нельзя дважды заключить Московский договор». Мой ответ на это был однозначен: «Вот только теперь все и пошло как надо!» Быстро началась дискуссия об ОБСЕ, вначале действительно не интересовавшая ни одного человека. В действительности большинство парламентов даже не приняли об этом решения! Генри Киссинджер считал, что намерение безвредно, но ничего и не даст. Так, хобби немцев. И тем не менее мы смогли постепенно собрать Европу в поддержку этой позиции. Я имею в виду такие инициативы, когда речь идет о том, чтобы открыть для внешней политики новые свободные пространства и пути. Это действует сегодня, действовало и тогда. Конечно, чем теснее мы переплетены друг с другом — не в последнюю очередь благодаря общей валюте, — тем более в этот процесс вовлечены и другие, в особенности министры финансов.

Линднер: Прежде всего министры финансов. Г-н Геншер, я напомним об отчете о достигнутых результатах — министр иностранных дел Гидо Вестервелле сопоставил этот документ с некоторыми сообщениями его европейских коллег, прежде всего для того, чтобы продвинуть дальнейшее институциональное развитие Европы. Но это мало кого интересует среди немецкой и европейской общественности, хотя мы имеем дело с документом в высшей степени важным.

Геншер: Общественное мнение не всегда осознает, какие приоритеты важны при формировании международных отношений. Я хочу привести вам пример. Европа была в очень плохом состоянии в начале восьмидесятых годов. Мне казалось, надо было что-то предпринять, вот я и выступил в 1981 году с речью на встрече СвДП в Штутгарте и потребовал сделать решительный шаг в направлении Европейского союза. Эта речь о Европе была, я могу это утверждать, замечена повсюду. Вслед за тем послы стран ЕС захотели узнать, какой вывод отсюда может последовать. Я пригласил их всех и объяснил, что лишает меня покоя. Следствием этого стала договоренность о разработке конкретного предложения по дальнейшей интеграции Европы. С этой идеей я обратился в Париж, где тогда находилось у власти коалиционное правительство. Оно было недееспособно. Следовательно, Франция не принималась в расчет. За это ратовал Эмилио Коломбо, мой итальянский коллега, и так возникла инициатива Геншера — Коломбо по разработке Единого европейского акта с ясно очерченной целью — созданием Европейского союза. Так формируется реаль-

ность во внешней политике — из небольших идей и инициатив. И так, мы движемся. Всё еще.

Линднер: Все-таки кажется парадоксальным, что мир стал безграничным, но общества смотрят скорее внутрь.

Геншер: Это правда, нам надо это признать. Мы должны подвинуть наши общества к тому, чтобы они занялись проблемами мира и мыслили непровинциально! Мы ведь столкнулись с этим во время американского ипотечного кризиса. Я вновь и вновь подчеркивал в своих речах: у нас порядок всемирного соседства. Ранее соседом был тот, с кем имели общую границу. Сегодня сосед — каждый, так как валютный кризис в отдаленной стране воздействует и на нас. Поэтому нам не может больше быть все равно, что происходит в Латинской Америке, на Ближнем Востоке или в Юго-Восточной Азии. Именно поэтому мы и должны вносить в новый мировой порядок идеи, которые помогли нам превратить Запад в нечто единое и прекратить холодную войну, а это значит — помогли достичь взаимопонимания с системой, совершенно антагонистической в политическом и общественном отношении. Только так можно было преодолеть раскол Европы.

Вот что я вам скажу, дорогой г-н Линднер: несмотря на все мрачные пророчества, способность европейцев извлекать уроки из своей истории, прежде всего из своих заблуждений, не сделала нас совершенными, да такого никогда и не будет, но одного позволила достичь. Общность судьбы европейцев, возникшая после Второй мировой войны, уникальна в истории человечества. Поэтому сегодня наша Европа — мастерская будущего для всего мира. Поиски ответа на вопрос, что из опыта европейцев после Второй мировой войны можно использовать для создания нового миропорядка, приведут к захватывающей дискуссии всемирного масштаба, которая увлечет и ваше поколение. То, что мы сегодня формируем, г-н Линднер, это ваше будущее. Вам предстоит прожить в этом мире еще больше 50 лет, вероятно намного больше. Потом вы, может быть, получите два сердечных клапана... и еще 20 лет впридачу.

СвДП: «НАВОДИТЬ МОСТЫ, А НЕ ОКАПЫВАТЬСЯ»

Геншер: Мы говорили об истории и либеральных ответах на проблемы современности и будущего. Мы оба смогли убедиться в том, что либеральной партии много еще предстоит сделать. Тем более в конце наших бесед надо задаться вопросом, почему СвДП в прошедшие годы утратила большую поддержку, которую приобрела на последних выборах в бундестаг. И как вернуть доверие, ибо наша партия не утратила своих шансов, что доказали в том числе и выигранные вами выборы в ландтаг.

Линднер: Я хочу начать с того, что, на мой взгляд, причин для утраты веры нет. Люди, поддержавшие нас в 2009 году, придерживаются того же взгляда на жизнь. Они по-прежнему чувствуют, что в политических дебатах в нашей стране часто недостает устойчивого центра. Они ищут свое счастье в активном взаимодействии экономики и общества, не теряя из виду целое. Они хотят жить в справедливом обществе, в котором социальная справедливость не сводится к материальному равенству. Они обладают чувством экологической и социальной ответственности, от которого не хотят избавляться, делегировав все государству. Они ожидают от будущего не только рисков — они видят и шансы для цивилизации, предоставляемые технологическим и социальным прогрессом. И в СвДП они видели партию, которая возвращает эти идеи в политику, чтобы гарантировать среднему классу справедливость в оценке результатов, воздействовать на демографические изменения и сохранить международную конкурентоспособность Германии.

Геншер: Либералов всегда избирали прежде всего те, кто чего-то ожидали от будущего, а не те, кто его боялись. Вот только, г-н Линднер, мы, очевидно, обманули эти ожидания.

Линднер: Да, хотя федеральное правительство, за которое несет ответственность и СвДП, добилось больших успехов в ликвидации задолженности бюджетов и стабилизации нашей валюты; хотя миллионы семей извлекли пользу из устойчивости рынка труда, повышения пособия для многодетных семей, отсрочки выполнения воинской повинности или «сокращения» бюрократии, которое немного упростило повседневность — от отмены выплаты за «электронную процедуру доказательства возмещения» до ликвидации ежеквартального взноса за медицинское обслуживание.

Геншер: Большие ожидания связаны в особенности с налоговой политикой. Требование упрощения налогового права, по-прежнему богатого исключениями и детальным регулированием, правильно. Вот только СвДП очень долго предавалась понятному самому по себе желанию снизить налоги. Я бы сказал: слишком уж долго.

Линднер: Потому что это была задача на период предвыборной борьбы. Наша партия еще чувствовала себя связанной с этим, когда макроэкономическая ситуация совершенно изменилась в ходе долгового кризиса еврозоны. Мы вкратце уже говорили об этом. Но согласие с освобождением от финансового обязательства и восстановление солидных государственных финансов исключали друг друга, по меньшей мере в краткосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе положение должно снова измениться. Тогда граждане действительно смогут почувствовать на себе результаты консолидации с помощью «сберегательных дивидендов». Но настолько далеко мы еще не продвинулись. Так как мы не слишком рано определили эти приоритеты, пробудились сомнения в финансово-политической компетентности СвДП. Паузой были только выборы в ландтаг Северного Рейна — Вестфалии, показавшие внутри и вовне, что СвДП может обрести лицо и с четким отказом от стремления к налоговой льготе в краткосрочной перспективе.

Геншер: Этой дилеммы следовало бы избежать.

Линднер: Но есть аспект, связанный с налоговой политикой, весьма весомый, так как он касается характера СвДП. Мы оба говорили о справедливом экономическом строе, об экономике ответственности. Выступая за это, приходится иной раз сначала высказать и непопулярные истины. Однако это может сделать только тот, чьи мотивы не подлежат сомнению. В этом нам иной раз отказывают. Против чего я борюсь, так это против того, что СвДП достаточно часто клеймят как представительницу интересов только одного слоя, одного класса, одной отрасли, одной профессиональной группы, читай клиентелы.

Геншер: Вот худший упрек, который может быть выдвинут против либеральной партии: она-де представитель только части общества и не работает на общее благо.

Линднер: Не каждому понравятся наши взгляды, не каждый разделяет наши ценности, но мы претендуем на то, чтобы взять на себя ответственность за всех. Досадно, что мы сами в начале легислатуры дали повод появиться другому ложному утверждению: о сокращенной ставке налога на добавленную стоимость за ночлеги в гостинице. В ходе важнейшей реформы налога на добавленную стоимость данную тему стоило бы поставить на обсуждение, так как

в пользу этого имеются аргументы по существу. Иначе, как приходится подчеркивать вновь и вновь, этого требования не было бы в документах всех партий, представленных в бундестаге. Но в начале legislatures его объявили символом нашей правительственной деятельности. О происшедшем в то же время увеличении пособия для многодетных семей, имевшем гораздо большее значение в фискальном отношении, не говорил никто. До важнейшей налоговой реформы, начало которой планировалось, собственно говоря, вскоре вслед за этим, с широкомасштабными уменьшениями финансовой нагрузки и упрощениями так дело и не дошло. Все надолго ограничилось этим единственным решением из сферы налоговой политики.

Геншер: Г-н Линднер, вы привели классический пример, который, собственно, сто́ит всех остальных, — есть, конечно, еще несколько заслуживающих упоминания пунктов критики. Гостиничный налог был особенно достоин сожаления, ведь он рассматривался, так сказать, в качестве первого результата СвДП в новом правительстве Ангелы Меркель. Следует просто трезво рассмотреть его последствия и сделать соответствующие выводы.

Линднер: Дело, к сожалению, обстоит точно так, как вы сказали. Вообще говоря, существуют две школы обращения с такими ситуационными анализами в политике. Одна видит в признании заблуждений и ошибок слабость. Эти голоса слышались отчасти и в руководстве СвДП, они же затем присоветовали жестко напасть на политического противника, чтобы вывести из-под удара нас самих. Я считал и считаю это не особенно достойным партии правительственной коалиции — ей следовало бы убеждать благодаря результатам своей работы и не предоставлять оппозиции никакой возможности для неожиданного удара. Другая школа, напротив, усматривает в способности к самокоррекции силу руководства. Поэтому я полагаю, что мы поступаем правильно, открыто говоря об определенных проблемах.

Геншер: Людям, в принципе имеющим хорошее мнение о СвДП, должно быть ясно, что все, кто несут в этой партии ответственность, способны анализировать положение дел и делать из анализа выводы. Так доверие снова может вырасти.

Линднер: Правда, сам упрек в протекционизме, мягко говоря, временами кажется странным. Особенно если посмотреть, кто его высказывает. Например, либеральные министры здравоохранения Филипп Рёслер и Даниэль Бар, несомненно, добились исторически уникального пакета скидок вопреки интересам фармацевтической промышленности. Это не сделало отношение к ним в отрасли более дружеским. Когда ранее их социал-демократическая предшественница попыталась предпринять нечто подобное, руководителей концер-

нов пригласили побеседовать за бокалом красного вина в ведомстве федерального канцлера — и на следующий день намерение лишилось своей первоначальной остроты. Зеленые неприкрыто защищают сегодня интересы солнечной энергетики в том числе и против тощих кошельков пенсионерки и студента, которые, оплачивая свои счета за электроэнергию, должны гарантировать высокий доход. В то же время Зигмар Габриэль¹ пытается дискредитировать нашу поддержку средних слоев, говоря о ней как о клиентельной политике для «богатых наследников». Напомню, что там заняты две трети работников наемного труда и создается более 80 процентов учебных мест. Это семейные предприятия, владельцы которых делают ставку не на максимизацию квартальной прибыли, а на устойчивое повышение стоимости предприятия для следующего поколения. Это предприятия, которые в условиях конъюнктурного кризиса не выбрасывают своих работников на улицу, а сохраняют их. Средние слои — это социальная стабильность, поэтому другие обоснованно завидуют нашей экономической структуре. Если это клиентельная политика, то следовало бы упрек в ней, учитывая рабочие места для миллионов людей, рассматривать, вероятно, даже как подтверждение правильности выбранного курса.

Геншер: Часто это вопросы стиля. Коренная проблема заключается в том, что СвДП не должна отказываться от понятия социальной справедливости ради своей политики. Наконец, Конституция определяет наше государство как социальное правовое государство. Мы неоднократно говорили о том, что Людвиг Эрхард сознательно назвал экономический строй «социальным рыночным хозяйством». Не должно остаться без ответа утверждение, что СвДП поддерживает клиентелу вместо того, чтобы заботиться о справедливости.

Линднер: В этом мы согласны. СвДП может и должна включиться в эту дискуссию и занять четкую позицию — в случае сомнения встать на сторону начинающих, возобновляющих трудовую деятельность после длительного перерыва и стремящихся к социальному восхождению, а не защищать привилегии тех, кто уже обеспечил себе авторитет и власть, так как они сами хорошо могут позаботиться о себе. Но я, несомненно, не подразумеваю под справедливостью равенство. Свободные решения самых разных людей должны вести также к социальному и экономическому многообразию. Более того, только право отличаться друг от друга является источником надежды и инициативы. Если собственное усилие в результате не дает тебе возмож-

¹ Немецкий политик (род. в 1959 г.), представитель СДПГ, в 1999–2003 гг. премьер-министр Нижней Саксонии, в 2005–2009 гг. министр по охране окружающей среды, окружающей природы и ядерной безопасности. В 2013 г. в новом правительстве Ангелы Меркель вице-канцлер и министр экономики и энергетики.

ность отличиться, зачем тогда оно? Поэтому мы понимаем образование как гражданское право, как справедливость в сфере образования. Ральф Дарендорф рассматривал образование как пол общества, на котором стоят все. Но с этим не связано ограничение высоты потолка. Мы будем и дальше заботиться о справедливости посредством участия, открывая людям доступ к рынку труда и не позволяя барьерам, препятствующим вхождению на него, стать слишком высокими. Мы заботимся о справедливости в оценке результатов, желая обеспечить людям их долю в приросте благосостояния — именно те, кто не получают государственных трансфертов, а не обладатели высоких доходов чувствуют себя ущемленными с точки зрения социального продвижения. И мы должны выступать за справедливость для всех поколений, обращая внимание на устойчивое финансирование социального страхования и государственных бюджетов, в том числе и накануне демографических изменений. Подтверждение сказанному можно найти в весьма толковых словах британского вице-преьера Ника Клегга, прозвучавших недавно в одной из его речей. Смысл в том, что либералы должны в настоящее время спрашивать себя при каждом политическом намерении, сделает ли оно экономику сильнее и в то же время общество справедливее. Именно в то же время, а не когда-нибудь после.

Геншер: Теодор Хойс, первый федеральный президент и великий либерал, процитировал после своего первого избрания слова из Книги Притчей Соломоновых: «Справедливость возвышает народ». Под этой справедливостью следует понимать равные шансы, но не неправдоподобное обещание равных результатов, усыпляющее стремление добиться успехов. При этом тот, кто не может реализовать свои шансы по состоянию здоровья или другим заслуживающим оправдания причинам, нуждается в помощи общества.

Линднер: Мне представляется, что под понятием «социальная справедливость» каждый, к сожалению, понимает то, что хочет или чувствует. Фридрих Август фон Хайек говорил о словах-ласках: ласка якобы может столь искусно высасывать яйца, что остается невредимая скорлупа без содержимого. Сегодня «социальной справедливостью» можно риторически оправдать почти любое государственное вмешательство в экономику и общество, не интересуясь конкретными результатами. Тем более нам надо поставить на обсуждение собственное, либеральное представление о справедливости. Для меня это та корректность, о которой мы знаем из спорта. Настоящие спортсмены независимо от соответствующих индивидуальных результатов уважают друг друга — и они согласно правилам все равны.

В спринте у всех бегунов равные шансы — мы бы протестовали, если бы один выступил без обуви или другой уже на старте получил фору в пять метров. Но точно так же мы были бы против, если бы перед финишем самым

быстрым пришлось дожидаться остальных, чтобы финишировать одновременно. Следовательно, корректность для меня — связь основополагающего равенства перед законом со справедливостью шансов и оценки результатов в процессе. Вокруг того, что это в отдельном случае означает для общества, следует, конечно, всегда, вновь и вновь начинать новую борьбу.

Геншер: СвДП всегда учитывала это понятие корректности. Но в прошлом доходило и до ошибочных оценок, поскольку ограничивались одними только экономическими темами. Мы обсуждали это друг с другом на примере экологической политики.

Линднер: Да, по меньшей мере в восприятии было сужение тематики. Мы сильнее всего концентрировались на теме налоговой политики. Первоначально за этим крылось намерение общественно-политического характера — достичь нового равновесия между государственным и частным. Мною двигала забота о возможностях развития среднего класса и всех, кто хочет к нему приблизиться. Речь шла о людях, находящихся в середине социальной структуры общества, то есть в конечном счете о стремлении к большей справедливости в оценке результатов. В конце концов имело место гениальное сжатие до формулы «больше нетто от брутто». Упущение заключалось в том, что мы после нового вступления в правительство не стали снова и достаточно быстро заниматься всем диапазоном задач. Другие проекты СвДП оказались в тени дискуссии вокруг налоговой политики.

Геншер: Это сужение до экономической тематики было обострено согласием с тем, что определенные экономические теории из США, точнее говоря из Чикаго, ошибочно характеризовались как «неолиберальные». Там почти религиозно превозносились радикальная рыночная ориентация и пренебрежение ролью государства. При этом именно неолибералы в Германии до и после Второй мировой войны и создали понятие социального рыночного хозяйства. В нем государство имеет центральную функцию: обеспечение свободы всех людей, создание рамок для упорядочения общественной и экономической деятельности, а также обеспечение основных потребностей. В их число инфраструктура входит точно так же, как, например, и содействие культуре. Согласие с искажением понятия неолиберализма принесло нам сомнительную славу приверженцев беспрепятственного дерегулирования, например, финансовых рынков. Я воспринимаю как скандал выплату бонусов в десятки миллионов евро одному-единственному торговцу, который перемещает позиции на компьютере туда и обратно. Это никому больше не объяснить. И мне тоже.

Линднер: То, что вы сказали о неолиберализме, входит в число стереотипов относительно СвДП. Мы, мол, хотели приватизировать и сделать конкуренто-

способным все, что только возможно, и государство лучше всего полностью устранить. В наших прежних разговорах мы ведь выяснили, что государство как ночной сторож больше не является нашим идеалом. Но, с другой стороны, в Германии еще продолжает оказывать воздействие на людей мысль Гегеля, который видел в государстве «осуществление объективного духа». Как современные либералы, мы в одинаковой мере осознаем и границы эффективности государства, и его необходимость. Мы поддерживаем нечто вроде скептически-дружественного отношения к государству, отличающего нас равным образом от большого числа сограждан, верующих в государство, и от группы ортодоксальных радикалов-рыночников в США. Скажу еще раз: государство может быть опасностью для свободы, будучи полицейским или вытесняя личную инициативу и бюрократизируя жизнь, но государство может быть также и гарантом свободы, если оно, как правовое государство, защищает нас от права сильного и открывает возможности для получения образования. Проблемой является не государство само по себе, а то, что делают или не делают из него политики.

Что касается выплат бонусов, а также жалованья штатных менеджеров, я не вижу адекватной возможности законодательными средствами не допустить таких договоров, заключенных свободными людьми. Будучи либералом, я защищаю свободу заключения договоров, но, с другой стороны, я не должен молчать в том случае, если считаю их бесстыдными и безответственными. Можно ли привести серьезные причины для этих денежных выплат, чтобы с ними могло согласиться и общество в целом? Я этого не вижу. Так что вот тема для общественной дискуссии — акционеры как собственники и члены наблюдательных советов.

Геншер: Еще раз вернемся к отмеченному мной акценту на экономических темах в нашей партии. Здесь я, может быть, уязвим, но в ходе обсуждения этого круга проблем внешнеполитический сектор вновь овладел вниманием общественности применительно к СвДП. Если вы посмотрите на спорные темы, разногласия или речи председателей партии на съездах, то увидите — годами внешняя политика скорее прозябала, из чего делался вывод, что во внешней политике все улажено, хотя за границей все было ново! Либеральная партия должна и теперь, и в будущем уделять гораздо больше внимания феномену глобализации и его последствиям.

Линднер: А разве в других партиях дело обстояло не так? С давних пор в Германии больше внимания обращали на решение задач внутри страны. Над девяностыми годами довлели экономические проблемы: речь шла о численности немецких безработных, о подъеме Востока — и это отодвинуло все остальное на задний план.

Геншер: Да, но, я думаю, преодолеть это представление о внутреннем облике Германии — задача именно либеральной партии. Того, что в нашем разговоре появляется как прогрессивное — в прошлом — с внешнеполитической точки зрения, еще не было в списке разрабатывавшихся всеми другими партиями тем. СвДП вновь и вновь выкладывала это на стол начиная с бесчисленных планов по германскому вопросу уже в шестидесятые годы или поступала таким же образом в семидесятые как партия, поддерживавшая ОБСЕ. ХДС отклонял такую инициативу. Он не осознал шанса на превращение раздела Германии в центральную тему общеевропейской политики. В экологической политике эту тему позже подхватили зеленые.

То, что такие вещи зависят также от личности, вы можете осознать на классическом примере Гельмута Шмидта в СДПГ. Шмидт видел себя в глобальной роли — Аугштайн охарактеризовал его как «экономиста, блестяще понимающего мировую экономику», — и его заслугой остается то, что он указал своей партии на экономические проблемы северного полушария. Тогда это называли глобальным подходом. Заслуга Шмидта в том, что он подвел СДПГ к этому. Как обнаружилось весной 1982 года на федеральном партийном съезде СДПГ в Мюнхене, он не смог повести ее за собой в другие сферы, прежде всего в вопросах внутренних реформ. В том году завершилось его пребывание на посту канцлера, мы приняли решение в пользу коалиции с ХДС/ХСС и избрали Гельмута Коля федеральным канцлером.

Вот что я хочу сказать: полагаю, что наша партия там, где она некоторое время была слишком сдержанной, также может с программной точки зрения проявить себя по-новому. СвДП воспользуется своим шансом, если будет добиваться новых ответов, не думая, что есть вечные ответы на новые вопросы. Это не так.

Линднер: Мы должны воспользоваться нашим шансом — и, думается, не только в собственных интересах. Речь идет о том, чтобы республика осталась либеральной. И для этого нужна либеральная партия, несколько иная, чем другие.

Геншер: Если бы больше не было организованного либерализма, республика изменилась бы. Это можно было вновь и вновь видеть в истории Федеративной Республики, это было узнаваемо и на протяжении семи лет красно-зеленой коалиции, например в вопросах политики правового государства. Это наблюдалось во времена абсолютного господства ХДС, как и при двух больших коалициях, 1966 и 2005 годов: если нет либеральной партии в качестве фактора состязательности, конкурента в борьбе за голоса избирателей, то это ставит внутреннюю свободу на карту.

Линднер: Давайте тогда еще поговорим об этой конкуренции за голоса избирателей, то есть о предстоящей предвыборной борьбе.

КОАЛИЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Геншер: Федеральный канцлер доказала, что она и в бурном море стоит на капитанском мостике и правит кораблем. Напротив, мы сами себе часто создаем трудности, это показали события последних месяцев. Хорошо, что Райнер Брюдерле и Филипп Реслер нашли свое место в предвыборной борьбе. Два представителя социального рыночного хозяйства на верхних этажах властных структур — вот что свидетельствует о значении этой идеи для СвДП.

Линднер: И теперь вся СвДП должна сконцентрироваться на обсуждении проблем по существу. Новое руководство претендует на поддержку всей партии.

Геншер: Совершенно верно, каждый в партии должен отдавать себе отчет в том, каково значение предстоящих выборов в бундестаг. Это требует поддержки руководства партии всеми ее членами. Я также согласен с канцлером в том, что правящая коалиция представляет собой самое успешное федеральное правительство со времени объединения Германии. Я читаю в ее словах не только желание поддержать положительный баланс, но и вполне определенную приверженность продолжению совместной работы. Успешная коалиция имеет все права и даже обязана совместно добиваться у избирателей нового мандата.

Линднер: Германией и дальше должны править силы политического центра. Напротив, оппозиция ориентируется на политику французского президента, из-за которой у наших соседей тревожно нарастают безработица и бюджетный дефицит. Во время моей последней поездки в Китай меня меньше спрашивали о Греции, чем о Франции. Авторы передовиц в Париже пишут г-ну Олланду: «Делай как Шрёдер». А в Германии между тем СДПГ и зеленые хотят работать на манер Олланда. Лучше избавить нашу страну от этого эксперимента.

Геншер: С таким подходом мы согласны. У черно-желтых¹ есть основа для сотрудничества. Это само по себе благо, с которым правящие партии должны в предвыборной борьбе обращаться осторожно, чтобы не утратить его.

Линднер: Однако может возникнуть впечатление, что три коалиционные партии с самого начала работали не вместе, а скорее друг против друга. И это проблема коалиции. Конкуренция идей в коалиции способствует работе, ведь это же не слияние партий. Тем не менее в нашем случае шумовые помехи слишком часто мешают заметить общие результаты.

¹ Коалиция ХДС/ХСС и СвДП.

Геншер: Кое у кого сложилось такое впечатление. Если мы говорим о коалициях, то я вспоминаю прежде всего социал-либеральную. Тогда в ночном телефонном разговоре, состоявшемся еще по завершении выборов, Вилли Брандт заверил Вальтера Шееля: «Я хочу, чтобы мой коалиционный партнер — а мы в 1969 году получили жалкий результат в 5,8 процента — преуспел в правительстве». И потом продолжил: «Вы получите три поста по выбору». «По выбору» — только представьте себе такое! И конечно, Вальтер Шеель должен, как министр иностранных дел, стать заместителем федерального канцлера. В тот же вечер Кизингер, еще занимавший пост федерального канцлера, заявил, что Вальтер Шеель может снова стать министром по делам экономического развития. О МИДе для СвДП не может быть и речи.

Линднер: Я вспоминаю ведущего политика ХДС, который в начале 2010 года сказал на камеры о намерении снова сократить СвДП после ее рекордного результата на выборах в бундестаг в 2009 году до «нормального размера». Такие замечания ведут к ухудшению атмосферы.

Геншер: Согласно моему глубокому убеждению и политическому опыту философия коалиции должна формироваться в соответствии с принципом «Живи и давай жить другим». Духовно-политическую основу нельзя разрушать суетностью или сиюминутными преимуществами. Избиратель обладает тонким чутьем на тактические хитрости и уловки. И от этого он отворачивается.

Линднер: А три коалиционные партии, ХДС, ХСС и СвДП, должны, смотря по обстоятельствам, проанализировать процессы последних лет. Я говорю это самокритично, но не возлагая исключительную ответственность на СвДП.

Я наблюдал образование двух коалиционных правительств с самого близкого расстояния. В 2005 году мы в Северном Рейне — Вестфалии вновь вошли в правительство вместе с ХДС: ХДС после 39, а СвДП после 25 лет пребывания в оппозиции. Царило эйфорическое настроение. Конечно, борьба шла и во время коалиционных переговоров, в которых я участвовал как генеральный секретарь земельной партийной организации. Юрген Рюттгерс ничего нам не подарил, но в конце концов оба партнера добились решения главных для себя задач, лояльно, смотря по обстоятельствам, способствуя друг другу. Мы, например, добились выполнения наших требований о прекращении субсидирования угольной промышленности и большей автономии высших учебных заведений. Хороший коалиционный климат сохранялся, в сущности, до выборов в ландтаг, если не считать последних недель, когда Юрген Рюттгерс совершенно неожиданно и без особого успеха вознамерился открыть Союз для сотрудничества с зелеными.

После выборов в бундестаг в 2009 году я воспринимал ситуацию по-другому. Я еще не был генеральным секретарем федеральной партии,

почему и не участвовал в переговорах тех, кто принимал решения, а как простой депутат бундестага был задействован только в рабочих группах. Не подлежало сомнению, что Союз успешно договорился о большой коалиции и просто перенял некоторые позиции СДПГ. От фонда здравоохранения, например, ХДС/ХСС вовсе не хотел отказываться. Конечно, коллеги из ХДС/ХСС превосходили нас, либералов, на четыре года опыта правительственной работы. Кое-кого это побудило к тому, чтобы вести переговоры с позиций не партнера, а своего рода воспитателя.

Геншер: Если говорить о моем примере, то в 1969 году это было, естественно, по-другому. Важнейшим словом было тогда «обновление». Реформы. Нами владело чувство, что все уже перепробовано и мы должны начать что-то новое. Со времен Аденауэра ХДС и СвДП формировали коалицию, после краха этого союза правила большая коалиция с Куртом Георгом Кизингером в качестве главы правительства и министром иностранных дел Вилли Брандтом, занимавшим пост вице-канцлера. Теперь, так сказать, обсуждался последний, еще не испробованный вариант — коалиция социал-демократов и свободных демократов, и это должно было сформировать «политику будущего».

В одной сфере ситуация особенно усугубилась, и именно СвДП торопила других — я имею в виду внешнюю политику, точнее германскую и восточную политику. Мы между тем шли дальше, чем могла себе это позволить СДПГ — во всяком случае, СДПГ, участвовавшая в большой коалиции. Отвечая на вопрос, откуда бралось динамичное настроение подъема, нельзя забывать: этому очень способствовало развитие событий начиная с 1961 года. Строительство стены изменило положение и показало границы проводившейся до тех пор восточной политики. Беспомощная, более того — безучастная реакция Аденауэра на строительство стены усилила ощущение того, что необходимо начать делать что-то новое с помощью новой команды. Я решил, что величайший импульс формированию нового большинства могла дать постановка новой цели — проведение более открытой политики в отношении Востока и политическое влияние на Восток. Это включало и сложные вопросы, например о границе по Одере — Нейсе, на которые сначала все партии ответили одинаково. Эта западная граница Польши не признана в качестве окончательной, во всяком случае не сейчас. Такова была единодушная позиция. Что касается отношения к ГДР, ее признания как государства, то дело долгое время обстояло сходным образом.

К этому добавлялось ощущение, что необходимо ответить на ожидания молодого поколения. Ведь с 1967–1968 годов внепарламентская оппозиция заявляла в университетах и на улицах о своем желании участвовать в управлении. Избрание Густава Хайнemann федеральным президентом в марте 1969 года, которое он даже назвал «некоторой сменой власти», было также

сигналом к содержательному изменению, ведь старые ответы на многие вопросы больше не срабатывали.

Линднер: Социал-либеральный союз действительно многого достиг, не только в восточной политике, но и в политике общественного развития: расширение масштабов образования, равноправие мужчин и женщин, толерантность в отношении гомосексуальности — это было либеральное освободительное движение.

Меня интересует, с чего все начиналось в дискуссии о главных вопросах того времени. Шла ли речь прежде всего о необходимых реформах, например о преодолении реставраторских тенденций первого послевоенного десятилетия? Или о переориентации в сфере силовой политики? Здесь, в Северном Рейне — Вестфалии, в СвДП была группа, которую с намеком на группировку в турецкой армии, свергшую в 1909 году султана, называли «младотурками». Эти люди вокруг Вилли Вейера, Вольфганга Дёринга и Вальтера Шееля добились в 1956 году передачи власти от ХДС к СДПГ — не в последнюю очередь и потому, что в Союзе на федеральном уровне создавались планы изменения избирательного права, чтобы с помощью мажоритарной системы выборов элиминировать младшего партнера.

Геншер: Сначала мы решали задачу освобождения СвДП от альтернативы «оппозиция или правящая партия с ХДС». Не следует забывать, что свободные демократы и раньше сотрудничали с социал-демократами. Райнхольд Майер, о котором мы уже говорили, с 1952 года был премьер-министром Баден-Вюртемберга с СДПГ как младшим партнером. Это практиковалось и в городах-государствах — Гамбурге и Бремене. Тем не менее некоторые на федеральном уровне считали альянс с христианскими демократами чем-то само собой разумеющимся, даже если он на время прерывался; но с этой точки зрения федеральный канцлер рекрутировался всегда из одного круга — все это казалось упорядоченным и не должно было изменяться.

Когда я приехал в Бонн, эта связь была еще очень прочна. В 1956 году все федеральные министры и 18 депутатов бундестага вышли из партии. В соответствии со своим пониманием СвДП создавала большинство для Союза, если у него не хватало голосов. Это обнаружилось также при внутривнутрипартийном испытании на прочность во время формирования правительства в 1969 году. То, что нам удалось выдержать это испытание, стало для партии освобождением сущностного характера. В дополнение к этому появились новые вопросы, обозначившиеся уже как в восточной политике, так и в дискуссии об охране окружающей среды и о политике общественного развития, как вы справедливо подчеркиваете. В сущности, речь шла о поисках новых берегов — на всех уровнях, во всех сферах. Это не было мотивировано тактическими соображениями или соображениями силовой полити-

ки. Реформаторы действовали исходя из своей либеральной ответственности.

Решением, продиктованным соображениями силовой политики, можно назвать прекращение коалиции между ХДС и СвДП в Дюссельдорфе, когда Аденауэр хотел протолкнуть мажоритарную систему выборов. Вилли Вейер не сомневался: «Теперь хватит, теперь мы изменим положение в бундесрате». Он быстро прекратил коалицию с ХДС в Северном Рейне — Вестфалии.

Линднер: А что с ситуацией 1982 года?

Геншер: Я его только что коснулся. Федеральный канцлер Гельмут Шмидт больше не мог привлечь свою партию к решению ряда внешне- и внутривнутриполитических вопросов. Это касалось, с одной стороны, «двойного решения» НАТО по довооружению, с другой — необходимых внутренних реформ ради сокращения государственной задолженности и безработицы. Драматической кульминации полемика в СДПГ достигла 30 июня 1982 года, когда Гельмуту Шмидту пришлось в своей речи заклинать фракцию СДПГ в бундестаге не отказываться от правительственного курса в экономической и финансовой политике. Чтобы сохранить в этих вопросах способность федерального правительства действовать, мы приняли решение в пользу смены коалиции.

Линднер: Но ведь у вас и раньше уже были интенсивные контакты с ХДС/ХСС и Гельмутом Колем?

Геншер: С Гельмутом Колем я познакомился в начале шестидесятых годов в процессе создания ZDF¹. В его руках были все рычаги для управления деятельностью ХДС, в моих — СвДП. Возникли дружеские отношения, в том числе между семьями. Это облегчило решение кое-каких проблем, но, конечно, когда сталкиваются разные взгляды — возникают объективные противоречия, которые изначально невозможно разрешить. Конечно, я встречался с ним и когда он был лидером оппозиции. Позже у меня точно так же обстояли дела с СДПГ. В условиях демократии можно доверительно говорить друг с другом. Особенно это касается министра иностранных дел. Поэтому я всегда видел свою задачу в том, чтобы сделать немецкую внешнюю политику более предсказуемой, чтобы она опиралась на большинство, выходявшее за рамки соответствующего правительственного большинства. Я знаю от вас, что вы точно так же поддерживаете подобные неформальные контакты.

Линднер: Да, с рядом ведущих социал-демократов. Я не делаю тайны из того, что в СДПГ у меня так же много собеседников, как и в Союзе. В каждой партии

¹ Сокращение от Zweites Deutsches Fernsehen — второй канал немецкого телевидения.

есть умные люди, у которых можно кое-чему поучиться. Я активный сторонник «Повестки дня — 2010», от которой, к сожалению, большая часть СДПГ между тем откристилась. С зелеными мне, правда, труднее. Многие там отличаются столь незабываемой картиной мира, что едва могут выносить другие точки зрения, в том числе и в личной беседе. Жаль, что так.

Если вы будете подводить итоги своей работы в коалициях, каковы будут ваши стратегические выводы для СвДП?

Геншер: Следует объяснить себе и другим, чего люди хотят на самом деле. Тогда можно сказать, какая коалиция в наибольшей степени способна решать эти проблемы.

Линднер: В настоящее время это коалиция ХДС/ХСС и СвДП под руководством Ангелы Меркель.

Геншер: Я это вижу так же определенно, как и вы. И у избирателя есть перед выборами право узнать, с кем после выборов хотят править те, кому он дал на это мандат. Но ошибочно, на мой взгляд, уделять больше внимания тому, чтобы сказать, с кем не хотят вступать в коалицию. Следует поразмыслить о том, какие еще остаются возможности действия, если недостижима желаемая цель. Итак, следует сказать, чего хотят достичь и с кем, но не исключать всего. Это заставит и другие партии выложить свои карты на стол.

Линднер: Приверженность собственным убеждениям и усилия, цель которых — быть авангардом в программном отношении, обеспечит самостоятельность СвДП. У нас, как либеральной партии, есть точки соприкосновения и разногласия со всеми партиями. При этом, на мой взгляд, не следует ежедневно подчеркивать расхождения с партнером по коалиции. Как вы поддерживали эту самостоятельность СвДП в коалиционных правительствах? От вас я знаю отличную остроту: если партнер по коалиции жалуется, что хвост виляет собакой...

Геншер: ...то хвост подыскивает новую собаку. Конечно, способность коалиции функционировать подразумевает и абсолютно серьезное отношение к сотрудничеству. И предсказуемость. Все партнеры по коалиции должны осознавать различие своего веса, как и тот факт, что только вместе они и обладают большинством. Выразусь еще определеннее: обоих коалиционных партнеров объединяет то, что в одиночку ни у кого из них нет большинства. Что один при этом больше другого, учитывается при избрании федерального канцлера и определении численности министерских постов.

ЛИЧНОСТИ

Линднер: В заключение я хотел бы еще сказать, что СвДП всегда интриговала меня тем, что ей удавалось объединять в своих рядах совершенно непохожих друг на друга личностей. Например, граф Отто фон Ламбсдорф и вы очень разные и, несмотря на это, вместе немалого добились.

Геншер: Так и есть. Это были отношения человека с человеком на основе взаимного уважения и доверия. Конечно, в истории нашей партии были и серьезные полемике. Самая серьезная, может быть, случилась на федеральном съезде партии в Ганновере в 1967 году, когда спорили о границе по Одере — Нейсе. Дискуссия о восточной границе едва не завершилась расколом партии, но в конце концов СвДП выстояла.

Линднер: Я вижу в этом также историческую силу СвДП. Либеральные индивидуалисты, разрабатывая что-то совместно, в том числе и ссорились. Именно благодаря этому аргументы, которые публично выдвигала СвДП, были лучше, чем у других.

Позже иной раз возникала своего рода конгрегация доктрины веры, которая могла подвергнуть отдельного человека анафеме, если он отходил от принятых позиций, признанных истинными. Взять хотя бы минимальную границу заработной платы, о которой мы говорили. В СвДП при обсуждении таких вопросов часто доходило до обмена ударами: мол, побойтесь бога, это уж никак не либерально. А значит, та или иная позиция характеризуется не тем, что она правильна или неверна, а своей «нелиберальностью». При этом приходится учитывать, что в конкретном вопросе понимается под «либеральным».

Геншер: Вот опять аргумент, с которым не поспоришь. Я хотел бы еще добавить, г-н Линднер, что СвДП, конечно, в силу этого ограничивает свою сферу действий. В соответствии с девизом «Нас голыми руками не возьмешь! Такое не обсуждается! Ни в коем случае!». Часто оказывалось, что делать-то было можно, и опять с нами.

Линднер: СвДП должна найти в себе мужество спорить о важных вопросах и ценностях — не избегая противоречий, но со взаимным уважением. И не обретет ли партия доверие, если граждане почувствуют, что она выдвигает свои аргументы только после внутренней борьбы?

Геншер: Либеральная идея не утверждает, что, мол, имеет на все ответы, в этом и заключается ее очарование для меня. Это касается всех сфер. Приверженность либерализму включает для меня и способность всегда ста-

вить под вопрос любое гарантированное знание. Этим либерализм отличается от идеологий, которые точно знают, как все будет складываться. Мы этого не знаем. Задача молодого поколения либеральных политиков заключается теперь в том, чтобы быть движущей силой для новых идей — и сохранить такое преимущество СвДП, как прозорливость. СвДП — партия не революционных требований, а эволюционного изменения. Задача либеральной партии — открыть путь новым идеям.

Линднер: Скажу, перефразируя Рихарда фон Вайцзеккера: наша партия должна наводить мосты, а не окапываться.

Геншер: Да, г-н Линднер, наводите мосты. Вам это по силам.

ОБ АВТОРАХ

Ганс-Дитрих Геншер (р. в 1927) — был федеральным министром внутренних дел, затем 18 лет федеральным министром иностранных дел и 11 лет лидером либералов. Принял решающее участие в достижении единства Германии и прокладывании пути к единой Европе. В свои 87 лет — почетный председатель СвДП, все еще одна из значимых фигур германской политики.

Кристиан Линднер (р. в 1979) — председатель земельной организации СвДП в Северном Рейне — Вестфалии и фракции в ландтаге, входит в число самых незаурядных представителей политического либерализма в своем поколении. Ранее был депутатом бундестага и генеральным секретарем своей партии. Своим последним успехом на выборах в Северном Рейне — Вестфалии показал, что СвДП с новыми приоритетами может обрести новое доверие избирателей. 7 декабря 2013 года на внеочередном съезде СвДП (после поражения на выборах в Бундестаг) Кристиан Линднер был избран на пост Председателя партии.

Ганс-Дитрих ГЕНШЕР, Кристиан ЛИНДНЕР

НАВОДИТЬ МОСТЫ
Два поколения, одна страсть

Ответственный за выпуск — Михаил Ледовский

Дизайн — Мария Ратинова

Верстка — Амина Кольцова

Редактор-корректор — Елена Абоева

Подписано в печать 10.09.2014

Тираж 1000 экз.

Фонд «Либеральная Миссия»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58

В 1979 году, когда **Кристиан Линднер** родился, **Ганс-Дитрих Геншер** уже был председателем Свободной демократической партии Германии и министром иностранных дел социал-либеральной коалиции. В своих беседах, которые велись с декабря 2012 по февраль 2013 года в Бонне, два либерала, политический старейшина, с одной стороны, и действующий политик, облеченный ответственностью, – с другой, говорят о том, за что они борются, и о своем пути в политику, о характере их партии, спутниках и противниках, о Германии и Европе, о том, почему «новое мышление» крайне необходимо. И не в последнюю очередь о том, что ими движет, – о страсти к свободе. Эта книга – дискуссия между двумя поколениями, между которыми тем не менее существует преемственность и взаимопонимание.